

"Спускайся к тебе"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мишель Лейтон

Плохие парни

Книга 1

Спускаясь к тебе

Лейтон ни за что не позволит читателю перевести дух... У сюжета так много неожиданных поворотов, что мое сердце непрестанно колотилось как бешеное...

Literati Literature Lovers

Превосходно... Я только раз оторвалась от чтения - надо было схватить банку холодного пива и остыть... Сюжетная линия бесподобна.

Review Enthusiast

Что ни говори, М. Лейтон умеет придумывать сексуальных плохих парней, способных одним взглядом покорить ваше сердце... Это фантастическая книга!

Nette's Bookshelf

Это просто блеск!

The Book Goddess

1

Оливия

Голова слегка кружится, но от счастья. Я даже не могу припомнить, как называются напитки, которые заказывает для нас Шоуни. Просто знаю, что они вкусные. И до чертиков крепкие! Вау!

- Ну когда уже придет стриптизер? Я готова к танцам! - кричит Джинджер - сумасшедшая, сама не своя до молодых мужчин барменша. Мы с ней вместе работаем в спортбаре «У Тэда» в Солт-Спрингсе, Джорджия. Джин и в обычной обстановке ведет себя диковато, но стоит ей оказаться в каком-нибудь странном новом заведении в городе вроде Атланты, и она превращается в настоящую тигрицу - полный улет. Р-р-рав!

Джинджер глядит на меня и ухмыляется. В тусклом свете ее белесые волосы приобрели желтоватый оттенок мочи, в бледно-голубых глазах блестит дьявольский огонек.

Я настороже и спрашиваю удивленно:

- Что такое?

- Я поговорила с управляющим. Он придет проверить, поможет ли Шоуни стриптизеру стаскивать паскудные тряпки, которые на нем будут. - Джинджер бешено хохочет. Я тоже не удерживаюсь от смешка. Она кого угодно достанет.

- Райан прибьет ее, если узнает, что она срывала одежду с другого мужчины, пусть даже это

было на девичнике!

- Он ничего не узнает. В кабинете остается то, что происходит за его дверями, - небрежно бросает Джинджер.

- Может быть, ты хочешь сказать: за дверями кабинета остается то, что там происходит?

- Именно это я и сказала.

Я усмехаюсь:

- Ох, ну ладно.

Глядя, как она прикладывает к своему нейротоксичному напитку, я посмеиваюсь и отдаю предпочтение воде. Кто-то должен сохранять ясность ума, хотя бы частично. Пусть это буду я. Сегодняшний вечер посвящен Шоуни. Я хочу отправить ее в замужнюю жизнь по высшему разряду. Сомневаюсь, что непременным атрибутом наилучшей из возможных вечеринок является волочение полумертвых гостей до дому или выскребание блевотины из туфель виновницы торжества.

Стук в дверь одного из кабинетов заставляет всех повернуть головы. Девчонки тут же начинают смеяться, кричать и улюлюкать.

Боже правый, надеюсь, это стриптизер, а не коп или еще кто похуже!

Дверь открывается, и в комнату входит невероятно красивый парень. Кажется, я таких никогда не встречала. На вид ему немногим больше двадцати, он высок и сложен как футболист - широкие грудь и плечи, мускулистые руки и ноги, тонкая талия. Сверху донизу одет в черное. Но больше всего впечатляет лицо.

Ну и офигительный же красавчик!

Темно-русые волосы коротко подстрижены, черты лица точеные. Парень осматривает комнату. Не могу сказать, какого цвета у него глаза, вижу только, что темные. Он открыл рот, чтобы заговорить, но тут как раз добрался взглядом до меня, моргнул и замер.

Я смотрю в его глаза, как загипнотизированная, все еще не могу определить цвет, но, кажется, радужки почти черные. Свет льется из дверного проема за спиной незнакомца, и глаза похожи на чернильные лужицы. Парень едва заметно склоняет голову набок и наблюдает за мной.

Из-за этого я начинаю нервничать и одновременно возбуждаться. Почему - сама не знаю. Нет никаких причин ни для нервяка, ни для похоти. Но я испытываю и то и другое. Дрожу мелкой дрожью, внутри все сжимается, мне становится жарко.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, когда Джинджер встает, затаскивает парня в комнату и захлопывает за ним дверь.

- Ну, Шоуни, давай поставим твою одинокую жизнь на прикол, как положено.

Остальные девчонки начинают визжать и подбадривать ее. Шоуни улыбается, но мотает головой:

- Ни за что! Это не для меня!

Двое из подружек будущей невесты проявляют настойчивость – они обступают Шоуни и пытаются, взяв под руки, поднять ее.

Она отклоняется назад и активнее трясет головой:

- Нет, нет, нет. Я не хочу. Занимайтесь этим сами.

Шоуни начинает выворачивать руки, чтобы освободиться, но подружки крепко вцепились в тонкие запястья. Несчастливая смотрит на меня, широко раскрытые карие глаза говорят обо всем, что мне нужно знать: ее сводит с ума сама идея.

- Лив, помоги! – Я поднимаю руку, спрашивая жестом: «Что ты хочешь, чтобы я сделала?» Она кивает в сторону красавчика, маячащего за спиной Джинджер. – Сделай это ты!

- Ты спятила? Я не буду раздевать стриптизера!

- Пожалуйста! Ты ведь знаешь, я бы сделала это для тебя.

Что правда, то правда. Проклятье!

Какого черта самую неуклюжую и застенчивую девчонку в мире втягивают в такие дела?

И как обычно, я отвечаю самой себе: «Потому что она легко на все поддается».

Набрав в грудь воздуха, я встаю и поворачиваюсь к нашему Крутому Стриперу, намеренно чуть-чуть вскидываю подбородок. Он продолжает следить за мной дымящимися угольными глазами.

Я делаю шаг к нему, он очень медленно поднимает бровь.

Меня бросает в жар.

«Должно быть, от выпитого, – думаю я. – Так и есть».

Чувствуя, что краснею, и слегка задыхаясь, я делаю еще один шаг.

Крутой Стрипер пятится подальше от Джинджер, чтобы лучше рассмотреть меня. Он складывает руки на груди и ждет; одна бровь так и остается изумленно выгнутой. Он не собирается облегчать мою участь. Я должна справиться сама, как просила Джинджер.

Тут, как по команде, музыка, плямкавшая в комнате весь вечер, становится громче. Песня сексуальная, с тяжелыми басами. Музыка под настроение, это точно. Кажется, ритмом подчеркнут каждый тревожный удар моего сердца, а я тем временем двигаюсь все ближе и ближе к этим бархатным глазам.

Вот я останавливаюсь прямо перед стриптизером. Надо поднять взгляд. Этот верзила на голову выше меня – я-то всего пять с половиной футов ростом.

Вблизи я вижу, что глаза у парня карие, темно-темно карие, почти черные.

Порочные.

Теряюсь в догадках, почему именно это слово пришло мне в голову, когда девчонки начинают скандировать хором, чтобы я стянула с парня рубашку. Неуверенно смотрю в их возбужденные

лица, потом оборачиваюсь к стриптизеру. Он неспешно разнимает руки и разводит в стороны, пошире.

Ухмыляется уголком рта. И выражением лица, и языком тела бросает мне вызов.

Я понимаю: он думает, что я не осмелюсь. И возможно, никто не осмелится.

Именно это вызывает во мне решимость.

Поддаваясь расслабляющему ритму музыки, надеваю на лицо улыбку и протягиваю руки, чтобы вытащить из-под ремня заправленную в брюки рубашку Крутого Стрипера.

2

Кэш

Черт возьми, да она красавица!

Между прядями черных волос ярко сверкают глаза, возможно зеленые; маленькое, ловко сработанное тельце, а повадки скромницы. Хотел бы я, чтобы мы оказались в этой комнате одни.

С ее губ не сходит улыбка, пока она пробегает пальцами по моей талии, высвобождая рубашку из брюк. Вот рубашка вытащена, и девушка начинает задирать ее.

Но останавливается. Какую-то долю секунды она колеблется. Я это вижу. Она старается не подавать виду, что не уверена в себе и в том, что делает.

Я смотрю вниз, в эти влажные глаза. Пусть она не останавливается. Хочу почувствовать прикосновение ее пальцев к коже. Поэтому я ее поддразниваю в надежде разбудить кошку, которая, готов побиться об заклад, прячется у нее где-то глубоко внутри.

- Ну давай, - шепчу я. - Разве ты уже получила свое?

Она сверлит меня взглядом, я задерживаю дыхание и выжидаю, чья возьмет. В восхищении наблюдаю за тем, как баланс сил смещается, и это изменение отражается в ее глазах. Они становятся немного ярче, веселее. Я никогда раньше не видел, как кто-то набирается храбрости. Что-то не давало этой девушке отступить, сдаться. Она принимает вызов. Это меня чертовски заводит.

Она неотрывно смотрит мне в глаза и тянет вверх край рубашки; наклоняется ко мне, я улавливаю легкий аромат духов. Запах сладкий и слегка мускусный. Сексуальный, как она сама.

Девушке приходится прижаться ко мне и встать на цыпочки, вытянувшись в струнку, чтобы через голову снять с меня рубашку. Чувствую, как ее груди трутся о мою грудь. Я мог бы облегчить ей задачу, но не делаю этого. Мне нравится, как она вьется вокруг меня. Не упущу такое удовольствие.

Стянув рубашку, девушка отступает назад и окидывает меня взглядом. Несмело. Это очевидно. Похоже, ей хочется смотреть на меня, но она немного смущается, отчего момент становится еще более волнующим. Я уверен, глаза всех, кто сидит в комнате, прикованы ко мне, к нам, но ощущаю только ее взгляд. Как языки огня, он лижет мое тело, обжигает, я это чувствую. Или,

по крайней мере, мне так кажется.

Я делаю глубокий вдох, и взгляд девушки опускается на мой живот. Потом, на миг, еще немного ниже. Она смотрит туда дольше, чем следует, но вовсе не так долго, как мне хотелось бы.

У меня начинает вставать.

Глаза девушки расширяются, она приоткрывает рот ровно настолько, чтобы высунуть наружу язычок и быстро облизнуть губы. Я скрежещу зубами, до того хочется прижать ее к себе и впиться в этот соблазнительный ротик.

В комнате зажигается свет. Этого достаточно, чтобы наваждение развеялось.

Я слышу мужской голос, давно доставший меня мужской голос.

- Приятель, что за черт? - Это Джейсон.

Я знаю, почему он злится.

Мне трудно оторвать взгляд от глаз девушки. В них потихоньку разгорается восторг, и хочется посмотреть, как далеко я смогу завести ее. Но я никуда ее не завожу. Вместо этого поворачиваю голову и смотрю сперва на Джейсона, а потом на истекающих слюной женщин. Игра окончена.

Проклятье! А можно было неплохо провести время.

Я улыбаюсь тем, чье внимание приковано ко мне:

- Леди, это Джейсон. Сегодня развлекать вас будет он.

Все глаза обращаются к Джейсону, тот закрывает за собой дверь и обходит меня стороной. Я смотрю на девушку, которая держит в руках мою рубашку. Она ошарашена. И не из-за пустяка.

- Да ты что? Как это - развлекать нас будет он? - спрашивает девушка, бросая на меня сконфуженный взгляд.

Я сразу не отвечаю; скоро она и так сама все поймет.

Она переводит взгляд на Джейсона, пытаясь из отдельных кусочков составить полную картину происходящего.

- Кто же из вас, прекрасные дамы, будущая невеста? - спрашивает Джейсон.

И тут я вижу, до нее доходит. Глаза опять расширяются, и даже в тусклом свете я замечаю, как ее щеки заливают краска.

Она смотрит на меня и хмурит брови:

- Если стриптизер он, тогда кто ты?

- Я Кэш Дейвенпорт. Владелец клуба.

3

Оливия

Что мне оставалось? Раскрыв рот, плююсь на хозяина заведения, борюсь с порывом заползти под какой-нибудь столик. Никогда еще меня так не унижали.

Слышу, как девушки кудачнут вокруг Джейсона, но эти звуки едва проникают в мой мозг. Каждая клеточка серого вещества сконцентрировалась прямо и непосредственно на парне, который стоит передо мной.

И тут меня охватывает злость.

- Почему ты позволил мне это сделать? Почему ничего не сказал, не представился?

Он улыбается. Улыбается, черт бы его побрал! На секунду я отвлекаюсь – отмечаю про себя, что улыбка обалденная, но потом ощущение униженности возвращается и затмевает все напрочь.

- Зачем что-то говорить, когда гораздо веселее позволить себя раздеть?

- Хм, это абсолютно непрофессионально, во-первых.

- С чего бы? Девушки заказали стриптизера. Какая разница, кого я пришлю?

- Не в этом дело. Ты нас намеренно обманул.

Он давится смешком. Смешком, черт возьми! Вот наглость.

- Не припоминаю, чтобы я обещал прислать честного стриптизера. Только старательного.

Я поджимаю губы. Сбеситься можно.

Как ни в чем не бывало, будто вовсе и не стоит передо мной без рубашки, парень складывает руки на груди. Это движение привлекает мое внимание к красиво очерченным грудным мышцам и татуировке, которая покрывает один бок почти целиком. Не могу разобрать, что изображено, но часть картинка захватывает левое плечо, будто за него держатся длинные искривленные пальцы.

Парень откашливается, и мой взгляд перепархивает на его лицо. Он улыбается шире прежнего, а я невольно хмурюсь. Не могу мыслить ясно, пока он стоит тут передо мной в таком виде. Отсутствие рубашки сильно отвлекает.

- Ты не считаешь, что нужно, по крайней мере, одеться?

- А ты не считаешь, что нужно, по крайней мере, отдать мне рубашку?

Я смотрю вниз, и точно: у меня в кулаке зажата его черная рубашка поло. Бросаю в него со злостью. И он ловит.

Черт-те что!

Странно, хоть во мне и кипит ярость, не могу понять, что меня так бесит. Просто бешусь, и все.

- Ты так разгорячилась! Может, мне надо было снять что-нибудь с тебя? – говорит этот наглец, надевая через голову рубашку.

- А что от этого изменилось бы?

Кроме того, что стыда было бы раз в десять больше.

Парень замирает и ухмыляется этакой самодовольной сексуальной ухмылкой. Я не хочу поддаваться ее чарам, но, кажется, не удержусь.

- Если бы я тебя раздел, ты сейчас так не бесилась бы, это точно.

Во рту становится сухо, в мозгу, будто выхваченные из тьмы вспышкой камеры, мелькают картинки: вот он снимает с меня блузку, стаскивает через голову, его руки на моей коже, его тело прижимается к моему, губы так близко, что я почти могу попробовать их на вкус. Всего-то и надо, чтобы весь гнев забылся.

Я смотрю на парня с открытым ртом - опять, а он заправляет в брюки рубашку. Справившись с задачей, делает шаг ко мне. Я стою неподвижно. Его ухмылка превращается в соблазнительный изгиб, от которого мои колени слабеют. Я совершенно зачарована и смущена тем, в какое возбуждение приводит меня его шепот. Парень говорит мне прямо в ухо:

- Ты бы лучше закрыла рот и не искушала меня, а то не удержусь от поцелуя. Вот тогда тебе и правда будет о чем переживать.

Я втягиваю воздух. Меня шокировала не его фраза, нет. Мне действительно хочется, чтобы он сделал то, о чем говорит. Это факт. От одной мысли об этом у меня напрягается живот.

Парень отклонился назад и посмотрел на меня сверху вниз. Не знаю почему, но я плотно сжала губы.

Он заметил.

Черт!

По его лицу волной прокатывается разочарование. И это вызывает во мне какую-то извращенную радость.

- Тогда, может быть, в другой раз, - говорит парень и подмигивает мне. Откашливаясь, делает шаг назад и смотрит влево. - Леди, - произносит он, кивая девушкам, которые не обращают на него ни малейшего внимания, потому что наблюдают за Джейсоном, дразнящим Шоуни своим уже обнаженным торсом. Тогда мой незадачливый партнер смотрит на меня и говорит, намеренно с южным акцентом: - Мэ-эм.

Отрывисто кивает, разворачивается, открывает дверь и выходит из комнаты, тихонько притворяя ее за собой.

Никогда прежде я не испытывала такого сильного искушения броситься за кем-либо вслед.

* * *

С трудом разлепляю веки, готовясь к тому, что в голову вонзятся острые ножи. Однако ясный сентябрьский свет, льющийся в комнату через окно, не вызывает болезненных ощущений. Странный случай: похмелье, какого еще не бывало. Но я рада.

Тем не менее боль ощущается - ее вызывают воспоминания об унижении, испытанном вчера вечером. Они возвращаются ко мне очень быстро, вместе с образом Кэша - ослепительного

владельца клуба. В голове всплывают живописные подробности – высокий сильный парень с прекрасным лицом и совершенным телом. И улыбкой, за которую можно умереть. Я перекатываюсь на живот и утыкаюсь лицом в подушку.

О мой бог, он был такой обалденный!

Даже сейчас я жалею, что он не поцеловал меня. Глупо, но это могло сделать мое фиаско не таким... полным.

Ругая себя, переворачиваюсь обратно на спину и устремляю взгляд в потолок. Я достаточно умна, чтобы осознать, когда проигрываю из-за одной своей серьезной слабости. Когда я думаю о его темных глазах, побуждающих меня раздеть его, мой пульс ускоряется и тепло разливается по всему телу при мысли о прикосновении его губ к моим губам – это достаточные основания для радости, что больше я никогда его не увижу. Он воплощение того, что нужно мне в этой жизни не больше, чем дырка в голове, – любовного интереса к плохому парню, очередного.

Как всегда, размышляя об идеальных кошмарных отношениях, я вспоминаю Гейба. Кэш сильно его напоминает. Самодовольный, сексуальный, полный шарма. Строптивый. Мятежный.

Сердце.

Сжав зубы, выползаю из-под одеяла и плетусь в ванную. Я выбрасываю Гейба из головы, не даю этому поганцу ни единого шанса еще хоть на одну секунду моей жизни.

Вылив на лицо достаточно холодной воды, чтобы почувствовать себя хотя бы наполовину человеком, неверным шагом иду на кухню. Прохожу гостиную. Роскошная дизайнерская мебель, со вкусом подобранные предметы искусства в нужных местах – все мимо сознания. Уже почти две недели, как приятельница, с которой я снимала комнату, слиняла куда-то, и мне пришлось переехать к своей богатой кузине Мариссе. Наконец я привыкла к виду роскоши, в которой обитает другая часть человечества.

«Ну, вроде того», – думаю я, останавливаясь, чтобы взглянуть на настенные часы за две тысячи долларов.

Около одиннадцати. Немного злюсь на себя за то, что проспала большую часть выходного, поэтому вхожу на кухню ворчливая и ошкетинившаяся. Марисса сидит у кухонного островка, закинув длинные голые ноги одна на другую и выставив их в сторону угнездившегося на высоком стуле парня. Это зрелище не улучшает настроения.

Я мрачно смотрю на широкую, затянутую в лен спину и мощные плечи, на темно-русые волосы. Каких-то полсекунды соображаю, во что одета (мальчишеские шорты и топик на тонких бретельках) и как выгляжу (спутанные черные волосы, заспанные зеленые глаза и недосмытая косметика). Не отправиться ли обратно в свою комнату? Вопрос отпал, потому что Марисса заговорила со мной.

– Вот и ты, Спящая красавица! – Она тепло улыбается мне.

Это подозрительно.

Марисса никогда не встречает меня приветливо. Никогда. На нее можно смело ставить трифекту [1] на тотализаторе – она займет три первых места по испорченности, высокомерию и ехидству. Если бы у меня был любой другой вариант обретения крыши над головой, я бы

непрерывно им воспользовалась. Не то чтобы я ей не благодарна. Я благодарна. И выражаю признательность тем, что плачу свою часть аренды, о чем Марисса вообще не заботится (это делает ее отец), и не душу ее во сне. Я считаю, это большая щедрость с моей стороны.

- Доброе утро, - говорю я неуверенно, хриплым голосом.

Широкие плечи, заслоняющие Мариссу, разворачиваются ко мне вместе с русой головой. Порочные темно-карие глаза Кэша заставляют замереть, останавливают дыхание.

Это Кэш, вчерашний владелец клуба.

Чувствую, как у меня отпадает челюсть и желудок проваливается куда-то под пол. Я удивлена и смущена, но больше всего меня поражает, насколько привлекательнее он выглядит при дневном свете. Втайне я надеялась, что моя реакция на Кэша прошлой ночью вызвана алкоголем вкупе с тем фактом, что я снимала с него одежду.

Очевидно, ни то ни другое не имело отношения к моим переживаниям.

- Что ты тут делаешь? - смущенно спрашиваю я и вижу, как он слегка хмурит бровь.

- Прости, не понял?

Он смотрит на Мариссу, потом снова на меня.

- Погоди-ка. Нэш, ты ее знаешь? - спрашивает Марисса; теплоты в ее голосе как не бывало.

Нэш? Нэш - дружок Мариссы?

Я не знаю, что сказать. Мой одурманенный ум не в состоянии расставить по местам фрагменты пазла.

- Да вроде нет, - говорит Кэш/Нэш с бесстрастным выражением лица.

Как только я осознаю, что происходит, изумление и смущение уступают место ярости и возмущению. Больше обманщиков я ненавижу только лжецов. Лжецы вызывают у меня отвращение, просто бесят.

Я машинально подавляю гнев. Теперь сохранять спокойствие не стоит мне большого труда - результат многолетних тренировок по заглатыванию собственных эмоций.

- Ах вот как? Ты всегда так легко забываешь женщин, которые раздевали тебя накануне вечером?

В его глазах вспыхивает искорка. Что это... смех?

- Поверь мне, такое я бы не забыл.

Марисса соскакивает со стула у островка и принимает воинственную позу, уперев кулаки в бедра:

- Какого черта? Что тут происходит?

Я никогда не встречаю в сложившиеся между парами отношения. Чем они занимаются, не сообщая друг другу, это их личное дело. Но тут случай особый. Не знаю почему, но это так.

«Может быть, потому, что она моя кузина», – говорю я себе, хотя сама знаю: мы с Мариссой друг друга не любим, нам терять нечего.

В голове проносится другая мысль: «Ты расстроена, потому что тебя с легкостью забыл парень, с мыслями о котором ты сегодня проснулась». Я решительно отметаю ее, навешивая ярлык «чушь собачья», и двигаюсь дальше.

Сперва я обращаюсь к Мариссе:

– А вот что. Этот самый Нэш вчера вечером явился на девичник Шоуни и выдавал себя за владельца клуба по имени Кэш. – Потом поворачиваюсь к самозванцу, о котором идет речь. Хоть и стараюсь, но не могу удержаться от насмешливого тона. – А ты? Ты Кэш или Нэш? Не считаешь, что мог бы быть более оригинальным? Расчетверился бы, что ли?

Я не сомневалась, что сейчас Марисса обрушит на Кэша/Нэша праведный гнев, а тот немедленно начнет каяться или хотя бы выкручиваться, чтобы оправдать содеянное. Но получила то, чего ожидала меньше всего.

Они оба стали смеяться.

Мой смущенный вид, кажется, только усиливает их веселье. И гнев во мне растет соответственно.

Первым заговорил Кэш/Нэш:

– Полагаю, Марисса не успела сказать тебе, что у меня есть брат-близнец?

4

Нэш

Я наблюдаю, как на лице этой милой девушки отображается вся гамма эмоций. Смущение, гнев, досада, удовольствие, потом снова смущение. Завершающий аккорд – полное недоумение.

– Ты шутишь.

– Едва ли. Зачем выдумывать такую историю?

Она продолжает ошарашенно смотреть на меня.

– Так, значит, ты Нэш.

Я киваю:

– Верно.

– Кэш и Нэш.

Я пожимаю плечами:

– Нашей матери нравилась музыка кантри.

– И Кэш – владелец клуба «Дуал».

- Именно так.
- Это тебя извиняет.
- Строго говоря, нет. По-любому - нет. Ну да ладно.
- А меня никто не дурачил.

Я смеюсь:

- Да, тебя никто не дурачил.

Она покусывает губы, не открывая рта, - переваривает новости. Не думаю, что она догадывается, насколько сексуальна и обворожительна.

Волнение улеглось, девушка набирает в грудь воздуха и задает вопрос:

- Могу я начать все сначала?

Я ухмыляюсь:

- Конечно.

На ее губах тут же появляется ослепительная улыбка. Красотка выставляет вперед руку, говоря:

- Ты, должно быть, Нэш, парень Мариссы. Я Оливия, немного туповатая кузина Мариссы.

Я опять ухмыляюсь:

- Приятно познакомиться, Оливия, немного туповатая кузина Мариссы.

«Сомневаюсь, что в тебе есть хоть что-то туповатое».

Девушка удовлетворенно кивает, поворачивается и идет за кофейником. Что мне остается, чтобы не следить за ней, - ухватиться за сидящую передо мной прекрасную блондинку. Глядя на Мариссу, я всегда видел перед собой элегантную, статную, роскошную женщину. Но сегодня утром обнаруживаю, что мне хочется, чтобы она была милой, растрепанной, огненной брюнеткой.

Вот черт! Это плохо!

5

Оливия

- О мой бог! Этого не может быть! Ты серьезно? - бормочет Шоуни, жуя свадебный торт.

вернуться

1

Трифекта - вид комбинированной ставки в тотализаторе, когда игрок пытается угадать победителя, а также второго и третьего призеров в гонке, заезде или забеге. (Здесь и далее

примеч. пер.)

Крошки вылетают у нее изо рта, и это меня смешит. Пойти с Шоуни попробовать свадебные торты – отличное развлечение, лучше только моя роль на девичнике.

- Хотела бы я, чтобы это была шутка, но нет. Это было ужасно! – Я чувствую, как лицо вспыхивает от пережитого стыда при одном упоминании об истории с Нэшем.

- Хорошо, что это был брат, а не тот, с кем ты откровенно заигрывала.

Я шлепаю Шоуни по руке:

- Я не заигрывала с ним откровенно!

- Нет, но хотела.

- Я, конечно...

- Даже не пытайся мне врать, глупая девчонка. Я слишком хорошо тебя знаю. У него есть все, что должно быть у плохого парня. Удивляюсь, как это ты не обхватила его ногами, не впилась в него губами и не обернулась вокруг него всем телом прямо там и тогда.

- Боже, Шоуни, ты говоришь обо мне, как о шлюхе.

- О шлюхе? Правда? – Она смотрит на меня скептически.

Мы обе прыскаем со смеху. Видя на зубах Шоуни красную помадку с торта, я начинаю хохотать во все горло.

- Замолчи. Это плохое слово, – объясняю я, подражая своей матери.

Она была образцом чопорной добропорядочности. Словам «шлюха» и «потаскуха» не было места в ее словарном запасе. А вот словам «разведенка» и «брошенная» место нашлось.

- Даже не намекай на нее. Психану! – говорит Шоуни.

- Знаешь, это правда страшно. Ты сейчас говоришь, а у тебя зубы такие, будто ты только что съела чью-то печень. – Пищевой краситель выглядит как свежая кровь.

- Я съела. Было вкусно. С кьянти и конскими бобами, – говорит она голосом Ганнибала Лектера [2] и издает какой-то странный звук, всасывая в себя воздух.

Мы обе смеемся, модно одетая продавщица неодобрительно косится на нас.

- Ты лучше замолчи. Уверена, быть выброшенной из магазина свадебных тортов за месяц до свадьбы – это к несчастью.

Шоуни кротко улыбается продавщице и говорит мне, едва шевеля губами:

- Если бы у тебя был кусочек угля, мы бы нагнули ее, засунули ей в задницу и через пару дней достали бы оттуда большущий алмаз.

- Знаешь что, Шоуни, я уверена: чтобы уголь превратился в алмаз, времени нужно гораздо

больше, чем пара дней.

- Не в этой заднице.

Бросив на строгую леди косой взгляд, я меняю мнение:

- Может, ты и права.

- Вот что, пока вся эта сладкая и полезная для мозгов пища циркулирует у нас в крови, давай составим план, как тебе увести Нэша у Мариссы. Я думаю, это будет самый лучший свадебный подарок – увидеть, как изменится лицо у этой самодовольной шлюхи.

- Что? Ты спятила? Я не собираюсь никого ни у кого уводить.

- А почему? Этот парень – такой, какого ты всегда хотела.

- Знаю, – говорю я со вздохом.

И Нэш знает. Он невероятно красив, обаятелен, наверняка умен, успешен, надежен, твердо стоит на ногах – все это мама вбивала мне в голову с самого детства, убежденная, что мой отец лишен таких качеств. И самое важное: Нэш НЕ плохой парень. Я могу во многом не соглашаться с матерью, но знаю точно: в том, что касается мужчин, на которых мне стоит положить глаз, она права. Доказательства ее правоты я находила раз за разом. Может, кто-нибудь вроде Нэша поможет фактам пробиться к моему падкому на дурное сердце. До сих пор казалось, что влюбляться в плохих парней – это моя судьба.

- И что, в чем проблема? Иди и забери его.

- Все не так просто. Хотя бы потому, что я сама не такая.

Шоуни роняет вилку и злобно смотрит на меня:

- И какая это ты не такая? Не из тех, кто берет то, что хочет? Кто добивается от жизни своего? Кто делает все, чтобы найти счастье? О нет. Ты совсем не такая. Ты страдальца. Тебе надо, чтобы жизнь обошла тебя стороной, потому что ты больше не хочешь рисковать.

- Желание получить образование, чтобы помочь отцу, не делает из меня страдальца.

- Нет, но вычеркивание из жизни всего остального ради того, чтобы вернуться в Поданк, делает.

- В его жизни уже была женщина, которая его бросила. Я не хочу быть второй. – Резкость в голосе скрыть не удастся.

Шоуни выводит меня из себя.

- Жить своей жизнью не значит бросать кого-то, Лив.

- Именно так она и сказала.

На это Шоуни ответить нечего.

* * *

Пройти основной курс бухгалтерского учета за два первых года в колледже было настоящим подвигом. Но все равно, несмотря на легкое расписание, я сегодня очень устала. И для этого есть причины. Сейчас вечер пятницы. Впереди выходные.

Тоже тот еще отстой.

Хотелось бы думать: это просто боязнь, что придется ехать домой и работать до понедельника, но я знаю, причины несколько глубже. Все этот глупый разговор с Шоуни, пока мы пробовали торты.

«Этот парень – такой, какого ты всегда хотела».

С каждым днем это становится все более ясным. Я вздыхаю.

На этой неделе Нэш приходил к Мариссе каждый вечер.

Чем больше я внимала его речам, слушала его смех, наблюдала, как он себя ведет, тем сильнее мне хотелось быть человеком, беспощадным в борьбе за исполнение своих желаний.

Но я не такая. На это монополия у Мариссы. Да, у Мариссы и моей матери.

Если я когда-нибудь решусь на кражу, Нэш станет моей первой воровской добычей.

Слышу его низкий голос, он разговаривает с Мариссой. Без сомнения, у них грандиозные планы на ночь. Их шикарная жизнь – материал, из которого создаются сказки. К несчастью, моя жизнь – все, что угодно, только не сказка.

Решительно мотнув головой, отчего глаза затуманились слезами, я затягиваю хвост на макушке и смотрю на себя в зеркало. Рабочая одежда Мариссы – это костюм за тысячу долларов и туфли от Джимми Чу. Моя – черные шорты и футболка с надписью: «Прими на грудь у Тэда». Таким, как я, не суждено жить в сказке.

Я рада, что слышу хлопок входной двери. По крайней мере, теперь по пути к выходу мне не придется проходить мимо этого динамического дуэта. Ну и дрянной уик-энд, а ведь он только начался. Меньше всего мне сейчас нужно видеть, как они тащатся друг от друга.

Я даю сладкой парочке минуту-другую, после чего беру сумочку и ключи, закидываю на плечо баул с запасом вещей на ночь и направляюсь к двери. Думая, что надо было зайти в уборную перед уходом, поднимаю взгляд и вижу Нэша, который сидит в своей отполированной до блеска машине и говорит по телефону. Не глядя, куда иду, я забываю про поребрик – и это заканчивается падением.

Вероятно, мне удалось бы сохранить равновесие, если бы не набитая битком сумка. Раз ее понесло не туда, нас обоих было уже не остановить.

Я выпадаю вверх тормашками на парковку, представляя саму себя каким-то мультяшным колесом от телеги, которое катится и молотит, как цепами, руками и ногами.

Хоп! – снова я выгляжу дурой. И притом в глазах Нэша.

Кончится ли когда-нибудь мой вечный конфуз перед этим парнем?

В голове проносится мысль, пока я пытаюсь подняться. Тем не менее не успеваю я выпутаться из лямок сумочки и баула с вещами, как меня подхватывают под мышки и ставят на ноги чьи-

то сильные руки.

Я оказываюсь лицом к лицу с Нэшем. Его темно-шоколадные глаза полны заботы, от него слегка пахнет дорогим одеколоном, чем-то мускусным, темным, сексуальным.

- С тобой все в порядке?

Я ничего не соображаю и ни с того ни с сего выдаю:

- Рада, что хоть не описалась.

У Нэша отпадает челюсть, чуть-чуть, - и я чувствую, что заливаюсь краской.

Святой боже, что это я такое ляпнула?

А потом Нэш смеется. Идеально очерченный рот растягивается в улыбке, обнажая столь же идеальные зубы. Лицо из просто красивого превращается в ослепительно прекрасное. А смех - глубокий, раскатистый - так и скользит по коже, будто атласная ткань.

Пялюсь и пялюсь на Нэша, но, кажется, не могу оторвать глаз от его губ, таких близких. Они совсем такие же, как у его брата. Такие вкусные. Такие запретные. И, несмотря на все причины, по которым я не должна этого хотеть, я хочу, чтобы он поцеловал меня так же страстно.

Что, черт возьми, со мной не так?

вернуться

2

Ганнибал Лектер - персонаж триллеров Томаса Харриса.

- Да.

У меня в голове полный кавардак.

- Что? - спрашиваю, голова кру?гом.

- Я тоже, - повторяет он.

- Что ты «тоже»?

- Рад, что ты не описалась.

Ах да. Вот оно что.

Отступая от него, чтобы собраться с мыслями, я робко улыбаюсь и качаю головой:

- О боже! Прости меня. Я это... просто только что думала: надо было сходить в туалет перед выходом. Сегодня много пила.

Я натянуто смеюсь. Нэш продолжает весело смотреть на меня. Это ужасно.

- Куда ты собралась?

- На работу.

- А-а. И где это? - спрашивает он, засовывая руки в карманы, будто готовится к долгому разговору.

- Ну, это гриль-бар «У Тэда» в Солт-Спрингсе.

- В Солт-Спрингсе? - Он хмурится. - Это что, больше часа отсюда?

- Точно. Вот почему мне нужно спешить.

Надо распрощаться с ним, пока не случилось чего-нибудь еще более постыдного. Вдруг я прикоснусь к его соскам, которые различаю под дорогой, облегающей тело рубашкой?

- Правильно. Веди машину осторожно.

Кивнув и вежливо улыбнувшись, Нэш поворачивается и идет к машине, которая тихо урчит мотором в нескольких футах от нас.

Я почти бегу к своей побитой «хонде цивик». Никогда еще она не представлялась мне таким желанным убежищем, последним приютом. Запрыгиваю внутрь, хлопаю дверцей и с облегчением выдыхаю.

Но потом поворачиваю ключ и, вот досада, слышу какой-то жалобный вой. Мотор не заводится.

Я смотрю на датчик топлива. Бак наполовину полный. Значит, проблема не в этом. Лампочки на приборной панели горят ярко, такие миленькие. Аккумулятор не разряжен. Кроме этого, я не знаю, что проверять.

Беспомощно сижу за рулем, соображая, что, к чертям собачьим, мне делать, и тут вижу Нэша. Он обходит спереди мою машину и становится рядом с окном. Я опускаю стекло.

Пытаюсь улыбнуться, хотя мне хочется расплакаться.

- Машина не заводится? - спрашивает Нэш.

- Не-а.

- А что не в порядке?

- Понятия не имею. У меня есть яичники, поэтому во мне все восстает против механики.

Нэш ухмыляется:

- Типа залей бензин, поменяй масло и все такое прочее?

- И еще очень многое.

- Давай я посмотрю. Можешь открыть капот? - спрашивает он, закатывая рукава до локтей.

Боже правый, у него даже предплечья сексуальные!

Я смотрю вниз и влево, вижу маленький значок для открывания капота. Какое счастье, что я

знаю хотя бы это.

Тяну за рычажок.

Не знаю, выйти мне или сидеть в машине. В целях самосохранения решаю остаться внутри. Нахождение в машине, подальше от Нэша, по экспоненте уменьшает вероятность того, что я совершу или скажу какую-нибудь глупость. Так лучше.

Сквозь щель, где капот крепится на петлях к кузову, я вижу, как Нэш возится с какими-то штуками, дергает какие-то шланги и провода, что-то прикручивает. Потом он отряхивает руки, закрывает капот и снова подходит к моему окну:

- На первый взгляд никаких серьезных неполадок нет, но я не механик. Кажется, эта машина не собирается никуда ехать в ближайшее время. Хочешь, я вызову эвакуатор?

Я испускаю глубокий досадливый вздох.

- Нет, не нужно. Я сама вызову, когда позвоню на работу.

- Ты уверена?

Я выдавливаю из себя улыбку – самую широкую, на какую только способна, это точно.

- Да, я уверена. Предпочитаю получить выговор приватно, если ты не возражаешь.

Нэш хмурится:

- У тебя будут проблемы?

Я небрежно отмахиваюсь:

- А, не больше, чем обычно.

Нэш кивает и начинает уходить, но останавливается. Я вижу, что он смотрит на часы, потом поднимает взгляд, как будто думает о чем-то. Видно, как прокручиваются колесики у него в голове.

- Может, ты позволишь мне отвезти тебя на работу?

- Ни в коем случае! У вас с Мариссой были планы, к тому же тебе не по пути. Солт-Спрингс никому не по пути.

- Мы просто собирались провести время с несколькими сослуживцами. Я могу немного опоздать. Это не проблема.

- А для меня проблема. Я сама справлюсь. Ценю твое предложение, но вынуждена отказаться.

- Отказаться? – В глазах Нэша вспыхивает озорной огонек. – А что, если я настаиваю?

- Настаивай себе сколько угодно. Мой ответ не изменится.

Нэш с прищуром смотрит на меня, и уголки его губ приподнимаются. Он медленно подходит к моему окну, наклоняется и опирается предплечьями на дверцу, где опущено стекло. Его лицо в каком-то дюйме от моего.

- Я всегда могу заставить тебя.

Слова звучат мрачно и грязно, с намеком на какое-то неопределенное удовольствие. Думать я могу только о том, что бы он заставил меня делать и как я этого хочу.

Есть одно неприятное определение этого: парень принуждает девушку к сексу. Но о чем оно говорит? Нельзя изнасиловать того, кто сам напрашивается. А я бы напросилась. О, как бы я напросилась!

Во рту пересохло так, что язык липнет к нёбу. Меня хватает только на то, чтобы покачать головой.

Нэш молниеносно протягивает руку и выхватывает ключи из замка зажигания. Самодовольно улыбаясь, выпрямляется и обходит машину. Остановившись у окна со стороны пассажира, он открывает дверцу, забирает с сиденья мои баул и сумочку и бросает мне, прежде чем закрыть дверцу:

- Ты либо идешь со мной, либо остаешься сидеть в машине, которая не заводится. Выбор за тобой.

После чего хлопает дверцей и как ни в чем не бывало направляется к своему авто с моими вещами, которые забрасывает на заднее сиденье. Потом прислоняется к дверце водителя, складывает на груди руки и смотрит на меня. Ясно, что это вызов.

Я достаточно упряма и могла бы найти способ настоять на своем, если бы действительно не хотела ехать с ним. Но в том-то и загвоздка: я хочу с ним ехать. Провести побольше времени наедине с Нэшем, без Мариссы, - это предел мечтаний. То есть у меня нет планов умыкнуть его. Даже если бы я могла. У Мариссы полный комплект: она визгливая сучка, но при этом умна, богата, успешна и имеет черт-те какие связи в адвокатском мире Атланты.

И я - студентка-счетоводша тире барменша тире дочка фермера. Да уж, какое тут умыкание Нэша, даже если бы я была из тех, кто рискнет попытаться.

К счастью, это делает поездку с ним еще более безобидной.

Подняв стекла, я вылезая из машины, запираю дверцу и направляюсь к «БМВ» Нэша - плюшевый салон и всякие навороты. Я оставляю без комментариев довольную улыбку, которая сияет на лице Нэша, когда он залезает в машину и садится рядом со мной. Пусть думает, что победил.

- Ну что, это было так трудно?

Я стараюсь, чтобы моя улыбка выглядела не более чем вежливой, подавляя пружий изнутри восторг.

- Да не так уж. Ты был убедителен.

- Так обо мне все говорят.

- Не сомневаюсь, - бурчу себе под нос. Нэш вскидывает голову и смотрит на меня, я невинно улыбаюсь. - Что?

Взгляд у Нэша подозрительный.

- Мне показалось, ты что-то сказала.

- Нет. Это не я.

Пока Нэш задом выезжает со стоянки, я бросаю все силы на то, чтобы сдержать улыбку.

6

Нэш

Уголкем глаза слежу за Оливией, а сам тем временем двигаюсь к федеральной автостраде. Знаю, я нарываюсь на проблемы: собраться в такую даль, чтобы провести немного времени с этой девушкой!

Разумеется, я помог бы любой женщине, попавшей в подобную ситуацию. Но зашел бы настолько далеко? Вероятно, нет. А стал бы сам на этом настаивать? Определенно нет.

Почему ты не мог просто подождать эвакуатор и уйти?

На это у меня ответа нет, но, кажется, оттого, что в ней есть нечто...

Она хороша собой, это точно, хотя немного не в моем вкусе. Полная противоположность Мариссе практически во всем - в физическом смысле и во всех прочих. И хотя Марисса подходит мне по всем статьям, меня не тянет к ней так сильно, как к этой девушке.

И это не к добру.

Я знаю.

И все же я здесь. Везу ее через полштата, типа подвожу до работы. В то время как меня ждет моя девушка.

Вот черт! Марисса!

Набираю скорость на полосе разгона и поворачиваюсь к Оливии:

- Не возражаешь, если я позвоню Мариссе?

Она улыбается и качает головой.

Нажимаю пару кнопок на приборной панели, чтобы отключить громкоговоритель. Не хочу, чтобы Оливия слышала наш разговор.

- Ты где? - спрашивает Марисса, едва успев поднять трубку.

- У Оливии машина не заводится. Я отвезу ее на работу и тут же буду.

- У Оливии? У моей кузины Оливии?

- Конечно. У кого же еще?

- И ты везешь ее на работу? В Солт-Спрингс?

- Да.

Меня приветствует тишина. Я знаю, какова Марисса с другими людьми. И полностью осознаю, как она сейчас сдерживает гнев и язвительные комментарии в мой адрес. Ей здорово удается полировать фасад. Она понимает: наши отношения прекратятся, если она не будет сдерживаться. Вот поэтому она и молчит, пока не возьмет под контроль свои эмоции.

- Ужасно мило с твоей стороны, что ты ей помогаешь. Просто я такого не ожидала. Она мне не чужая, но я никогда не попросила бы тебя так менять планы из-за нее.

- Знаю, что не попросила бы. Но мне не трудно. Правда.

Новая пауза.

- Ну хорошо. Тогда, полагаю, мы увидимся через пару часов.

- До скорого.

Я кладу телефон на подставку и замечаю: Оливия внимательно смотрит на меня.

- Что-нибудь не так? - спрашиваю.

- Вот и я о том же. Она бесится?

- Нет. С чего ей беситься?

- Ты хоть сам-то знаешь, с кем встречаешься?

Я не могу удержаться от смешка.

- Она не такая плохая. Вынесла это с честью.

- Хм.

- Вы явно друг друга недолюбливаете. Почему же ты живешь с ней?

Бросаю взгляд на Оливию и вижу, как она спадает с лица.

- Я говорю как неблагодарная сучка. А она твоя девушка. Прости.

Черт, я задел ее.

- Пожалуйста, не извиняйся. У меня и в мыслях не было упрекать тебя. Просто любопытно, как это все получилось.

- Марисса тебе не говорила?

- Нет. Об этом она не распространялась.

- Цены, - бурчит себе под нос Оливия. Я делаю вид, что не слышу ее, и мне становится весело. - Девушка, с которой мы вместе снимали жилье последние два года, внезапно сорвалась и поехала за своим парнем в Колорадо, даже не предупредив меня. Как раз настало время продлевать аренду, и у меня не хватило денег, чтобы заплатить одной. Так что пришлось устраиваться как-то по-другому. Лучшая подруга предложила мне диван у себя, но она в следующем месяце выходит замуж, поэтому ничего не вышло. Оставалась только общага. Пока отец Мариссы не предложил мне пожить с ней. Он берет с меня не так много, как мне

пришлось бы платить за комнату и питание в колледже, и это здорово, потому что такие расходы для меня большая проблема. У меня очень скромный бюджет, хотя Тэд мне неплохо платит за работу в баре. – Она смотрит на меня, и я понимающе киваю. – Может, по моим словам непохоже, но я правда очень благодарна. Просто у меня была тяжелая неделя.

– Значит, ты работаешь в баре?

– Ну да.

– Могу я спросить, почему ты едешь в такую даль, хотя в городе есть, наверное, дюжина баров, куда тебя могли бы взять?

– Тэд платит лучше, чем во всех других местах, которые я проверяла. Многие его девушки отпрашиваются на выходные, поэтому мне он приплачивает сверху за работу каждый уик-энд. Я работаю там уже два года, а с Тэдом знакома полжизни. Он знает, что я всегда буду на месте.

– Значит, это хорошо, что я вынудил тебя согласиться и везу на работу.

Она усмехается. Такая милая, сексуальная усмешка. Мне хочется поцеловать Оливию.

Это нехорошо.

– Полагаю, я у тебя в долгу.

– Не сомневайся, я смогу придумать, чем ты мне отплатишь.

Приятель, ты уже флиртуешь?

Мне самому кажется, что последние слова прозвучали двусмысленно. Но самое печальное, намек действительно был. Есть масса вещей, которые я с удовольствием попросил бы ее сделать для меня. Или со мной. Или разрешить мне сделать с ней.

Усмешка Оливии перерастает в широкую улыбку.

– Дай знать, когда что-нибудь придумаешь.

Ого! Она тоже заигрывает со мной!

Надо одуматься. Не стоит поддаваться. Но я не могу. Совсем не могу!

Пора сменить тему.

– Вот что. Я не знаю, сколько платит мой брат, но уверен, что выше среднего. Почему бы мне не поговорить с Кэшем о тебе? Может, у него есть место?

На лице Оливии паника.

– Нет!

– Ладно, – говорю я, слегка шокированный ее реакцией. – Могу я спросить почему?

Она вздыхает и откидывает голову на подголовник, закрывает глаза.

- Это довольно длинная и постыдная история.
- Это связано с тем, как ты снимала с него одежду?

Оливия резко поднимает голову и поворачивается ко мне с широко раскрытыми глазами:

- Он что-нибудь говорил об этом?
- Нет, ты сама об этом упомянула в то первое утро, помнишь?

Оливия успокаивается:

- Ах да. Это правда.
- Так что же, из-за одного такого ничтожного происшествия ты откажешься от работы, которая гораздо ближе к дому да к тому же лучше пополнит твой бюджет?
- Ну, вопрос о возможном пополнении моих карманов остается открытым. Ты ведь не знаешь, сколько он платит.
- Я почти могу гарантировать: этого будет достаточно, чтобы заинтересовать тебя. У него очень большой клуб.
- Хм, - произносит Оливия.
- Ну, ты хотя бы подумай об этом. Если не хочешь, чтобы я снова заставлял тебя. Я смогу вовлечь тебя в это, сама знаешь.

Оливия окидывает меня взглядом и улыбается. И мне хочется только одного - съехать на обочину и затащить ее к себе на колени.

- Я передумал, может, лучше ты заставишь меня заставить тебя.

Ты что такое творишь, парень?

Оливия приподнимает голову с подголовника, потом поворачивает ее в сторону:

- Ты заигрываешь со мной?

Я пожимаю плечами. Она такая открытая. Мне это нравится.

- А ты возражаешь?
- Марисса - моя кузина, ты знаешь.
- Но ты ее едва терпишь.
- Это не причина. Я не из таких девушек.

Я смотрю на нее. И не сомневаюсь в ней ни секунды. Она может думать, что Марисса - стерва, но никогда не сделает ничего, чтобы намеренно причинить ей боль.

- Можешь мне не верить, но я знаю, что ты не из таких. Я очень хорошо разбираюсь в характерах людей, и у меня нет ни капли сомнения в том, что ты не из таких девушек.

Оливия хмурится:

- Тогда зачем ты флиртуешь со мной?

Она серьезна. Не улыбается, не дразнит меня, но и не осуждает. Ей просто любопытно.

Я очарован и на какое-то мгновение совершенно честен с ней:

- Кажется, не могу удержаться.

7

Оливия

Как это я поддалась на его уговоры?

Стою перед входом в «Дуал», долго и упорно смотрю на вывеску. Надо улыбнуться. «Дуал». Двойной. Двойка. Близнецы. Похоже, Кэш дерзок во всех аспектах жизни. И умен.

Черт побери!

Солнце светит вовсю, и на автостоянке пусто. У меня серьезные сомнения насчет того, к чему готовиться. С вечера воскресенья, когда отец подбросил меня до дома, Нэш беспрестанно донимал меня идеями устроить на работу в клуб.

Хотя Нэш и Кэш, похоже, не очень ладят, Нэш предложил привезти меня и официально представить брату. Упрямая идиотка, я отказалась даже узнавать, что это за работа. Но теперь, в свете приближающегося уик-энда, с ужасом думаю о необходимости опять ехать в Солт-Спрингс к Тэду, и работа у Кэша внушает больший оптимизм.

К несчастью, Нэшу опять пришлось уехать из города, так что всяко придется идти одной. Есть у меня еще и задняя мысль. Я ведь почему так стремлюсь остаться в городе на выходных? Чтобы видеться с Нэшем, а то он совсем невыездной.

Ну ты и тупица! Как можно играть с огнем?!

Я вздыхаю и переступаю с ноги на ногу, обсуждая сама с собой, что делать. С вождением смотрю на свою машину. Нэш привел механика, который все исправил еще до моего возвращения домой в воскресенье. Оказалось, что-то было не в порядке со свечой зажигания. Всего лишь. Кажется, так он сказал. И все же... Он починил машину.

Я вздыхаю.

Именно мысль о возможности чаще видеться с Нэшем – он ведь будет иногда заглядывать, чтобы проверить, как я, – толкает меня в направлении двери.

Открываю ее и захожу в темное нутро. Даже посреди дня свет едва проникает сюда сквозь маленькие окошки, расположенные высоко под потолком.

Бар выглядит совершенно иначе без мигающих лампочек и толпы народа, зажатой стенами. Столики на высоких ножках чисты и пусты, черный пол отполирован до блеска, в колонках журчит какая-то тихая инструментальная музыка, а единственное освещение во всей комнате – подсвеченные витрины с ликерами, расположенные за стойкой.

Нэш сказал, Кэш будет здесь весь день, но я начинаю думать, что надо было назначить определенное время. Просто не знаю, где его искать.

Шлепанцы тихонько щелкают по пяткам, я иду по комнате, подхожу к стойке и выдвигаю стул, чтобы посидеть, надеясь, что Кэш приглядывает за помещением, раз уж дверь открыта.

И чуть не проглатываю язык, когда внезапно из-за стойки высовывается сам хозяин заведения.

- Ты, должно быть, Оливия.

- Святая мать ада! - выдаю я, хватаясь за грудь, чтобы унять сердце.

Он смеется:

- С таким языком ты тут приживешься.

Если бы я не была сильно ошарашена, то, вероятно, стала бы возражать против его замечания. Но вместо этого я смеюсь:

- Ты выявил худшее во мне. Что тут скажешь?

Кэш одет в черную майку, мускулистые руки обнажены, видна затейливая татуировка на левой стороне груди. Я стараюсь не думать о нем как о парне, при взгляде на которого текут слюнки, но именно это навязчиво лезет в голову.

Черт побери!

Он ставит локти на барную стойку и наклоняется ближе ко мне:

- Это потому, что ты не дала мне возможности выявить в тебе лучшее.

Голос у Кэша низкий и тихий, брови выгнуты почти как в первый вечер - вызывающе и с намеком на непристойность. Пульс у меня учащается.

Боже правый, он еще более заводной, чем я помню!

Кое-как мне удалось убедить себя, что он не так привлекателен, как Нэш; из двоих парней плохой - он, потому и нравится мне меньше. Боже мой, я была не права!

Отчаянно пытаюсь собраться с мыслями и на этот раз произвести хорошее впечатление. Ясно, что у меня только один шанс исправить первоначальное.

Я вежливо улыбаюсь и отвечаю:

- Ну, это не составит труда, если я начну работать у тебя.

Кэш отклоняется назад и криво усмехается:

- Уже грозишь делом о сексуальном домогательстве?

- Нет... я... конечно нет! Я... не имела в виду... на самом деле я хотела сказать... - В голове раздается звук падающего с неба самолета; скорость увеличивается, лайнер врезается в склон горы... взрыв.

Заткнись, Оливия! Прошу тебя, просто умолкни!

- Не иди на попятный! Только стало интересно!

Набираю в грудь воздуха. Мне легче, и в то же время я слегка раздражаюсь.

Он дразнит меня!

- Ты всегда такой злобный?

- Злобный? - с невинным лицом переспрашивает Кэш. - Я? Не-е-ет.

Улыбаясь, он кладет ладони на стойку, приподнимается, перекидывает через нее ноги и соскакивает на пол рядом со мной. Я на секунду зажмуриваюсь в надежде, что вид его бицепсов и трицепсов, играющих под гладкой кожей, не врежется навсегда в мою память. Думаю, я опоздала, потому что это видение стало последним перед тем, как мои веки сомкнулись.

Черт побери!

- Нэш сказал, ты работала в баре?

Я открываю глаза и вижу Кэша. Он смотрит на меня, стоит так близко, что я различаю едва заметную линию, где заканчивается черный зрачок и начинается почти черная радужка. Какие восхитительные глаза!

Брови Кэша приподнимаются - с намеком.

- Прости? - не понимаю я.

- Ничего. Не думаю, что это имеет значение. Если ты всегда так очаровательна и сексуальна, никого не будет интересовать, быстро ли ты наливаешь выпивку.

От этих слов я слегка вспыхиваю. Они не должны доставлять мне удовольствие. Но доставляют. Совсем немного.

- Это не проблема.

- Что? Твоя сексуальность? Нет, я это вижу.

- Я не то имела в виду. Я два года работала в одном из самых популярных спортивных баров в Солт-Спрингсе. Так что смогу стоять за стойкой и у тебя.

Кэш скрещивает на груди руки и притворно улыбается:

- Ты уверена?

Чувствую, как у меня сама собой выпрямляется спина.

- Я уверена.

- Люди, которые сюда приходят, хотят, чтобы их не только обслужили, но и развлекли. Думаешь, ты и с этим справишься?

Что это означает? Признаюсь себе, что понятия не имею, но рот уже открыт.

- Нет проблем.

- Тогда ты не станешь возражать, если я устрою... прослушивание.

Кэш замолкает, в наступившей тишине чувствую, как по спине ползет холодок. Я откашливаюсь и извлекаю из глубин собственного «я» запас храбрости.

- Прослушивание? И в чем оно будет заключаться?

Несколько секунд Кэш ничего не отвечает. Этого хватило, чтобы меня внутри всю перекорежило. И еще чтобы я вспомнила все типы прослушиваний, какие знаю (парочка из них привела меня в восторг).

Включи мозг, Лив! Он слишком много на себя берет!

Кэш смеется:

- Ничего чересчур креативного. Не хочу испытывать судьбу на предмет исков о сексуальном домогательстве. Пока.

- Ты пытаешься выставить меня?

- О, перестань. Не хочешь ли ты сказать, что ни разу не работала на человека, которому нравишься? Могу побиться об заклад, с такими девушками, как ты, это случается постоянно.

Рот готов расплзться в глупой улыбке, но я сдерживаюсь. Не могу допустить, чтобы Кэш понял: мне приятно слышать, как он признается, что я ему нравлюсь, тем более что «приятно» - это зашифрованное «задыхаюсь от восторга».

- С такими девушками, как я? - спрашиваю как можно более спокойно.

- Да, с такими, как ты. - Кэш наполовину прикрывает веки, отчего глаза становятся тяжелыми, полусонными, как в спальне, и его голос - будто шелковые простыни, на которых, в моем воображении, он спит. - Вздорными, сексуальными, чертовски эффектными. Могу поклясться, нет такого мужчины, которого ты не обведешь вокруг своего маленького пальчика.

Кэш смотрит на меня так, будто хочет раздеть прямо здесь и сейчас - в пустом баре с приглушенным светом и мягкой музыкой. И какая-то маленькая часть меня желает, чтобы именно это он и сделал.

Я фыркаю.

О мой бог, я фыркаю!

- Едва ли.

- Да, ты просто так говоришь, но я могу побиться об заклад, ты окружишь любого парня, какого захочешь. - Обсуждая меня, он склоняет голову набок. Такое чувство, будто он взвешивает меня, оценивает. - Но может быть, ты себя плохо знаешь?

- Я... я... не понимаю, о чем ты, - говорю и ненавижу себя за то, что голос звучит так, будто я задыхаюсь. Кэш не должен знать, как он на меня действует.

- Хм, - вот все, что произнес Кэш. Еще несколько секунд он пытается просчитать меня, а потом улыбается. Это вежливая улыбка, которая говорит, что он возвращается к делам. Ну, по крайней мере настолько, насколько он был ими занят. - Итак, прослушивание. Можешь выйти на смену завтра вечером?

Противно отпрашиваться у Тэда, но я не хочу увольняться, пока не получу работу здесь. Так что остается одно из двух: или звонить Тэду, или пустить по ветру это прослушивание. Выбор невелик.

- Конечно. В каком часу мне надо быть здесь?

- В семь. Тогда Тарин успеет показать тебе все до открытия в девять.

- Звучит хорошо, - кивая, говорю я. Тишина растягивается между нами, я не знаю, на что решиться. - Что ж, думаю, я лучше пойду, чтобы ты мог вернуться к работе.

- Ты не хочешь спросить насчет денег? Нэш говорил, одна из причин в этом.

Вот дерьмо! Надо же так лопухнуться, забыла спросить про оплату!

Чувствую, как краснею. Молюсь, чтобы тут было достаточно темно, пусть Кэш не заметит, а если заметит, пусть отнесет это на счет того, что мне неудобно говорить о деньгах.

- Да, это так.

- Как насчет двух долларов в час сверх того, что платит тебе нынешний работодатель?

У меня едва не отваливается челюсть.

- Ты даже не хочешь узнать для начала, сколько мне платят?

Кэш морщится:

- Не-а. Я чувствую, что ты этого стоишь.

- Не дави на меня, - бурчу я.

Он снова смеется:

- О, здесь будет много давления. Тебя это не беспокоит? В выходные тут полно народа.

Я хочу сказать ему, что уже была здесь, но тогда он может вспомнить, как я его раздевала. Ни к чему это.

Слишком поздно.

- Ты видела только то, что наверху, - говорит Кэш и подмигивает.

Надо было думать, что мне отсюда не уйти без намека на тот вечер.

- Можем мы забыть, что это вообще было?

Лицо Кэша расплывается в дьявольской улыбке.

- Ни за что в жизни. - Он начинает уходить назад - от меня, от входа в бар. - Увидимся завтра

вечером. В семь часов.

- Мне надеть что-нибудь особенное? Или...

- Я пришлю кое-что тебе на дом. Размер шестой?

Почему-то осознание того, насколько точно он измерил меня взглядом – даже размер одежды определил, – вызывает жар во всех частях тела, где я вроде не должна его чувствовать.

- Да.

Кэш снова подмигивает, потом разворачивается и исчезает за едва видимой дверью позади барной стойки.

8

Кэш

Слыша, как за Оливией захлопывается дверь, я улыбаюсь.

Досадно, что пришлось сократить собеседование, но мне уже ясно представлялось, как эта девчонка окручивает меня, чтобы заставить делать глупости и нести полную чушь. В каком-то смысле мне это нравится. Она мне нравится.

Оливия – сплошное противоречие. Могу поклясться, что ее ко мне тянет, но она противится. Точно могу сказать, что она скромна, но старается не показать этого. А как она сделала решительное лицо, прежде чем принять вызов! Это чертовски возбуждает! Мне хочется провоцировать ее, чтобы посмотреть, насколько далеко она пойдет.

Знаю, это похоже на извращение, но так и есть. В ее реакции на мои насмешки есть нечто такое, от чего у меня усиливается секреция во всех органах. Ясно одно: если Оливия будет рядом, мне гарантированы весьма содержательные выходные!

Я сажусь, чтобы написать мейл Мари – хозяйке магазина, который снабжает меня униформой. Не могу удержаться от мысли, как будет выглядеть Оливия в узких черных джинсах с приспущенной талией и белом облегающем топике. Не хочу, чтобы работницы моего бара выглядели как шлюхи, но не возражаю, если они покажут немного обнаженного тела и аппетитных ложбинок. Это увеличивает продажи выпивки. А в случае с Оливией доставит много удовольствия мне лично.

Жду не дождусь завтрашнего вечера. Оливия уже начала разыгрывать сексуальную милашку. А когда она попадет в соответствующую атмосферу, я специально займусь тем, чтобы она расправила крылышки. Давненько я так не забавлялся. Уже думаю о том, что бы такое попросить ее сделать на прослушивании.

9

Оливия

Просыпаюсь от звонка мобильного. Протираю глаза и мутным взглядом смотрю на часы у кровати. Четыре минуты седьмого. Утра. Кто может звонить мне в такую безбожную рань?

Смотрю на светящийся экран мобильного. Номер незнакомый, и я раздумываю, отвечать или нет. За трубкой я потянулась именно потому, что звонок раздался так рано. Всегда чувствую

легкую тревогу, если телефон звонит в необычно раннее или позднее время.

- Алло? - говорю я. Голос мне самой кажется хриплым.

- Оливия?

По спине пробегает дрожь. Это Кэш. Звук голоса вызывает в воображении образ прекрасного лица с дерзкой улыбкой и соблазнительные очертания груди. Неожиданно для себя я чувствую, что таю.

- Оливия? - снова произносит Кэш.

Нет, это не может быть Кэш. Это, должно быть, Нэш. Владелец ночного клуба едва ли уже проснулся. К сожалению, тот же восторг я испытываю от появления мысленного образа Нэша и перспективы, что звонит мне он.

Как все запущено, я сама не представляла!

- Да.

Низкий, гроыхающий смех.

Такой грязно-сексуальный!

- Это Нэш. Извини, что звоню так рано, но я уеду почти на весь день и хочу узнать, как дела в клубе. Ты получила работу?

- Не стоит беспокоиться. Правда. Я ценю, что ты интересуешься. Ну, по правде говоря, сегодня вечером у меня будет какое-то прослушивание.

- А-а, - понимающе протягивает Нэш. - Кэш хочет, чтобы его сотрудники охотно развлекали гостей.

Впервые я вспомнила, что это Кэш прислал тогда стриптизера, и меня охватил настоящий ужас.

Боже правый, я не могу показывать стриптиз!

Я села в кровати:

- Какого черта! Он же не думает, что я стану раздеваться, а?

Снова смех.

- Нет. Если ты сама не захочешь.

- Боже мой, нет!

- Я так не думаю, особенно после твоего первого посещения «Дуала».

В голосе звучит ирония.

Кэш рассказал ему! Черт побери!

Думаю, пора сменить тему.

- Тогда что означает «развлекать гостей»?

- Давай определим это так: ты не должна робеть перед публикой. У тебя с этим порядок?

Да, я действительно немного стеснительна, но это никоим образом не делает меня слабой. Честно говоря, меня слегка задел намек Нэша.

- Поверь мне, Нэш, я могу делать то, на что способна любая другая девушка. Нет проблем.

Ну, это, может быть, и не совсем правда. Но будь я проклята, если когда-нибудь признаюсь в этом!

- Тогда у тебя проблем не возникнет. С твоей внешностью и характером ты там всех поубиваешь.

Это замечание мне нравится. Хотя я не надеюсь, что Нэш обращает внимание на мою внешность. Но как радостно слышать, что, оказывается, обращает. Значит, я ему небезразлична, что на самом деле плохо, зато я чувствую себя не такой одинокой в своих привязанностях. Хотя все равно ничего не выйдет. Он занят.

Проклятье!

Слышу приглушенный звук тонального набора, будто Нэшу звонит кто-то еще.

- Только помяни дьявола. Это Кэш, - говорит Нэш, а потом бормочет рассеянно: - Интересно, чего это он поднялся в такую рань?

Забавно, но я про себя подумала о том же. Через пару секунд Нэш откашливается и продолжает:

- Ну, все равно удачи тебе вечером. Собственно, это все, что я хотел сказать. Ложись обратно в постель. Отдохни и проснись красивой. Не то чтобы тебе это нужно.

Я улыбаюсь вовсю, как сумасшедшая, давлюсь смехом, но мне удается удержаться.

- Спасибо, так и сделаю.

- Спи спокойно, Оливия.

Он вешает трубку. Кожа у меня на руках и на груди все еще покрыта мурашками. Мне нравится, как Нэш произносит мое имя.

«Откуда же он все-таки взял мой номер?» - гадаю я.

Долго лежу в кровати, смотрю в потолок и думаю о Нэше. Интересно, каково это - смотреть в потолок, лежа рядом с ним. Глаза медленно закрываются, когда я представляю себе, как Нэш ложится на меня, накрывает мое тело своим и втискивает свои бедра между моими.

Такие мысли провожают меня обратно в сон.

* * *

«Дуал» выглядит почти так же, как вчера, только света внутри горит несколько больше и слышны голоса. Два голоса - причем один принадлежит человеку, который явно на взводе.

- Значит, я должна возиться с какой-то недоучкой? Вот дерьмо! Я тут старшая. Он мог бы, по крайней мере, посоветоваться со мной.

Я вижу, кому принадлежит голос, – какая-то метелка в длинных белесых дредах и со сплошняком татуированной рукой. Она в раздражении машет граблями и орет на парнишку, который выглядит не взволнованнее танка.

- Остынь, психичка, – добродушно говорит он. Мне виден только чернявый затылок паренька, в его голосе слышится едва сдерживаемый смех. – Он сказал, она с опытом. Может, ее не придется так уж долго натаскивать.

- Если она собирается быть в паре со мной, то или будет лучшей, или я не стану с ней работать.

- Ну, Тарин, ты ведь такая милая, покладистая пивная девчонка, сама знаешь.

Тарин, отвернувшись было, чтобы что-то куда-то перелить за стойкой, оборачивается к нему так резко, что я слышу, как дреды хлещут парнишку по лицу.

- Как ты назвал меня?

Паренек откидывает голову назад и заливается смехом. Громким. Я жду, что вот сейчас Тарин выцарапает ему глаза, но вместо этого, к моему удивлению, она улыбается. И этим инцидент исчерпывается.

- Ты, вообще, собираешься идти со мной на концерт? – совсем по-родственному спрашивает девушка.

Разговор переходит в спокойное русло, я перестаю различать слова отчетливо и чувствовать стыд за то, что подслушиваю. Пора или убраться отсюда, или заявить о своем присутствии. И поверьте, это непростое решение. Одна мысль о работе с такой девицей, как Тарин, вызывает у меня сердцебиение.

Не давая себе времени обдумать возможность отступления, я собираю последние унции храбрости, какие у меня есть, прочищаю горло и начинаю двигаться к барной стойке.

Обе головы поворачиваются и следят за моим приближением. Когда я подхожу, то замечаю, что девушка, хоть и наделенная бесовским нравом, довольно красива. У нее большие миндалевидные глаза и пухлые алые губы. А парнишка... вау! Он тоже хорош собой.

Выглядит экзотично. Может, гаваец, а может, кубинец. Кожа цвета карамели, черные как сажа волосы и такие же черные глаза. А улыбка, с которой он поворачивается ко мне? Святые грешники!

Что это? Страна несостоявшихся фотомоделей?

Я стараюсь не смущаться своего внешнего вида. Не такая уж открытая одежда, по крайней мере дискомфорта не доставляет, но я все равно чувствую... беспокойство. Джинсы съезжают, открывая приличную часть живота, а топ, вероятно, на размер меньше, чем я ношу обычно, и оставляет открытой для взглядов ложбинку меж грудей. В итоге ничего особо страшного, но внимание мне обеспечено, можно не сомневаться. Вот почему я нервничаю.

Я не выпираю из топа так откровенно, как Тарин, жизнерадостные титки которой наверняка искусственные. У нее оголено все, что можно, и я даже слегка горжусь своими формами. Если

у меня и есть кое-что особенное, так это пухлые ягодицы.

Широко улыбаюсь и протягиваю руку.

- Привет, я Оливия. А ты, наверное, Тарин, - говорю, обращаясь сперва к девушке. Очевидно, если у меня тут могут возникнуть с кем-нибудь проблемы, так это с ней.

- Я могла бы сказать, что ждала тебя, но не скажу: я только недавно узнала, что буду заниматься тобой, поэтому...

Она раздражена - да, но не враждебна. Я принимаю это за добрый знак и начинаю вступать в игру, как лайнбекер [3].

- Я постараюсь быстро разобраться во всем. К счастью, у меня большой опыт работы в баре, так что... - говорю я, по примеру Тарин не завершая фразу.

Она кивает, но улыбкой выражает явное сомнение.

- Посмотрим.

- Отлично! - воодушевленно восклицаю я. - Жду с нетерпением, когда мы начнем. - Быстро оборачиваюсь к парню, направляю в его сторону вытянутую руку. Он продолжает улыбаться.

- Оливия.

- Марко, - нежно говорит он, а в глазах сверкают озорные искорки. Снова и снова ты встречаешь людей, которые немедленно прикипают к тебе при первом знакомстве. У меня нет сомнений в том, что я нравлюсь Марко. Он даже не пытается скрывать это. А с чего ему скрывать? На всей планете, вероятно, не найдется женщины, которая устоит перед чарами такого парня, как он, - смуглого, горячего, откровенного, с разящей наповал улыбкой. - Вечер стал намного приятнее.

О, он, похоже, создаст мне проблемы!

- Может быть, для меня тоже, - отвечаю с игривой улыбкой.

Способность флиртовать с ним - явный признак того, что между нами ничего не может произойти. Это парни, которые завязывают меня в узел, вроде Кэша и Нэша, - вот причина для беспокойства.

- Обрати свою милую улыбку на клиентов - это будет правильнее, но лучше научись подавать выпивку, - резко бросает Тарин и уходит.

Марко делает успокаивающий жест и закатывает глаза.

- Не обращай внимания. У нее вечный ПМС. Когда подвалют клиенты, она станет поприятнее.

Я улыбаюсь и киваю, но про себя шепчу: «Хвала Всевышнему!»

- Может, у нее дреды перетянуты? - тихо бормочу я.

Марко смеется:

- Черт! Красивая и веселая. Мне не терпится увидеть, что еще скрывается за этой сексуальной

улыбкой.

- Ничего такого очаровательного, как за твоей, уверена.

Марко, не переставая улыбаться, кивает:

- О да, да. Мы поладим.

10

Кэш

Я редко боюсь работы, но обычно и такого нетерпения не испытываю. Жду, пока заведение наполнится посетителями, а потом отправляюсь посмотреть, как идут дела у Оливии. Намеренно даю ей время освоиться и появляюсь только после этого. Понимаю, что она может занервничать.

Я знаю, она меня хочет, - по крайней мере, думаю, что это так. Но, похоже, она не хочет меня хотеть. Одно это возбуждает во мне интерес.

Я не против игры в кошки-мышки, которую мы затеяли. Согласен немного поиграть, чтобы затащить ее в постель. В отношении женщин инстинкты меня, как правило, не обманывают, а сейчас все мое нутро говорит: она стоит того, чтобы потерпеть.

Делаю первый шаг и окидываю взглядом океан голов. Глаза сразу устремляются в сторону бара. К Оливии.

Мигом выделяю ее из толпы, отчасти потому, что я на пару дюймов выше самого высокого человека, находящегося между нами, а отчасти потому, что вокруг Оливии собрался небольшой кружок мужчин. Уже.

Она улыбается клиенту, смешивая ром с кока-колой. Слежу за тем, как девушка берет у парня кредитку и проводит ею по приемному устройству так уверенно, будто делала это каждый день в течение многих лет.

Оливия хороша. И я доволен. Я бы оставил ее в любом случае, но приятно сознавать, что девушка оказалась стоящей.

О да, стоящей. Именно так.

Хочется помечтать о том, как я положу ее на стойку бара, когда клуб опустеет, стяну с нее одежду и полизу ее гладкую кожу. Безжалостно обрываю эти мысли и возвращаюсь к делу более насущному - к прослушиванию. Оливия не должна узнать, что в этом нет никакой надобности. Я все равно взял бы ее на работу. Но прослушивание состоится в любом случае, по большей части для моего удовольствия.

Прокладываю себе плечом путь сквозь толпу к тому концу длинной прямой барной стойки, где стоит Оливия. Останавливаюсь за полукольцом окруживших девушку мужчин и жду, пока она поднимет взгляд и заметит меня. Когда это происходит, я вижу, как она на мгновение замирает. Это почти незаметно, настолько, что я сомневаюсь, обратил ли кто-нибудь еще на это внимание. Но от меня это не укрылось, что важно.

Оливия нервно облизывает губы и улыбается. Я подмигиваю ей, просто чтобы посмотреть, как

она отреагирует. Она снова замирает, щеки заливаешь краской, но потом она отводит взгляд и на секунду сводит брови. Думаю, Оливия сама не осознает, что хмурится.

Черт, мне это нравится! Она реагирует на меня, даже когда сама этого не хочет.

Не знаю, почему она так старается отгородиться от меня. Я не такой уж плохой парень: здоров, в прекрасной форме, владею успешным бизнесом, не имею долгов и, черт возьми, довольно привлекателен внешне. По крайней мере, так говорят.

Я подхожу к бару, кладу локоть на стойку и поворачиваюсь к группе парней:

- Знаете, что сейчас будет, ребята? Прослушивание новой барменши.

Раздаются радостные возгласы. Оливия уже обеспечила себе фанатскую поддержку. Она собирается добить меня.

Слышу, как со всех сторон сыплются предложения: пусть станцует на стойке, пусть споет, проберется сквозь плотную толпу, но потом слышнее других становятся два слова, и вот уже их повторяют хором, как речовку:

- Боди-шот! Боди-шот! Боди-шот!

Оливия с интересом следит за тем, как решается ее судьба.

- Пусть будет боди-шот! - кричу я.

Смотрю на Оливию и воздеваю руки ладонями вперед:

- Так решил бар. - Оливия кивает мне, несмело улыбается и вытирает руки о джинсы. - Выбирай жертву.

Она закусывает губу и смотрит через стойку на всех парней, которые таращатся на нее. Я точно знаю, любой из них хотел бы оказаться счастливым, но Оливия умная девушка. Она понимает: в этом прослушивании заключается нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Она взвешивает «за» и «против» и готовит достойный ответ на вызов.

вернуться

3

Лайнбекер - игрок защиты в американском футболе, располагающийся сразу за чертой, до которой возможна силовая борьба за мяч.

Оливия уже работала в баре и должна знать: пить на работе строжайше запрещено, что исключает из числа претендентов Марко и Тарин. Вероятно, ей известно и о том, что вовлечение в такие игры клиентов тоже не одобряется. Она прокручивает в голове варианты.

Умная девушка.

Прослушивание в моем баре - это всегда поиск способа сделать людей счастливыми, не нарушая никаких правил. Я по натуре нарушитель запретов, но со своими сотрудниками строг. Этот бар дает мне средства на жизнь, помимо прочего. Я не могу допустить судебных исков,

членовредительства и скандалов.

Наблюдаю за тем, как Оливия оценивает ситуацию. Когда ее взгляд падает на меня, понимаю: она осознала, что другого варианта нет. Не уверен, действительно ли я увидел вспышку восторга у нее на лице, или это только мои фантазии. Но что я точно заметил, так это как она снова набирается храбрости. И это так же сексуально, как и прежде.

Оливия одаривает окружающих ее парней обворожительной улыбкой:

- Думаю, тем, кто сделает это, будет мой босс?

Сыплются добродушные шуточки, я получаю несколько игривых ударов и шлепков по спине. В атмосфере беззлобной зависти и всеобщего воодушевления я киваю Оливии.

Протягиваю руку через стойку бара. Она смотрит на нее, набирает в грудь воздуха и скользящим движением кладет пальцы мне на ладонь, ставит колено на край стойки и взбирается наверх. Я поддерживаю ее и говорю:

- Освободите стойку.

Все парни забирают свои бокалы, давая место Оливии.

- Марко, один боди-шот «Патрон»! - кричу бармену.

Тот быстро покидает общество девушек, которых занимал болтовней, наливает выпивку и приносит нам вместе с солью и двумя ломтиками лайма, но не уходит, а с улыбкой говорит Оливии:

- Ложись, красотка. Я тебя приготовлю.

Обычно бармен так и делает. Но и я, как правило, не являюсь участником процесса. Мне почему-то хочется самому приготовить Оливию.

Девушка ложится и слегка ерзает, чтобы устроиться поудобнее на твердой барной стойке.

Я натянуто улыбаюсь, следя за тем, как Марко проводит ломтиком лайма по голому животу Оливии, кружит около пупка. Девушка смотрит на него с улыбкой. Бармен практически истекает слюной. Я скрежещу зубами, чувствуя уколы ревности.

Какого черта? Откуда это взялось?

Любой скажет вам, что я не ревнив. В мире столько жаждущих ласки женщин, чтобы скручиваться в бараний рог из-за какой-то одной. Зависть вообще мне не свойственна.

Обычно.

Марко получает свое удовольствие – смачивает кожу Оливии, сыплет соль. Тарин включает музыку: когда исполняется боди-шот, это всегда «Полей меня сладеньким» Дефа Леппарда. В результате все окружающие включаются и сразу понимают, что происходит. Я никогда не придавал этому особого значения, но сегодня, пока звучала музыка для подзаводки, почувствовал, в чем смак. Не отказался бы полить Оливию чем-нибудь сладким, чтобы потом все это долго-долго слизывать.

Я уже готов поторопить Марко, но тут он наконец подает Оливии рюмку и подносит второй

кусочек лайма к ее рту. Не могу не улыбнуться, когда Оливия берет ломтик из его пальцев и вставляет себе в рот сама. Вероятно, влечение, которое я вижу в глазах Марко, направлено в одну сторону.

Это тешит мое самолюбие.

Оливия поворачивается ко мне, в широко раскрытых глазах застыла тревога. Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо:

- Если тебе совсем неприятно, можешь этого не делать.

Разгибаюсь и, затаив дыхание, с надеждой жду ответа: храбрость должна взять верх.

Так и происходит.

Оливия медленно поводит головой из стороны в сторону и, извиваясь, подвигается ближе ко мне. Глаза сверкают решимостью. В них вызов. У меня в джинсах все вздрагивает.

Я улыбаюсь ей и говорю достаточно громко, чтобы слышали все окружающие:

- Ну ладно. Ты сама попросила.

Меня подбадривают криками.

Подвинувшись к ее талии, я наклоняюсь и прикасаюсь языком к животу. От кисло-соленого вкуса обильно выделяется слюна. Я смыкаю губы и проглатываю ее, а потом целую живот Оливии и лижу вокруг пупка.

Она лежит совершенно спокойно, пока я съедаю соль. С этим покончено, я приподнимаю голову и вижу, как Оливия тянется ко мне. Это такое едва различимое движение. Вероятно, никто другой ничего не заметил. Но я-то не упустил.

Кладу руку на бедро Оливии, чтобы успокоить ее, и погружаю язык в ямку пупка. Девушка вся сжимается подо мной, и, могу поклясться, я слышу ее вздох, даже сквозь музыку.

Снова поднимаю голову, встречаюсь взглядом с Оливией, и в ее глазах, признает она это когда-нибудь или нет, вижу желание. Жаркое, влажное «пригвозди меня к стене» желание.

Не отводя взгляда, я протягиваю руку за стаканом и опустошаю его одним глотком. Вижу, как грудь Оливии высоко вздымается, и двигаюсь к голове девушки.

Обхватив ладонью сзади шею Оливии, я приближаю ее лицо к своему. Впиваюсь губами в ломтик лайма, который она зажала зубами, и высасываю сок до самой последней капли. А она ни разу не ослабила хватки. Не могу удержаться от мысли: интересно, может быть, она представляла себе то же самое, только в пустом баре, где нам ничто не мешает?

Я разгибаюсь и замечаю, что Оливия выглядит раздосадованной... как я и чувствовал. Думаю, будь мы наедине, ей было бы нелегко отвечать «нет» на все, что бы я ни предложил для нее сделать.

Тут вмешивается Марко:

- Добро пожаловать в «Дуал».

Вокруг все снова возбужденно кричат. Улыбка у Оливии какая-то отрешенная, когда она переключается с нашего горячего приключения на бар, полный парней, соперничающих за ее внимание. Но она быстро приходит в себя, вынимает изо рта то, что осталось от кусочка лайма, и, будто торжествуя победу, высоко поднимает изжеванный ломтик.

Оливия нагло улыбается мне, перекачивается на бок и спрыгивает со стойки, чтобы занять свое рабочее место.

- Ну, ребята, кому обновить?

И вот уже работа в баре «Дуал» идет полным ходом. Теперь моя единственная забота – держать Марко подальше от Оливии.

11

Оливия

Моя первая мысль по уходе – о Кэше. Лижущем мой живот. Залезающем языком в пупок. А потом так томно глядящем мне в глаза.

Боже, я готова была проглотить его прямо там, на месте!

Чертовы плохие парни!

Я списываю все на наследственную слабость к ним, потому что рассудок твердит: надо искать кого-нибудь более подходящего. Вроде Нэша.

Нэш.

Про себя я даже вздохнула от одного только имени. Нэш так же великолепен, как брат. Это естественно. Они близнецы. И хотя в нем меньше крайностей, к которым меня влечет, как пчелу на мед, он наделен множеством черт, очень мне симпатичных.

Звонит телефон. Смотрю на экран, чтобы прочесть, кто это, но имя вместе с номером не высвечивается, значит звонящего я не знаю. Размышляю, отвечать ли, но я ведь уже проснулась, чего там.

- Алло?

- Доброе утро, – рычит на меня грубый голос. За долю секунды я не только распознаю его, но и реагирую. В животе все трепещет от радостного возбуждения.

- Доброе утро, – возвращаю приветствие я. Это Кэш.

- Рассчитывал поговорить с тобой вчера, пока ты не ушла.

Эта фраза вызывает неприятную мысль о прошлом вечере: незадолго до того, как из заведения толпой вывалилась последняя группа завсегдатаев, Тарин скрылась за дверью, которой, как я видела, пользуется Кэш, и больше ни она, ни он не показывались. Марко объяснил мне, что делать при закрытии, и, когда мы со всем покончили, предложил проводить до машины. Я согласилась. Была раздражена и не собиралась сидеть и ждать Кэша, как собачонка. Даже если он дал мне работу. Это момент принципиальный. Помню, я даже подумала: да он такой же, как все плохие парни, – любитель повеселиться, вскружить голову и в конце концов изменить.

Не то чтобы он своим видом показывает: я, мол, храню верность некой прекрасной даме; однако я бы не слишком удивилась, если бы у него кто-то был.

Выбрасывая из головы эти мысли, напоминаю себе, что мне нет дела до Кэша. Он мой работодатель, и все тут. Конец истории.

- Не хотела прерывать вас с Тарин, - объясняю я, ненавидя себя за язвительность тона. - Марко показал мне, что нужно делать. Ничего страшного.

- Марко, значит?

Мне чудится или теперь его голос напитан ядом?

- Да. Он отличный парень.

Кэш хмыкает и делает паузу, после чего продолжает:

- Тарин кое-что беспокоит, она хотела обсудить это со мной перед сегодняшним вечером. Собственно, поэтому я тебе и звоню.

Я чувствую облегчение. Мгновенно. И ненавижу себя за это. Конфликт чувств меня раздражает. Но еще хуже, что теперь я взволнована. Этот звонок предвещает недоброе.

- Какие-то проблемы?

- Слушай, я не из тех, кто будет ходить вокруг да около или встречать в чужие распри, поэтому скажу тебе прямо. Тарин не хочет обучать тебя. Какой-то особой причины у нее нет, просто не хочет. Не буду говорить, что я об этом думаю, это не имеет значения. Важно, что я хочу, чтобы ты работала в «Дуале». Я знаю, у тебя особое рабочее расписание. Если она не может работать с тобой, это ее проблемы, пусть ищет другие занятия, которые сделают ее счастливой.

- Так что все это значит? Что ты хочешь сказать?

- Ну, когда я сказал все это Тарин, она решила остаться. Так что обучаться ты будешь сама. Если хочешь, Тарин будет заниматься с тобой. Если нет, это сделаю я.

Пульс учащается от одной мысли, что я буду проводить столько времени с Кэшем да еще в таком близком общении.

- Может, Марко позанимается со мной?

Долгая пауза. Наконец Кэш отвечает. Голос резкий.

- Нет. Марко этого делать не будет.

В голове роятся тысячи мыслей, не последняя из них, вызывающая у меня улыбку: неужели Кэш ревнует меня к Марко?

- Не знаю, что и сказать. То есть я не хочу, чтобы Тарин думала, будто я отказываюсь от ее услуг. Но и выживать себя не позволю. В то же время мне не хотелось бы, чтобы у нее из-за меня возникли проблемы.

- Ее задача - не любить тебя, а показать, как дело делать. Разве от этого у нее могут появиться проблемы?

Сомнения минимальны. Безотносительно того, что там у нас с Тарин, я знаю: если Кэш начнет заниматься со мной, ничего хорошего это не сулит. Я просто за себя не отвечаю, если он будет рядом.

- Ну, тогда пусть Тарин занимается со мной.

- Вот и хорошо. Но если она станет тебя доставать, немедленно приходи ко мне.

- Приду, - соглашаюсь я, ни секунды не собираясь этого делать. Нет уж, с Тарин я как-нибудь сама разберусь. Либо мы поладим, либо придется учиться работать с тем, кого ненавидишь.

Провожу рукой по спутанным волосам, надеясь, что в итоге окажется первое, а не второе. Работать с тем, кто тебя на дух не переносит, ужасно, ужасно тяжело.

- Тарин отпросилась на сегодняшний вечер, поэтому тебе не придется выходить на работу до следующих выходных. Если только ты не хочешь взять дополнительную смену в среду, когда работает Тарин.

На самом деле мне нужны деньги. А занятия в колледже начнутся только в четверг в одиннадцать, так что я смогу как-нибудь приладиться, главное, чтобы это не вошло в привычку.

- Среда - это хорошо. Я справлюсь.

- Отлично, - говорит Кэш. Судя по голосу, с улыбкой. Я рада, что он не воспринял мой отказ от его услуг в качестве наставника как обиду.

Могу поклясться, у него такое мощное эго, что он ни секунды не думал обижаться.

- Если тебе что-то нужно, звони. У меня телефон всегда с собой.

- Откуда ты все-таки узнал мой номер?

- От одной ослиной задницы по имени Нэш.

- Ослиной задницы?

- Да, ослиной задницы. Не говори, что сама не считаешь его ослиной задницей!

От неловкости я смеюсь:

- Хм, ну, я не считаю его ослиной задницей. Со мной он всегда очень мил.

- Конечно мил. Ты же такая восхитительная. Какой мужчина не будет с тобой милым?

- Таких много.

- Все они ослиные задницы, - хохмит Кэш.

- И они тоже?

- Да.

- Сегодня что, все поголовно ослиные задницы?

- Да, - отрывисто повторяет Кэш. - Слово дня - пипифакс.

Я смеюсь, на этот раз искренне.

- Это точно?

- Да. А какое было слово дня вчера, тебе лучше не знать.

- Не сомневаюсь. А то вдруг барабанные перепонки лопнут.

Голос Кэша становится тише и мягче.

- Нет, ты можешь покраснеть.

Я молчу. Чувствую, как к лицу приливает приятный жар. Становится ясно: как бы я ни артачилась, зная, что от этого парня добра не жди, устоять перед ним будет почти невозможно.

Проклятье!

- Хорошего дня, Оливия. Жду тебя в среду.

С этими словами Кэш вешает трубку, а я, обмякшая, остаюсь лежать в постели и погружаюсь в мысли о том, что было бы, если бы перестала сопротивляться.

* * *

Только вышла из душевой, слышу голоса. Это необычно. Выводящий из равновесия визг Мариссы ни с чем не спутаешь. Второй голос, тоже звучащий на повышенных тонах, как ни странно, принадлежит Нэшу. Я прячусь за дверь, оставляю ее чуть-чуть приоткрытой и поворачиваю голову ухом к щелке.

Ты бесстыжая, подлая шпионка.

Я давлюсь смешком. Но передышки себе не даю. Подличать так подличать.

- Ты не можешь вываливать на меня такое в последнюю минуту! У меня уже были планы, и мне даже нечего надеть! - Могу сказать точно: Марисса все еще пытается сохранять спокойствие, и это доказательство того, как сильно ей нравится Нэш; вот она и старается не показывать свою истинную натуру. Хотя не могу судить, насколько ей удастся вводить его в заблуждение. Интересно было бы посмотреть, как долго Нэш стал бы за ней увиваться, если бы она начала демонстрировать себя во всей красе.

- Если бы я знал, что вернусь, то предупредил бы. Хотел сделать тебе сюрприз. - Нэш повышает голос только для того, чтобы перекричать визг Мариссы.

- Ну и что мне теперь делать?! Я не могу отменить встречу с папой. Он уже...

- Это не беда, - утешает ее Нэш. - Я могу пригласить кого-нибудь другого.

Следует долгая пауза, наполненная таким напряжением, что я ощущаю его даже сквозь закрытую дверь.

Сдай немного, Нэш! Она вот-вот взорвется!

- Кто у тебя на примете?

Голос Мариссы холоден как лед. Интересно, Нэшу знакомы этот тон и его значение?

- Никого у меня нет, я же не знал, что ты не сможешь пойти. Хотя, думаю, мне удастся кого-нибудь уговорить. Не стоит беспокоиться.

Я чуть не засмеялась во все горло. Не стоит беспокоиться. Могу поклясться, Марисса уже дымится.

Почти ощущаю запах вскипающих мозгов, пока она пытается придумать, кого бы сделать своей безопасной соперницей, кто достаточно надежен и в то же время настолько неудачлив, что не имеет планов на вечер и согласится на все в последнюю минуту.

- Как насчет Оливии? Уверена, она будет счастлива пойти с тобой, особенно теперь, когда ты стал ее благодетелем.

У меня отпадает челюсть, а на лице, я это знаю, появляется выражение глубокой обиды.

О мой бог! Значит, неудачница - это я!

- Я ценю твое предложение, но разве она не работает в выходные?

- Если она устроилась к Кэшу, кто знает, какое у нее расписание.

- Ну, я не стану ее будить, чтобы расспросить об этом. Думаю, она вчера работала допоздна.

- Да, но она не откажется. Спрошу ее сама.

Нэш начинает что-то говорить, но то, как он оборвал фразу, подсказало мне: Марисса ушла. Я тихо закрываю дверь и пячусь в ванную, как будто только что закончила принимать душ... А ведь на самом деле закончила.

- Оливия? - окликает меня Марисса, громко стучит в дверь и открывает ее, не дожидаясь, пока я отвечу.

Закусываю губу, чтобы не зарычать: «Вот ведьма!»

- Я здесь, - отзываюсь резким тоном.

Дверь распаивается настежь, и Марисса заходит, громко топая. На лице у нее выражение гадливости. Времени на любезности она не тратит.

- Ты сегодня вечером работаешь? Если нет, мне нужно, чтобы ты пошла с Нэшем на выставку. Ты перед ним в долгу.

Как это похоже на Мариссу: с наскака пускать в ход тяжелую артиллерию - обвинения в неблагодарности и шантаж.

Какая честь для меня - быть в родстве с самой любовницей дьявола.

Осторожно подавляя желание громко хмыкнуть, отвечаю:

- На самом деле сегодня вечером я не работаю. Правда, пойти не могу. Очень сожалею, но мне

нечего надеть для исполнения таких интересных обязанностей.

Марисса отмахивается:

- Наденешь что-нибудь из моего. Уверена, голой не останешься.

Только что я слышала, как она жаловалась, что не успеет купить новое платье для этого случая, и вот уже абсолютно убеждена: меня-то можно отправить... в чем попало.

- Ну, если Нэша не заботит, как я выгляжу...

Марисса закатывается таким тоненьким уничижительным смехом:

- Оливия, я уверена, Нэш не будет тебя пристально рассматривать.

Буду честна. Я прихожу в ярость. В ярость, черт подери! Именно в этот момент я решаюсь удивить всех, особенно Нэша. Марисса пожалеет об этом дне...

Даже если мне придется по примеру девушки в розовом [4] сшить себе новое платьишко за каких-то семь минут.

Все это происходит у меня внутри. А снаружи я мило улыбаюсь Мариссе:

- В таком случае буду счастлива пойти.

Марисса разворачивается и уходит, не сказав ни «спасибо», ни хотя бы «поцелуй меня в зад».

Слышу, как она говорит Нэшу, что я пойду, а она постарается сделать все, чтобы я выглядела презентабельно, и не могу удержаться от мысли: хорошо бы проткнуть это холодное-холодное сердце ножом для колки льда и смыться безнаказанно.

За это я могла бы получить Нобелевскую премию мира. Или, по меньшей мере, благодарственный звонок из Ватикана.

На этот раз я не забочусь о том, чтобы скрыть презрительную усмешку.

12

Нэш

Жду, пока Оливия выйдет из спальни, и не могу отделаться от легкого чувства стыда. Мне не следует так сильно радоваться, что я проведу с ней вечер.

А я радуюсь. Отрицать это невозможно.

- Нэш! - зовет меня Оливия.

Поворачиваюсь к двери в ее комнату. С того места в гостиной, где я стою, мне видно эту дверь. Она приоткрыта, так что я слышу только голос Оливии, но ее саму не вижу.

- Да?

- Обещай, что если будешь стесняться меня в этом платье, то пойдешь один. Клянусь, я не обижусь.

- Оливия, мне совершенно все равно, в чем ты...

- Обещай мне сейчас же, или я вообще не выйду.

Она упряма? Ну. Кто бы мог подумать. Но на самом деле мне это вроде нравится.

Я смеюсь:

- Ладно, хорошо. Обещаю: если я подумаю, что стыжусь тебя, пойду один.

Дверь закрывается, следует долгая пауза, и вдруг створка отлетает в сторону. От представшего глазам зрелища у меня перехватывает дыхание.

Марисса выше Оливии. И стройнее. Но у Оливии более округлые формы. Гораздо более. И каждый изгиб ее тела безупречно подчеркнут платьем, в которое она одета.

Кажется, раньше я видел в нем Мариссу, и она выглядела здорово. Но не так.

Материал тончайший, темно-красного цвета. Колышется от потока воздуха, поднятого дверью, которую доводчик притягивает к коробке с каким-то сдавленным пыхтением. Оливия стоит неподвижно, давая мне время оценить себя, а потом начинает двигаться ко мне. Следя за ней, я сжимаю челюсти, чтобы не стоять с разинутым ртом. Похожая на дымку ткань прилегает к телу, четко обрисовывая все формы. С тем же успехом она могла бы быть голой.

Матерь божья, я бы хотел, чтобы так и было.

Я вытряхиваю из головы эти мысли, зная, что они меня до добра не доведут.

Одумайся, парень! Одумайся!

Оливия останавливается передо мной – чистая грация и благоухание. Открытая грудь и плечи будто излучают в тусклом свете нежное сияние. Мне так сильно хочется прикоснуться к ней, приласкать, что я сжимаю кулаки, чтобы удержаться.

- Ты выглядишь восхитительно. – Голос звучит напряженно, я сам это замечаю.

Лицо Оливии грустнеет.

- Платье тесновато. Я обула каблук повыше, чтобы подогнать длину, но с остальным ничего не могу поделать.

Вижу, что она серьезно расстроена, и мне хочется улыбнуться, но я этого не делаю. Не стоит улыбаться, когда перед тобой опечаленная женщина.

- Марисса намного тоньше меня, – говорит Оливия, при этом одна рука у нее дрожит. – И у меня просто нет ничего такого, чтобы...

Я беру Оливию за трясущуюся руку и прикладываю указательный палец свободной руки к ее губам:

- Ш-ш.

Оливия немедленно утихает. Да, я мог бы заставить ее замолчать сотней разных способов и без прикосновения, но выбрал этот – все лучше, чем целовать ее, чего мне на самом деле хочется.

Боже мой, как мне хочется ее поцеловать!

Несколько секунд мне требуется, чтобы отвлечься от того, как слегка приоткрылись ее сочные губы. Так легко было бы просунуть между ними кончик пальца, ощутить тепло ее рта, влажность языка.

Меня удивляет и одновременно раздражает ощущение натяжения брюк под смокингом в районе ширинки. С этой девушкой нужно быть крайне осторожным. Не припомню, когда в последний раз кто-нибудь так основательно проверял на прочность мою сдержанность.

По правде говоря, припоминаю. Это была Либби Филдс в своем маленьком тесном платьице на вечере выпускников в девятом классе. Я тогда был уверен, что, если она сядет мне на колени и один раз вильнет задом, я взорвусь, как гора Святой Елены [5].

Конечно, этого не произошло. Но я был близок к тому. А эта девушка – эта изящная, соблазнительная, манящая, идущая и говорящая противоречивость – очень быстро прокладывает путь к месту Либби Филдс, что говорит о многом, ведь мне уже двадцать пять, а не четырнадцать.

Я откашливаюсь:

– Пожалуйста, не говори больше ничего. Ты выглядишь прекрасно. Мариссе в самом диком сне не приснится, что она может заполнить собой это платье с таким совершенством, как ты. Каждый мужчина будет мне врагом в этом треклятом месте. – И я улыбаюсь, чтобы придать веса своим словам.

Хотя брови Оливии еще слегка хмурятся, я понимаю, что ей лучше, когда она берет меня за запястье и отодвигает ото рта мою руку. Губы немного изгибаются. Оливия старается сдержать улыбку.

– Правда?

– Правда.

– Правда-правда?

– Правда-правда. Только помни, сегодня ты моя.

Меня беспокоит, как сильно мне нравится звучание этих слов, сама мысль об этом.

Лицо Оливии расплывается в улыбке; она отпускает мою руку и, отдавая мне честь, отчеканивает:

– Да, сэр!

Мне нравится ее игривость. Такой контраст с Мариссой, которая всегда... ну... просто не игрива.

– Теперь вот что, – говорю я, кивая. – Женщина, которая знает свое место, всегда подо мной. Ой, погоди. Это звучит как-то коряво, – поддразниваю ее.

Оливия смеется.

– Я ни под кем! – отвечает она прямолинейно. А потом с озорством, поднеся руку ко рту,

добавляет: - По крайней мере, не раньше, чем поужинаю и выпью.

- О-о, так вот как это бывает! Здесь ведь напротив «Макдоналдс».

Предлагаю Оливии руку, и она обвивает пальцами мой локоть с внутренней стороны. Знаю, это глупо и по-детски, но я напрягаю бицепс, надеясь, что она почувствует.

- И это все, что нужно, чтобы, гм, привлечь твое внимание? - спрашивает Оливия, призывно поводя глазами.

- Мне двадцать пять, я заканчиваю стажировку в одной из самых влиятельных в Атланте юридических фирм. «Макдоналдс» никогда бы со мной такого не сделал. - Я останавливаюсь у двери, открываю ее и показываю жестом Оливии, чтобы она шла впереди. - Но сейчас ты посмотрела на меня таким взглядом...

Щеки Оливии слегка розовеют, и она скромно опускает глаза. От этого мне хочется зубами сорвать с нее платье.

- Полковник, на что вы намекаете?

- Полковник? Ты так отдала мне честь - и я при этом всего лишь полковник?

- Ну не знаю. Ты уже заработал достаточно полосок, чтобы называться генералом?

Мы неспешно бредем к моей машине.

- Зависит от того, за что, по твоему мнению, дают полоски. - В уголках рта Оливии появляются две маленькие ямочки - девушка старается сдержать улыбку.

вернуться

4

Героиня лирической комедии «Девушка в розовом», снятой режиссером Хауардом Дойчем в 1986 г.

вернуться

5

Гора Святой Елены - активный вулкан в штате Вашингтон, известен катастрофическим извержением 1980 г., когда погибли 57 человек, а высота вулкана уменьшилась на 400 метров.

- О, думаю, всем парням их дают за одно и то же, - говорит Оливия, покачивая красной сумочкой, висящей у нее на запястье, и стараясь изобразить невозмутимость.

- Детка, если ты так себе это представляешь, тогда я четырехзвездный генерал.

Оливия взрывается хохотом. Она точно не ожидала, что я скажу такое. А я очень рад, что сказал. Ее смех звучит как прекрасная симфония.

И вот мы уже у машины. Я слегка разочарован. Лучше бы мы всю ночь ходили, разговаривали

и я смешил бы ее.

13

Оливия

В машине тишина и легкое напряжение. Может быть, «напряжение» – не то слово. Я ощущаю ее как... заряженную. Сексуально заряженную. Интересно, Нэш тоже это чувствует?

Может быть, и нет. Может, он так флиртует со всеми девушками.

На секунду задумываюсь об этом. Такая перспектива разочаровывает и вызывает досаду. Но, по правде сказать, не думаю, что это так. Может быть, во мне говорит эго, но я не верю, что Нэш ведет себя так с каждой встречной.

По крайней мере, надеюсь на это.

Почему-то мне кажется, что Нэш из тех, кому можно доверять.

Я бы искренне удивилась, если бы он обманул Мариссу.

Могу поспорить, он действительно хороший парень. Именно такой мне и нужен. Но вот беда: Нэш никогда не будет моим как раз потому, что он хороший парень. По натуре честный молодой человек никогда не обманет свою девушку, из чего проистекает невозможность сколько-нибудь серьезных отношений между мной и Нэшем. Даже если бы Нэш и Марисса находились на грани разрыва, он, вероятно, не пошел бы на то, чтобы причинить ей боль, встречаясь с ее кузиной.

Как сказала бы Шоуни: полная задница!

- Ты решила проблему?

Низкий голос Нэша, как гром среди ясного неба, обрывает мои мысли.

- Какую проблему?

- Голода в мире.

Знаю, что, наверное, смотрю на него так, будто у него выросли крылья или появился третий глаз. Нэш пару раз отрывает взгляд от дороги и косится на меня, а потом заливается смехом.

- Да, если это до сих пор не очевидно, я в полной растерянности.

- Похоже на то, – шутливо говорит Нэш. – Я имел в виду, ты очень напряженно о чем-то думала. Все в порядке?

Я откидываю голову на мягкий подголовник, обтянутый кожей, и смотрю на прекрасный профиль Нэша. Волосы гладко зачесаны набок (не то что у его братца – какая-то невероятная мешанина на голове), загорелая кожа, смокинг – вылитый Джеймс Бонд. А я пала жертвой его чар, будто он и правда лихой агент 007.

Из-за него у меня внутри все перемешалось.

- Знаешь, тебе идет смокинг. – Нэш хмурит брови, но при этом улыбается. Я отрываю затылок

от подголовника и смотрю в лобовое стекло. – О мой бог, можно ли быть еще более нудной?

Что на тебя нашло?

Нэш давится смешком:

– На самом деле я думаю – да.

– Вы хорошо меня знаете, Бонд.

Нэш снова хихикает:

– Бонд? Джеймс Бонд? С чего вдруг?

Поворачиваю голову, чтобы снова посмотреть на него. И тут же внутри начинают играть гормоны.

– Хм, ну... я думала о том, что у меня внутри все перемешалось. – Нэш смотрит на меня и поводит бровью. – То есть... я думала, как хорошо у тебя, наверное, получается взбалтывать и смешивать что-нибудь.

О боже, пусть кто-нибудь меня остановит!

– То есть как здорово ты, наверное, встряхиваешь и смешиваешь напитки. Не меня. – Я грубо смеюсь.

О мой бог, я еще и гогочу!

– Ты так думаешь? – Губы Нэша изгибаются в сексуальной улыбке. С этой изогнутой бровью и приподнятыми уголками губ он выглядит точь-в-точь как его брат. Ну да, они же близнецы.

Несколько секунд я смотрю на Нэша, опять немного смущенно, а потом прихожу в себя и начинаю себя корить.

Что с тобой происходит, черт возьми? Почему бы тебе просто не попросить его свернуть на обочину и не забраться к нему на колени?

К вашему сведению, это неправильные мысли, когда хочешь унять разгоряченное воображение. Новое видение вгоняет меня в ступор, и я предаюсь фантазиям о том, как веду машину вместо Нэша, а он сидит внутри.

Проходит несколько секунд, и я вспоминаю: что сказал Нэш?

– А? Что? – спрашиваю я и встряхиваю головой, чтобы сосредоточиться.

Нэш хмурится:

– Оливия, с тобой все в порядке?

Я вздыхаю и поворачиваю голову, чтобы смотреть прямо перед собой.

Нужно взять на заметку: связность мыслей нарушается, когда смотришь на Нэша. С моторикой тоже могут быть нелады. И необходимо принять меры предосторожности.

Едва сдерживаю смехок, представляя, как надеваю шлем, наколенники и опускаю забрало каждый раз, как Нэш входит в комнату...

А-ха-ха!

Нэш наконец сбавляет ход и заруливает на стоянку у арт-галереи. Какое облегчение! Хотя никаких табличек, обозначающих, что это за место, нет, я знаю, где мы. Погуглила перед выездом, поэтому мне кое-что известно. Не хотелось бы, к примеру, растянуться на неучтенной лестнице. Чтобы выставить себя душой перед этим парнем, дополнительная помощь мне не требуется.

Служитель отгоняет от бордюра «БМВ», Нэш подает мне руку и ведет в галерею. Я озираюсь, и первое впечатление от искусственного загара, медицинскими методами улучшенных фигур и пергидрольно-белых волос – будто я попала в особняк куклы Барби, только в его черно-белую версию, потому что все вокруг в парадных черных костюмах. Однако не только это идет вкривь в альтернативном Барби-мире. Здесь совсем нет Кенов! [6] Я вижу одних туповатых, отвратительных или совершенно бесцветных пожилых мужчин, держащих Барби под ручку. Тут я понимаю, что попала, вероятно, на показ трофейных жен.

Окидываю взглядом свои вычурные формы, облепленные красным, и потом снова смотрю на монохромную по большей части комнату. Хочется бежать к выходу, но тут Нэш наклоняется и шепчет мне на ухо:

- Что-нибудь не так?

- Я чувствую себя единственным цветным мазком на абстрактной картине.

- Ты и есть цветной мазок. Ничего плохого в этом нет.

Смотрю на Нэша. Он улыбается. Кажется, искренне. Похоже, мой внешний вид его ничуть не смущает. Могу только надеяться на это.

Мысленно натягиваю на себя трусы взрослой девочки. Если Нэш спокоен, мне-то чего дергаться. Правильно? Правильно. Делаю глубокий вдох:

- Ну, тогда ладно. Пошли.

Чем дальше мы идем по залу, тем больше голов обращается в нашу сторону. Большинство мужчин, похоже, по достоинству оценивают меня. А вот женщины? Эх... не многие.

Нэш останавливается то тут, то там, чтобы поговорить с разными людьми. Все они держатся парами. Очевидно, Нэш тут по делу. Отпустив сперва формальный комплимент женщине, дальше он обращается в основном к мужчинам: перебрасывается вежливыми, ничего не значащими фразами с гостями, но при этом делаются важные выводы, происходит оценка. К счастью, Нэшу одобритительно кивают справа и слева. Так мне кажется.

А ты-то что беспокоишься? Какое тебе дело до карьеры Нэша или до того, что скажут его друзья-приятели?

Но мне есть дело.

Однако минут через двадцать началось снятие перчаток. Или лучше сказать – выпускание коготков. Тон задала девушка, знающая Мариссу.

- Нэш, а где твоя лучшая половина? - спрашивает девица, которую я окрестила Киской Барби.

Она оглядела меня с головы до пят с плохо скрываемым презрением, будто давая понять: она считает, что я, вполне вероятно, съела живьем лучшую половину Нэша.

- В последнюю минуту у нее изменились планы. Я передам, что ты спрашивала о ней, не сомневайся.

- Уж пожалуйста, не забудь, - говорит Кошечка, не отрывая от меня взгляда. - А что это за маленький павлин?

Павлин? Издеваешься?

- Это кузина Мариссы Оливия.

- Как приятно, Оливия. - «Как это неприятно», - говорит ее взгляд. - Интересный выбор для вечера. - И она надменно кивает в мою сторону.

- Этот выбор сделала его лучшая половина, - отвечаю я с суперяркой улыбкой, а самой хочется, чтобы пол подо мной разверзся и меня поглотила пустота.

вернуться

6

Кен - кукольный приятель Барби.

Коллагеновые губы Кошечки искривляются в улыбке.

- Мило.

Нэш прочищает горло.

- Я скажу Мариссе, чтобы она тебе позвонила, - говорит он Киске Барби, после чего обращается к ее спутнику: - Спенсер, мы продолжим разговор на следующей неделе.

Спенсер кивает Нэшу, потом улыбается мне. На лице у него написано: ему очень жаль, что его «лучшая половина» совсем не лучшая, а скорее ядовитая. Я улыбаюсь в ответ, думая: «Надеюсь, хоть душ принимать с ней приятно, потому что будущее этого парня представляется мне весьма печальным».

Радуюсь, что Нэш не упоминает об этой маленькой стычке, пока мы идем к следующей паре. Эти двое так же не подходят друг другу, как Спенсер с Киской. Парень выглядит полным придурком, ему не хватает только очков в толстой черной оправе с изолентой на переносице и покот-протектора в нагрудном кармане смокинга. А девушка? Уверена, он подобрал ее на съёмочной площадке, где орет музыка типа «бау-чика-бау-вау». Либо так, либо она надувная.

Думаю, что эти двое не могут быть особо противными. Они сами так комично выглядят, что, конечно, не станут бросать в меня камни.

Но бросают. Причем крупные.

Про себя называю эту девицу Пустышкой Барби. Первоначальная оценка подтверждается, когда она начинает смеяться, как только мы останавливаемся рядом с ними.

- О боже! Кто-то не получил напоминания!

Она даже не пытается понизить голос. У меня отпадает челюсть, ощущаю жжение на щеках, краешком глаза вижу, как несколько голов поворачиваются в нашем направлении. Почти чувствую кожей осуждающие взгляды, которые прожигают мое яркое платье.

Я ничего не говорю и не делаю никаких движений, чтобы как-то отреагировать, только улыбаюсь. Надеюсь, улыбка скрывает испытываемое мною унижение.

Нэш не открывает рта. Я ему благодарна. А то еще разревелась бы.

Мы перемещаемся к следующей паре. И к следующей. И к следующей. С каждым разом все хуже.

Когда я думаю, что в этом зале уже не осталось никого грубее, именно на такую и натываюсь. Я бы назвала ее Барби Безвкусная.

- Где ты взяла это платье?

Желудок проваливается в туфли. Хочется только одного - убежать и спрятаться. Разумеется, после того, как я выслежу Мариссу и задую ее же собственным платьем.

В довершение всего я чувствую, как к глазам подступают слезы. Я часто моргаю и заставляю себя улыбнуться. Нэш замирает в напряжении рядом со мной, и тут во мне пробуждается гнев. Они, конечно, плохо со мной обращаются, но Нэшу приходится работать с этим людьми!

Я больше не пытаюсь подавлять язвительные ремарки, которые лезут на язык.

- Украла у бездомной бродяжки, - говорю я со спокойным лицом. - Она валялась рядом с тем стриптизером, который одолжил тебе твое.

Несколько секунд Безвкусная тупо пялится на меня, пока до нее доходит смысл сказанного. Потом ее лицо багровеет и блестящие губы мило округляются в огромное, изумленное «О».

На какое-то мгновение я чувствую удовлетворение. От вида онемевшей Барби мне становится чуточку лучше. Но потом я вспоминаю о парне, который стоит рядом со мной, том самом, на которого я хотела произвести благоприятное впечатление.

Стыд хлынул мне в лицо, как ведро ледяной воды. Я чувствую тошноту.

Сладко улыбаюсь Безвкусной Барби и ее безучастному партнеру.

- Простите, но мне нужно отлучиться в дамскую комнату. - А Нэшу шепчу, глядя на него во все глаза: - Прости, что так вышло.

И удаляюсь.

Рыщу по негостеприимной округе в поисках универсальных символов уборной. Наконец замечаю маленький силуэт девушки в платьице и бросаюсь к нему почти что бегом. Я не бегу, конечно, в основном из боязни поскользнуться, упасть и дать всем новый повод для смеха. Но иду очень-очень быстро.

Оказавшись в туалете, я опускаю голову и напрямик направляюсь в уединение кабинки. Закрываю за собой дверь, прислоняюсь к стенке и даю волю слезам.

Мне так стыдно. Я так зла. И мне снова стыдно за себя и за них – как они выставили себя перед Нэшем...

Боже мой, эти девицы показали мне, что ядовитые укусы Мариссы – все равно что поцелуи бабочки! Неудивительно, что Нэш не обращает на них внимания.

Слезы становятся горше: зачем они так унижали меня; зачем я понеслась за тем, чего никогда не имела; зачем жизнь так устроена, что я не гожусь для парней вроде Нэша?

Покупавшись еще несколько минут в волнах жалости к себе и осуждения жестокости и несправедливости жизни, я выхожу из кабинки. Знаю, если не вернусь в ближайшее время, кое-кто может подумать, что я собираюсь разнести унитаз. А мне это нужно меньше всего.

Нет, грязные потаскухи, у меня кишки крепкие, такой стресс им нипочем!

К счастью, в уборной никого, так что я спокойно смываю с лица размазанный макияж. Смачиваю холодной водой несколько бумажных полотенец и прикладываю их к глазам, как компрессы, в надежде уменьшить припухлости. В результате у меня слипаются и без того уже мокрые ресницы.

Глядя в зеркало, встряхиваю головой. Мне теперь остается только одно – выйти отсюда с высоко поднятой головой, с улыбкой на лице и постараться завершить вечер без неприятных происшествий.

Ты можешь это сделать, Лив. Ты можешь.

Я едва не добавляю «ради Нэша», но даже не вслух это звучит глупо и претенциозно. Он не мой, чтобы я о нем беспокоилась. Не имеет значения, насколько сильно мне хочется, чтобы было иначе.

Набираю в грудь воздуха, распахиваю дверь и собираюсь вернуться в это гадючье гнездо. Но далеко уйти мне не удастся. Я замираю на месте при виде Нэша, прислонившегося спиной к стене рядом с дамской комнатой. Ноги небрежно скрещены в щиколотках, руки столь же небрежно – на груди. Он улыбается слабо и печально.

Я ничего не говорю. Не знаю, что сказать. Теряю свою маленькую сумочку, сжимая в ладони короткий ремешок.

Наконец Нэш отлепляется от стены и идет ко мне, не останавливаясь, пока не оказывается совсем близко. Я вынуждена поднять лицо, чтобы встретиться с ним взглядом.

Нэш проводит большим пальцем по моей скуле до уголка глаза. Я быстро соображаю, не осталось ли следов растекшейся туши.

- Прости меня, – шепчет он, закрывая глаза, как будто от боли. На его лице написано сожаление, и я чувствую тяжесть у себя в груди.

- Не извиняйся. Ты не можешь отвечать за поступки других людей. Надеюсь только, я не слишком опозорила тебя и не нарушила каких-нибудь очень важных деловых связей, на которые ты рассчитывал.

- Меня не волнуют деловые связи. Особенно налаженные такой ценой.
- Но как же. Мы для этого пришли сюда. Контакты не должны быть разрушены из-за какой-то случайной девицы, которая не слишком подходит для выполнения таких функций.
- Ты как раз подходишь. Это я прикидываюсь тем, кем на самом деле не являюсь, – задумчиво произносит Нэш.
- Не быть таким, как они, – это хорошо, но тебе приходится следовать их правилам. Это часть игры. Часть того, чем ты являешься и что делаешь.
- Может быть, я часть того, чем занимаюсь, но эти занятия не часть того, чем я являюсь. Я не такой. Правда не такой. Это, – Нэш тербит лацкан смокинга, – служит определенной цели. Средство дойти до конца. Ничего больше.

Я сдвигаю брови.

- До какого конца?

Чернильно-черные глаза Нэша буравят дырки в моих глазах, на секунду кажется, он готовится мне что-то сказать. Но потом меняет намерение и слабо улыбается.

- Сейчас я не хочу вдаваться в подробности. Пошли, – говорит Нэш и берет меня за руку. – Давай уйдем отсюда.

Он ведет меня к двери, и мы уходим.

Ничего не говоря, Нэш помогает мне сесть в машину, заводит ее и едет в северную часть города. Я не спрашиваю, куда он меня везет. Мне совершенно все равно. Я просто рада, что мы вместе, вдали от всех. Остальное – по боку.

Нэш петляет по центральным улицам, и я с удивлением замечаю, что дома? становятся все выше и выше. Он замедляет ход и подкатывает к гаражу. Взмах карточкой перед электронным глазком – и ворота поднимаются. Нэш въезжает внутрь, заворачивает на первое попавшееся свободное место и глушит двигатель.

Все так же молча он помогает мне выйти и ведет к лифту.

А я все так же не задаю вопросов. Испытываю что-то вроде радостного возбуждения и любопытства: куда это он меня привез? Так не должно быть. Потому что он не мой. А вот я – его.

Нэш снова взмахивает карточкой перед очередным красным глазком, после чего нажимает на кнопку двадцать четвертого этажа. Двери с тихим шипением рассекают воздух. Мы мягко поднимаемся, и вот в растворе дверей появляется роскошная, тускло освещенная приемная. Тысячей бриллиантов сверкает надпись из светодиодных лампочек: «Филлипс, Шеперд и Таунсенд».

Мы в юридической фирме, где работает Нэш. С Мариссой. И моим дядей. Он партнер – Таунсенд – в «Филлипс, Шеперд и Таунсенд».

Хочется спросить, зачем мы здесь, но я снова отмалчиваюсь. Нэш берет меня за руку и вытаскивает из лифта в тишину пустого офиса. Мы проходим к другому лифту, поднимаемся

еще на два этажа, но на этот раз за открывшимися дверями перед нами возникает захватывающий вид на ярко освещенную, простирающуюся до горизонта Атланту.

Я ахаю от восторга. Не могу удержаться. Никогда не видела ничего прекраснее. Это как открытка.

Пробираюсь мимо роскошных кресел и диванов и оказываюсь у стенки, которая огораживает крышу. Теплый бриз играет волосами у меня на висках, а я смотрю вдаль с крыши Банка Америки.

- Здесь, наверху, людишки вроде тех не существуют, - тихо говорит Нэш, останавливаясь у меня за спиной. Он так близко, что касается меня плечом. Я борюсь с искушением прислониться к нему.

Чувствую, как тепло его тела распространяется вокруг и доходит до меня, манит и соблазняет. Моя ответная реакция - дрожь.

- Тебе холодно? - спрашивает Нэш, поворачивается ко мне и проводит тыльной стороной пальцев по предплечью, будто проверяет температуру кожи. - Возьми, - говорит он, снимая пиджак, и накидывает мне его на плечи. Пиджак теплый, тяжелый и пахнет Нэшем, одеколоном или мылом, которым тот пользуется. Признаю, какой-нибудь Армани или другой воображаемый дизайнер мог бы назвать этот запах вкусным. От него у меня рот наполняется слюной. - Так лучше? - Нэш обхватывает меня руками, как будто хочет удостовериться, что мне не холодно. Конечно, я не стану жаловаться. Даже если вспотею - не стану.

- Так намного лучше, спасибо тебе.

Мы долго стоим молча, мне даже становится не по себе. Но как только я напрягаю мозги - что бы такое сказать, - начинает говорить Нэш.

И бросает этакую милую бомбочку.

14

Нэш

- Мой отец сидит в тюрьме. За убийство.

Нашел место, чтобы сболтнуть такое, идиот!

Не знаю, почему меня так тянет открыть Оливии все свои маленькие грязные секреты. Тянет, и все тут. Может, потому, что она чувствует себя не в своей тарелке. Могу сослаться на это. В мире, где наружность и репутация значат все, мне приходится стараться изо всех сил, чтобы любое мое слово, любой поступок не вызвали порицания. Это почти невозможно - переступить, пережить, отгородиться от того факта, что мой отец сидит, но я это сделал. Долгие годы напряженного труда и целования всех нужных задниц - и вот я сделал это. Теперь я на шаг ближе к цели.

После целой вечности проклятого молчания я смотрю на нее. Она глядит на меня в шоке, ее губы слегка приоткрыты. Блестящие зеленые глаза, очень темные в полумраке, сфокусированы на мне. Что я вижу в них? Удивление? Неверие? Любопытство? Может быть, легкую жалость? Вовсе нет. Осуждение? Презрение? Ужас? Ничего из того, что так часто отражается в глазах людей, когда мне приходится рассказывать им свою историю.

Теперь мне еще сильнее хочется поцеловать ее.

Черт тебя подери! Ты привязываешься к ней все больше и больше.

- Что? Ты не бежишь прочь, не кричишь? – спрашиваю, не в силах скрыть горечь в голосе.

Оливия удивляет меня улыбкой и недоумевающим взглядом.

- Думаю, мы с тобой твердо условились: я не похожа на людей, с которыми ты обычно общаешься.

Я смеюсь. Смеюсь от души.

- Да уж. Думаю, мы это точно определили.

Оливия поворачивается ко мне. На лице у нее написан только интерес. Простое любопытство. Я рад, что больше не вижу оттенка жалости. Многого я бы хотел от этой девушки, но вот жалость в моем списке не значится.

- Хочешь поговорить об этом?

Пожимаю плечами.

- Сейчас меня это не беспокоит так сильно, как раньше. Теперь это для меня часть прошлого, и только.

- Наверное, это все-таки нечто большее, раз ты захотел мне рассказать.

Проницательно. Она не только красива, но еще и умна. И вероятно, не считает себя ни умницей, ни красавицей.

- Может быть. Не знаю. Сам не понимаю, зачем заговорил об этом. – Я перевожу взгляд на мерцающие огни города и чувствую себя дураком. Зачем упомянул об этой истории?

- Но ты же заговорил. Теперь должен все мне рассказать, иначе я буду думать, что ты садист.

- Может, я такой и есть.

Оливия прищуривается и обмеривает меня взглядом:

- Нет. Я в это не верю. Кроме того, разве не существует закона против жестоких наказаний? Ты не можешь быть одновременно законником и нарушителем законов.

Смешная логика. В голове помимо воли появляется мысль: «Интересно, что она подумает, если узнает правду?»

- Люди сплошь и рядом поступают так.

- Но ты не «люди». Ты парень, который готов избавить меня от моих страданий.

- Страданий? Хм. – Я хмурюсь.

Я знаю, моя улыбка отвлекает внимание от направления мыслей, и Оливии снова удается удивить меня – она немедленно включается в игру.

- Да, страданий, - поддакивает она с улыбкой. - Ты ведь не из таких парней, что оставят девушку в петле?

Хоть Оливия и выглядит милой, скромной и невинной, временами кажется, что она готова к играм гораздо более интимным и опасным. Знаю, мне не следует думать об играх, страданиях и всем прочем, что связано с Оливией Таунсенд.

Но черт меня подери, если я не думаю об этом!

В голову приходят мысли темные и грязные - например, о том, какое удовольствие я получу, если заставлю ее страдать. Не по-плохому, конечно. Нет, я хочу, чтобы она обливалась потом, корчилась и молила меня войти в нее.

Чувствую, что возникает неотложная необходимость поправить содержимое брюк, и напоминаю себе, как опасно ступать на эту почву. Умом-то я все понимаю, но смотрю в лицо Оливии, в ее сияющие глаза, на блестящие губы, и мне ясно: всей жизни не хватит, чтобы донести эту мысль до других частей моего организма.

- Только если это не противоречит ее желаниям, - говорю я, протягиваю руку и приподнимаю с плеча Оливии длинный локон черных волос. На ощупь он как шелк. - Что ты любишь, Оливия?

Кажется, я замечаю, как ее грудь резко вздымается, - Оливия задерживает дыхание. Может быть, она первая нажмет на тормоза. Бог свидетель, я этого делать не собираюсь. Вероятно, потом я пожалею, но прямо сейчас думаю только о том, как будет выглядеть Оливия без этого красного платья.

Брови Оливии изгибаются дугой. Не знаю, действительно ли ее задел мой вопрос или это то, на что я надеюсь. Но потом она облизывает губы и слегка приподнимает подбородок, глядя на меня из-под ресниц.

Она скромна. Но не притворно. Просто она такая. И это заводит меня еще сильнее.

- То есть ты не знаешь? Я считала, четырехзвездные генералы знают все-все, чего не знают остальные.

- Может быть, я просто хочу провести разведку.

- В каком смысле?

Понимаю, надо остановиться, пока это еще возможно. Только не могу.

- Я хочу с помощью всех органов чувств составить подробный план местности.

- План местности? - переспрашивает Оливия, и в уголках ее губ появляются ямочки.

- Разумеется, - отвечаю я. - Тогда я могу спланировать атаку.

- Разведка? Для атаки? Надо же.

- Я начну с осязания. - Протягиваю руку и глажу кончиком пальца одну из ямочек, потом медленно провожу по чуть выступающей нижней губе. - Прикосновение неоценимо. Текстура местности говорит мне о том, насколько... яростной должна быть моя атака. Некоторые места требуют гораздо более деликатного подхода по сравнению с другими.

- Ясно, - тихо говорит Оливия, ее теплое дыхание щекочет мой палец. - Что еще?

- Обоняние, - говорю я, запускаю руку в волосы Оливии, откидываю их назад, а сам утыкаюсь лицом в нежно благоухающую шею. - Определенный запах может подсказать мне, в правильном ли направлении я двигаюсь. Что-то сладкое. Что-то... мускусное, - бормочу я.

Тихонько кусаю Оливию под ушком и слышу тихое «ах».

- И слух, - шепчу я. - Иногда самый тихий звук, даже стон, может сказать мне много-много о том, далек ли я от достижения желаемой цели.

Чувствую, как пальцы Оливии обхватывают мое предплечье. Ногти впиваются в кожу сквозь рубашку. Думаю только о том, как бы мне хотелось ощутить их прикосновение у себя на спине.

Дыхание Оливии становится частым и неглубоким.

- Что еще? - выдыхает она мне в ухо.

Я отклоняюсь и смотрю ей в лицо. Веки у нее полуопущены, глаза затуманены, а щеки горят от того, что происходит между нами. Она тоже не хочет останавливаться. У меня в этом нет сомнений.

- Вкус.

Оливия мельком смотрит на мой рот и снова мне в глаза:

- И что ты пробуешь на вкус?

- Все. Я хочу попробовать все.

Если у меня и был шанс устоять перед ней, он улетучился в тот момент, когда она ко мне прижалась. То же случилось со всей моей тонкой стратегией, если я вообще был способен ее применять. Поцелуй, который должен был начаться медленно, занялся как лесной пожар. Вкус ее языка поглотил меня целиком и полностью.

И я пропал.

Руки мнут ее волосы, рот пожирает ее губы. Ни одной мысли о том, где я нахожусь, или о девушке, на отца которой работаю. Ни о чем не могу думать, кроме одного: как безумно мне хочется оказаться внутри упругого, горячего тела той, которую я держу в объятиях.

Но почему? Почему я так сильно хочу ее?

Никакого ответа в голову не приходит. Мысли, похоже, схлопнулись, стоило только Оливии обвить меня руками, а мне почувствовать, как она впивается в мои плечи ноготками.

Я рычу, не переставая целовать ее, и слышу ответное урчание. Тяну Оливию за волосы, может быть, чуть сильнее, чем намеревался, и ее поцелуй становится жадным. Она жметесь ко мне, как будто ей не хватает нашей близости. Я разворачиваю ее и прижимаю спиной к стене. Мое тело распластано на ней. Чувствую, как каждый кусочек моего упругого тела утопает в ее мягком. Нас разделяет одежда, что заставляет меня прервать поцелуй.

Я отстраняюсь и смотрю на Оливию. Глаза ее темны, а губы припухли. Слышу, как в дверь скребется рассудок, но игнорирую эти сигналы, когда Оливия привстает на цыпочки и тянется

ко мне, чтобы куснуть за нижнюю губу.

- О мой бог, - со стоном выдыхаю я и снова погружаюсь в поцелуй. Оливия встречает меня там, где мы расстались. Без оговорок.

Не отрываясь от губ Оливии, я подхватываю ее на руки и несу к одному из шезлонгов подальше от дверей лифта. Я кладу девушку на лежак и выпрямляюсь, чтобы посмотреть на нее сверху вниз.

Ее ноги слегка согнуты в коленях, краем глаза вижу тонкие лодыжки. И не могу оторваться. Опускаюсь на колени и прижимаюсь губами к подъему стопы; приподнимая подол платья, тянусь к икре.

Скольжу ладонью по шелковой коже, чтобы отодвинуть ткань, а сам пролизываю и прокладываю поцелуями дорожку к коленке, потом к внутренней стороне бедра. Оливия раздвигает ноги - чуть-чуть.

Это приглашение.

Я покусываю мягкую кожу, а пальцы добираются до слегка влажных трусиков. Слышу вздох Оливии. От предчувствия звуков, которые я услышу, когда войду в нее, член твердеет.

Но тут Оливия замирает в напряжении, и я понимаю: что-то не так. Поднимаю голову и встречаю ее тревожный взгляд.

Смущаюсь, когда вижу, что у нее в глазах стоят слезы.

- Что случилось, Оливия? Я сделал тебе больно?

Не думаю, что я был не прав...

Она качает головой:

- Нет, просто... Я только... Мы не можем так поступить.

Как ни горько признавать это, она права. Марисса слишком важна для осуществления моих планов, чтобы смешать все карты прямо сейчас. А Оливия - слишком милая девушка, чтобы втягивать ее в мою сумасшедшую жизнь.

И я со вздохом утыкаюсь лбом в ее колени.

15

Оливия

Слышу, как Нэш бормочет:

- Ты права. - Потом он поднимает голову и говорит более твердо: - Ты права. Пожалуйста, извини меня.

Он кажется скованным и... отстраненным. Результат: и без того неудобная ситуация становится еще хуже, гораздо хуже. Я сажусь прямо и беру Нэша за руку, пока он не успел встать и уйти.

- Нет, подожди. Не делай этого. Это моя вина. Я заигрывала с тобой, зная, что ты несвободен. Очень несвободен. Я виновата не меньше твоего. Давай просто забудем об этом, а? Не будем совершать роковую ошибку?

Несколько секунд Нэш напряженно вглядывается в меня и ничего не говорит. А когда произносит одно только слово, мне сразу становится легче.

- Конечно.

Сказав это, Нэш встает и предлагает мне руку. Я вкладываю пальцы в его ладонь, он легонько сжимает их и тянет меня вверх.

Опускаю взгляд, чтобы проверить, расправилось ли платье – расправилось, облегает ноги как положено, – а потом поднимаю глаза на Нэша, но он не смотрит мне в лицо; его взгляд устремлен на мою грудь. Я гляжу вниз, чтобы понять, что привлекло его внимание. И впадаю в смущение: из-за наших... агрессивных поцелуев платье у меня немного съехало, так что груди почти вывалились. Сосков, конечно, не видно, и платье свои функции выполняет, но ложбинка открыта всему свету.

Нэш не выпускает мою руку. Я стряхиваю ее и быстро поправляю белье. Когда мы наконец снова встречаемся глазами, я невольно улыбаюсь и говорю насмешливо:

- Так вот, значит, каким образом ты зачаровываешь кобр.

Он отвечает с дьявольской улыбкой:

- Если ты и правда хочешь знать, какое действие оказываешь на мою змею, буду счастлив тебе показать.

Чувствую, как кровь приливает к щекам и в животе становится жарко. Похоже, мы вернулись к тому, с чего начали.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, а потом Нэш вздыхает:

- Полагаю, мне снова нужно извиниться. На самом деле с другими женщинами я себя так не веду, клянусь.

Нэш как бы между делом снова берет меня за руку и ведет к лифту.

- Мне не только приятно это слышать, но, кроме того, я тебе верю, – убеждаю я Нэша. И я действительно верю ему. Вот так. Он хороший парень. Могу точно сказать.

- Веришь? – переспрашивает Нэш. Судя по выражению лица, ему на самом деле интересно, что я думаю.

Ну и ну! Поди разберись!

- Да, верю. Я знаю, что ты за человек.

- И что я за человек? – Нэш проводит меня в кабину лифта.

- Умный, преуспевающий, рассудительный, благородный.

Он смеется:

- Вау! Звучит лестно, но обязывает. Может, мне стать рыцарем и назначить кому-нибудь дуэль на рассвете?

- Ничего такого я не имела в виду. Я говорю, что в тебе много разных качеств, но главное - ты хороший парень. Я за свои слова отвечаю.

- И это хорошо? - спрашивает Нэш с выражением сомнения на лице.

Я улыбаюсь:

- Для меня это очень хорошо.

Нэш возвращает мне улыбку, и я вынуждена отвернуться. Кажется, я сказала слишком много. Не надо было давать никаких оценок.

Идиотка.

- Ну, раз ты так думаешь...

Всю дорогу до гаража мы провели в молчании. Я не в состоянии размышлять после такого шквала эмоций, да притом еще Нэш поглаживает меня большим пальцем по руке с тыльной стороны. Знаю, нам не стоит держаться за руки, как будто у нас свидание, но заставить себя убрать пальцы из ладони Нэша не могу. Скоро все закончится - и я не упущу ни секунды этого блаженства. Завтра все встанет на свои места, реальность вернется. И вместе с ней Марисса.

По пути домой Нэш развлекает меня вежливой болтовней - и это правильно. Мне не нужно слишком сильно задумываться, чтобы поддерживать беседу. Я могу просто... быть. Наслаждаться. И предаваться фантазиям.

Легко могу себе представить, каково это - возвращаться домой после свидания с Нэшем. Настоящего свидания. Если бы он был моим. Если бы рядом со мной был такой эффектный, преуспевающий мужчина, как Нэш, от одного взгляда которого я таю и загораюсь от его первого прикосновения. Нэш - лучшее в обоих мирах. Но, к несчастью, он принадлежит миру, к которому я не подхожу.

А вот Марисса подходит.

- Так тебе нравится работать у моего брата?

Ну вот.

Одна только мысль о нем, о его имени, вызывает спазм восторга в животе. Как он посмотрел на меня, когда наклонялся, чтобы вынуть зубами ломтик лайма, зажатый между моими губами. Кроме как хищным такой взгляд не назовешь. Сколько времени ни проведешь с таким парнем, все будет поездкой длиной в жизнь. Но потом он меня бросит с разбитым сердцем.

Они всегда так делают.

- По твоему молчанию могу заключить, что не все идет ладно. Может, я должен принести тебе извинения и за брата тоже?

Мне стыдно, что я думаю о Кэше, когда рядом со мной сидит его брат - такой же восхитительный и горячий парень. И он только что целовал меня, чего Кэш не делал, и все равно я думаю о Кэше и размякаю.

О бог мой, это тяжелый случай! Шлюха, да еще проблемы с головой!

- Оливия?

Я выдергиваю себя из мира грез и возвращаюсь к реальности:

- О боже, нет! Все идет отлично. Прости меня. Я задумалась о работе. Моя смена в среду.

- Значит, тебе нравится? И он... с ним хорошо работать?

Что-то странное слышится в его тоне...

- Почему ты спрашиваешь? Ты что, считаешь, с ним могут быть проблемы?

Нэш пожимает плечами:

- Да нет.

- Да нет?

- Ну...

- Что - ну?

- Кэш немного э-э... э-э...

- Если такому красноречивому человеку, как ты, не подобрать слов, могу вообразить, что это говорит о Кэше.

- Нет, ничего такого. Я просто подумал, что ты обязательно понравишься Кэшу.

- Ну так я рада, что понравлюсь ему. Это сэкономит мне кучу времени и денег на бензин.

Нэш бросает на меня раздраженный взгляд:

- Я не это имел в виду, ты прекрасно знаешь.

- А что ты имел в виду?

- Оливия, ты красивая, умная, веселая. Любой мужчина захотел бы сделать тебя своей. И мой брат не исключение. Он только несколько более... агрессивен в достижении желаемого. Я не хочу, чтобы он тебя выгнал с работы.

Вспоминаю о своей пикировке с Кэшем по поводу сексуальных домогательств. Не сомневаюсь: он отодвигает границы, но никогда у меня не возникало впечатления, что он может начать принуждать меня к чему-нибудь или делать нежелательные авансы. Надеюсь, о боже, он не догадывается, что его авансы не являются нежелательными. Я ведь хочу, чтобы они были.

- Тебе не стоит переживать из-за Кэша. Он всегда был настоящим джентльменом, и у меня нет причин подозревать, что в этом смысле он может измениться. Я работаю у него, и он будет относиться к такому положению вещей с уважением.

Уголком глаза вижу: Нэш смотрит на меня как на сумасшедшую. Не обращаю внимания.

Наш разговор обрывается, как только мы въезжаем на парковку рядом с таунхаусом, где я

живу вместе с Мариссой. Задерживаю в груди тихий вздох. Ясно, что Нэш со мной в дом не войдет. Потому что я ему не предложу. Так лучше.

Оторви и брось.

Как я и предвидела, Нэш останавливается на парковке и не выключает двигатель.

Так лучше. Вот и славно.

- Спасибо тебе, - говорю я, глядя в его бездонные темные глаза. В свете огоньков приборной панели они выглядят кусочками оникса. - Я хорошо провела время.

Раздается смех Нэша - какой-то невероятный лай.

- Нет, это ложь.

Я улыбаюсь:

- Ладно, большую часть времени я провела хорошо. Спасибо, что взял меня. И я правда надеюсь...

- Ах, ах, ах, - обрывает меня Нэш. - Ни слова больше. Ни в чем из того, что случилось, ты не виновата. Чего еще можно было ожидать от кучки пресных трофейных жен? Ты тут вообще ни при чем.

«Забавно, - думаю я, - что он употребил те же самые определения, которыми раньше наградила эту компанию я. Великие умы...»

- Ну, вечер сложился бы иначе, если бы Марисса смогла пойти с тобой. Она-то точно не ошиблась бы с выбором платья и... - Я замолкаю, в первый раз осознав, что меня подставили. Разве можно сомневаться в том, что Марисса знала наверняка, какие будут последствия моего появления на вечере в таком платье.

- И что? - подталкивает меня к продолжению разговора Нэш.

Я окидываю его взглядом. Он заслуживает большего, гораздо большего. Хотела бы я дать ему это. Но для такого парня, как он, я - карьерный суицид.

- Ох, ну-у, просто она намного лучше приспособлена к таким вещам, к такой публике. А я всего лишь деревенская девчонка.

Нэш склоняется ко мне и берет мое лицо в ладони, слегка откидывает голову и смотрит оценивающе:

- Не делай этого. Никогда не принижай себя. Потому что тогда тебя и другие страшно недооценят.

Он смотрит мне прямо в глаза, будто хочет, чтобы я впитала в себя смысл его слов, чтобы я прониклась его искренностью. И я проникаюсь. Он не кривит душой. Только это ничего не меняет. Он все равно останется с Мариссой.

Он не такой плохой парень. А я не такая плохая девушка.

- Я ценю твои слова, Нэш. - Знаю, что надо идти. Не имеет значения, как сильно жажду я его

поцелуя, как хочу, чтобы он пошел со мной в мою комнату и мы завершили начатое, я понимаю, что не могу. Не должна. Не буду. И он не будет.

А если будет...

К чему развивать мысль, если этого все равно не случится, поэтому я говорю недодумывая:

- Спокойной ночи, Нэш.

Его губы складываются в кривую усмешку. Странно. А чего он ожидал?

- Спокойной ночи, прекрасная Оливия.

Удаляться от машины, от Нэша, когда оставался хоть малюсенький шанс, что он пойдет со мной, оказалось самым трудным за всю мою жизнь.

До следующего утра я не вспоминала о признании Нэша, что его отец сидит в тюрьме за убийство. Довольно плохо, но гормоны, оказывается, способны нейтрализовать шоковую реакцию на любое известие.

16

Кэш

Раньше мне никогда не приходилось прикладывать усилия, чтобы держаться подальше от девчонки. Черт, у меня не было даже причин пытаться. А теперь я это делаю. С Оливией все как-то иначе. Хочу быть с ней в постели. Хоть сейчас. Но она... Не знаю. У меня такое чувство, что к ней нужен особый подход - как-то понежнее, поласковее. Она так просто не дастся.

И черт меня побери, если мне не по душе этот вызов!

Слежу за тем, как Оливия наливает выпивку, а Тарин нависает у нее над плечом. Я легко могу убрать Тарин, сказать ей, чтоб отстала от Оливии, но не буду этого делать. Я не только считаю, что это полезно для Оливии - пусть проявляет напористость, - но уверен, она, если что, сама разберется. И мне это в ней нравится. Очень сильно. Чем больше нахожусь с ней рядом, тем очевиднее становится, что в Оливии есть еще много чего, кроме скромной улыбки и милого личика.

И разумеется, тела, в которое мне не терпится войти.

И я войду.

И она будет наслаждаться каждой секундой. Я позабочусь об этом.

17

Оливия

Складывается впечатление, что, когда бы я ни подняла взгляд, тут же вижу Кэша. Иногда он разговаривает с посетителями, занимается своей работой владельца тире менеджера. Но в остальное время, кажется, постоянно наблюдает за мной. От этого я нервничаю, но не как перед выступлением на сцене. Я уверена в своих способностях смешивать отличные напитки, даже когда у меня над ухом рявкает сержант. В чем я не уверена, так это в своей способности устоять перед тем, что Кэш даже не пытается скрывать.

Он интересуется мной. И не только как работницей. Может быть, даже меньше всего как работницей. Каждый раз, встречаясь с ним взглядом, чувствую, будто он меня раздевает. И, Боже, помоги мне, балдею от этого. Эти сексуальные бархатные глаза – как прикосновение. Я почти ощущаю их, как руки на теле или губы на губах.

Чего уж отрицать, я притягиваю плохих парней, но Кэш... Не знаю. Он другой. Смею сказать, он еще опаснее, чем мои обычные катастрофические приобретения.

Поднимаю глаза и вновь наталкиваюсь на взгляд Кэша. Он подмигивает мне, и у меня в животе переполох.

- Мы здесь так «Маргариту» не делаем, – твякает мне в ухо Тарин. – Кто добавляет апельсиновый сок?

Я вздыхаю так громко, что получается звук, похожий на рык. Легко могу объяснить: вливание апельсинового сока добавляет особый вкус текиле, – но не делаю этого. Хватит с меня сволочизма Тарин.

- Отлично, – говорю я и ставлю на стойку бутылку текилы немного более энергично, чем рассчитывала. – Тогда покажи мне, как вы тут делаете «Маргариту». – Отступаю назад и складываю руки на груди.

Тарин бросает на меня злобный и одновременно удовлетворенный взгляд. Очевидно, хочет меня доконать. Что ж, она получит больше, чем ожидает.

- Ну давай. Покажи мне. Люди ждут, – говорю я очень спокойно и киваю в сторону группы мужчин, которые собрались около нас у стойки бара.

Бледно-голубые глаза Тарин вспыхивают от ярости, а ярко-алые губы вытягиваются в ниточку. Она готова к схватке. Я тоже.

- Ты бы лучше оставила свои амбиции за дверью, дорогая, а то этот вечер станет для тебя здесь последним.

Слышу вокруг приглушенные голоса – ох да ах – и шепот ожидающих кошачьей драки. Пропускаю все это мимо ушей и фокусируюсь на Тарин.

- Что ты говоришь? Думаешь, у тебя хватит силенок выпихнуть меня отсюда только благодаря мании держать все под контролем и комплексу дефицита внимания?

Тарин с горечью смеется, но не собирается возражать. Думаю, она знает, что я права.

Мне потребовалось не слишком много времени, чтобы раскусить ее: она вечно находящаяся на грани срыва, недолюбленная отцом девушка. После «прослушивания» с боди-шотом она только что колесом не ходила, чтобы отвлечь внимание всех посетителей бара от моего конца стойки и притянуть к себе. Она поставила ритмичную композицию Джесси Джеймс и танцевала вдоль бара, подпевая одними губами песне «Wanted» и обращаясь к каждому мужчине в пределах видимости.

И конечно, это всем понравилось. Она эффектная, даже со своими блеклыми длинными дредами, и очень сексуальная, в таком кошачьем стиле. Какому парню с нормально функционирующим пенисом не понравится девушка, выставяющая себя напоказ и дразнящая его?

Но я-то понимаю, что мне это только на пользу. Слезая с барной стойки, Тарин самодовольно ухмыляется. Демонстрирует, ясно дает понять, что она мне еще покажет. Не понимает она только одного: столь любезное ей внимание мне совсем не нужно. Пусть забирает все себе.

Эти размышления заметно утихомирили мой гнев. Я решила отдать то, чего она добивается, – любовь всех мужчин.

- Что скажешь насчет маленького состязания? Проигравший пляшет на стойке.

Меня слегка изумляет замешательство Тарин, но вот ее глаза метнулись в сторону, и я поняла, в чем проблема. Неподалеку от нас стоит Кэш, окруженный группой млеющих от его близости девиц.

И тут до меня дошло. По-настоящему дошло.

Вот дерьмо! У нее виды на Кэша!

Первая мысль: я ее не виню. Любому существу с эстрогенами Кэш небезразличен. Вторая – удивление: неужели они до сих пор не спят вместе? На плохого парня вроде Кэша это как-то непохоже.

Вероятнее всего, они переспали, и она не может забыть. Это больше похоже на плохого парня.

Почему-то меня начинает грызть ревность.

- Ну давай, – кивая, говорит Тарин.

- Победит лучшая «Маргарита». Обе за мой счет. – С этими словами поворачиваюсь к группе парней, которые наблюдают за нами и прислушиваются. – Кто хочет быть судьей?

Конечно, все они начинают галдеть, чтобы их выбрали. Однако на сцену выходит Кэш, и все прежние кандидатуры отпадают.

- Давайте я буду судьей, – предлагает Кэш и в приглушенном свете бара подзадоривает меня взглядом. Думаю, это единственный правильный выход.

- Конечно, – отвечаю я, слегка задыхаясь от того, что он так близко и я совсем у него на виду. Смотрю на Тарин. Ее взгляд из просто враждебного стал убийственным. Как бы то, что было спланировано так основательно, не привело к обратному результату. – С тобой все в порядке?

- В порядке, – брякает Тарин и поворачивается к Кэшу с ослепительной улыбкой. – Я знаю, что он любит.

Стоящие рядом парни начинают свистеть и улюлюкать, подталкивая Кэша локтями и подшучивая над ним. Кэш в ответ улыбается, глядя на Тарин. Меня это бесит. Не могу определить, есть ли между Кэшем и ней что-нибудь. Или это просто улыбка добродушно все сносящего хозяина.

Надеюсь, если между ними что-то и было, то в далеком прошлом.

Мысль, что он флиртует со мной, поедает меня глазами, раздраживает и одновременно спит с Тарин, как заноза в заднице. Это не должно иметь для меня значения. Он плейбой, а плейбой всегда именно так и поступают.

Но мне не все равно.

Черт побери!

- Ребята, давайте им немного поможем, - говорит Кэш. Парни вокруг начинают ободряюще кричать. Кэш смеется над ними, а потом поворачивается ко мне, немного склоняясь над стойкой бара. Наши глаза встречаются, Кэш приподнимает одну бровь (чертовски сексуально), а потом говорит вполголоса:

- У тебя есть шанс смочить мне горло.

Я втягиваю в себя воздух. По рукам бегут мурашки.

Черт, как он хорош!

Радуюсь, что в зале полно людей. В противном случае я могла бы осрамиться: сорвала бы с себя одежду, перелезла через стойку и обвилась вокруг него всеми частями тела.

Ни капли осторожности в голове, когда я отшучиваюсь:

- О, я могу сделать кое-что и получше.

Губы Кэша искривляются в какой-то нервной улыбке.

- Ничуть в этом не сомневаюсь.

С трудом отведя от него взгляд, переключаю внимание и полностью концентрируюсь на приготовлении супернапитка. Это оказывается труднее, чем могло быть. Все время хочется отвлечься и посмотреть на Кэша.

Натирая край бокала солью, забываюсь и поднимаю глаза. Кэш подпевает песне и присвистывает. Когда подходит момент свистнуть, он складывает в трубочку свои прекрасные губы и попадает точно в такт.

Невольно задерживаю на нем взгляд. А он, хотя я и без того уже сама не своя, когда мы встречаемся глазами, подмигивает.

В этот самый момент я понимаю, что у меня проблемы. Большие, большие проблемы.

Тарин подталкивает меня в бок, чтобы я уже подавала напиток Кэшу. Это выводит меня из транса. Переливаю «Маргариту» в бокал, вешаю на край ломтик лайма и в придачу - ломтик лимона, пусть будет.

Кэш сперва отхлебывает коктейля Тарин, потом моего, потом снова моего и ее, причмокивает губами и оценивает вкус. Я сомневаюсь, действительно ли он собирается выбрать лучший напиток или нацелился на девушку, танец которой хочет увидеть, и тогда его выбор падет на коктейль соперницы.

Понимаю, что ни один вариант меня не радует. Если Кэш сочтет за лучший мой коктейль, я буду думать: уж не потому ли это, что он хочет увидеть танец Тарин. Не то чтобы меня должно сильно беспокоить, чего Кэш хочет от Тарин.

Но меня это беспокоит.

Черт подери!

Если Кэш предпочтет напиток Тарин, он не только будет признан предположительно лучшим, но мне придется танцевать на барной стойке, а я этого делать вовсе не хочу.

Кэш кивает, приподнимает руку с моим коктейлем и допивает одним глотком.

- Победитель определен! - говорит Кэш и указывает на меня.

Я чувствую себя триумфатором и облегченно вздыхаю, но в душе какой-то разлад. Не глядя в глаза Кэшу, я убираю пустой бокал, и как только он опускается на стойку, смотрю на Тарин. Она кому-то жеманно улыбается. Я решаю, что Кэшу.

- Хорошая новость, ребята, - радостно кричит Тарин. - Я все равно буду делать «Маргариту» по-своему, а вы сегодня немного развлечетесь. Беспроигрышный вариант.

С возгласом «хоп-ля!» Тарин протягивает руку назад и ставит другую музыку. Она выбирает очень чувственную песню. Не сомневаюсь, танцовщица выжмет из нее все, что можно. Вот она забирается на стойку, и я ухожу в другой конец бара, чтобы приготовить напитки для нескольких человек, которые не интересуются происходящим и не подбадривают Тарин.

Делаю все, что в моих силах, чтобы не смотреть ни на Тарин, ни на Кэша. Не хочу видеть, как он реагирует. Но вот одобрителные выкрики становятся громче, и мои глаза устремляются в другой конец бара, несмотря на всю прежнюю осторожность.

Очевидно, Тарин только что соскочила со стойки прямо на руки Кэшу. Он держит ее, как младенца, а она обвивает его шею руками, похоже очень цепко. Тарин улыбается, как кошка, слопавшая канарейку, - или, скорее, как кошка, которая хочет слопать канарейку, - а Кэш хохочет.

Возвращаясь к схеме коктейля, который я смешиваю, успеваю заметить: Тарин пригибает к своему лицу голову Кэша и целует его. И это не какое-нибудь чмокание в щечку. Кажется, что она хочет всосать в себя все лицо Кэша. А он и не сопротивляется.

По пальцам течет холодная жидкость, что заставляет меня вернуться к делу. «Пильзнер» хватил через край, пиво сползает по запястью и сливается в лоток. Отпрянув, ставлю бокал и сердито стряхиваю пивную пену с кончиков пальцев. Я невероятно зла на себя за то, что дала слабину, что Тарин и Кэш все-таки вывели меня из равновесия. Мало того, это очевидно всем.

Сердито вожу тряпкой по стойке, убирая за собой, и тут рядом появляется Кэш и заговаривает со мной:

- Мне нужно, чтобы сегодня вечером ты задержалась ненадолго. Надо заполнить кое-какие бумаги. Это не займет много времени.

Поднимаю взгляд и встречаюсь с ним глазами. Так бы и выцарапала их. А потом еще плюнула бы ему в лицо. А потом прокляла бы за то, что он оказался именно таким, как я о нем думала.

Плохой парень.

Плейбой.

Сердцеед.

Но мне и поцеловать его хочется. И пусть отнесет меня в закрытую для посторонних комнату наверху и положит конец этой ноющей боли желаний, которая терзает меня с того первого вечера, когда мы встретились и я стянула с него через голову рубашку.

Черт возьми!

Отстраняясь от меня, Кэш улыбается:

- Между прочим, отличный коктейль.

Он дважды хлопает ладонью по стойке, как будто по чьей-то спине, и удаляется в направлении загадочной двери в дальнем конце зала.

С этого момента ночь идет в пике.

Странно, но то, что, по моей мысли, должно было улучшить состояние Тарин, сделало ее еще более враждебной. К несчастью, мое настроение тоже стремительно ухудшалось, вместе с ним сошли на нет терпение и покладистость. Так что остаток смены я с успехом отдавала то, что получала.

Хоть я и побаиваюсь разговора с Кэшем, но вздыхаю с огромным облегчением, когда ночь подходит к концу. Наши с Тарин отношения прогрессировали и от тонко завуалированных колкостей постепенно дошли до того, что, проходя мимо, Тарин толкала меня плечом, как бы невзначай, а я намеренно натыкалась на нее спиной как раз в тот момент, когда она каплями добавляла в рюмки с выпивкой лимонный сок. Дальше - больше: Тарин грохнула об пол бокал с коктейлем и забрызгала мне все ноги «Бейлисом». Пришлось очень долго счищать с себя эту липкую пакость. Тут мне представилось одно логическое продолжение: я вцепляюсь Тарин в волосы, она - мне, мы царапаемся и катаемся по полу, рыча друг на друга. Назовите меня сумасшедшей, но я думаю, на такие вещи смотрят косо везде, кроме шоу, когда женщины в бикини мутузят друг друга в надувном бассейне с цветным желе.

И тут я утратила всякую враждебность к Тарин. Теперь я готовлюсь идти домой.

Прибираясь на своем конце бара, с благодарностью вспоминаю уроки Марко и радуюсь, что не забыла их. То, с чем я затрудняюсь, могу симпровизировать, бросив украдкой взгляд на Тарин. Что она там делает, на своем конце бара? Тарин справляется проворнее меня. Это понятно.

Закончив уборку на своей территории, Тарин почти бегом огибает стойку и несется в дальний конец зала к заветной двери. На меня она даже не смотрит, тем более ничего мне не говорит. Меня это не волнует, ничуть, правда. Не из-за ее отношения у меня живот скрутило в узел, а оттого, что я прекрасно понимаю, кто кого сделает сегодня.

По этой причине я спокойно расставляю все по местам в своем углу. Лучше умру, чем нарушу их уединение. На самом деле я предпочла бы, чтобы Кэш забыл о каких-то бумагах и отпустил меня домой.

Я ругаю себя: разве можно поменять мнение о таком типе, как Кэш! И тут из комнаты выходит Тарин. Я поднимаю голову. На первый взгляд она кажется... озабоченной. Но когда замечает мой взгляд, устремленный на нее, надевает на лицо лучезарную улыбку, вытаскивает из-за стойки сумочку и весело выходит на улицу.

Мне хочется изрезать ее тонким лезвием, всю, каждый квадратный дюйм ее тела, а потом опустить в соленую воду.

Эта мысль вызывает у меня довольную ухмылку, ее-то и видит Кэш, когда выходит из своего логова. Он не поправляет одежду, ничего такого, что выдало бы его, но я-то знаю, чем он занимался. И бешусь от этого.

- Ты почти закончила? - небрежно спрашивает он.

Я фыркаю:

- А ты? - Пнула бы себя за то, что выдаю свое настроение, но оно вроде как должно вырваться наружу, а уж после я возьму все под контроль.

На мгновение бровь Кэша придвигается к переносице.

- Я готов в любое время. Тебе нужно идти домой?

Как, кстати, ты об этом вспомнил! Ты, наверное, готов лечь в постель. По-настоящему.

Скрежеща зубами, запикиваю тряпку в бак с отбеливателем и выхватываю из-под стойки сумочку. Я отказываюсь торопиться только потому, что он наконец-то готов. Отказываюсь! Да, завтра я расплачусь за это усталостью на весь день, но сегодня все, что у меня еще есть, - это пассивная агрессивность.

Кэш идет к старательно замаскированной двери в дальнем конце бара. Как я и подозревала, там его кабинет. Довольно мило оформленный, кстати. Особенно если учесть, что он находится в баре.

Цветовая палитра одновременно мягкая и мужественная - насыщенные кремовые тона и спокойные серо-коричневые. По комнате разбросаны черные акценты - декоративные подушки на диване и лампы на журнальных столиках. Все это связывает воедино большой черный письменный стол и резной кабинет за ним.

В дальней стене полуоткрытая дверь. Похоже, она ведет в отдельную комнату, очень просторную и красивую, насколько я могу судить.

Тоскливо сердцем думаю: Кэш и Тарин, наверное, были там. В постели.

Меня тошнит.

Кэш предлагает мне сесть на стоящий перед столом мягкий стул, обитый тканью в черную и серо-коричневую полоску. А сам опускается в кожаное кресло за столом, нажимает пару клавиш на компьютере, распечатывает несколько листов с анкетами и толкает их мне. Листки скользят по столу. Я беру ручку из стоящего слева от меня стаканчика.

Молча заполняю необходимые бумаги для налоговой и для нанимателя, а Кэш тем временем собирает в папку личное дело, как я поняла. И вот с документами покончено, подписывать больше нечего, я откладываю в сторону ручку и жду. Наконец и Кэш поднимает голову. Он улыбается:

- Ну как тебе нравится работа? За исключением Тарин, конечно.

Заставляю себя улыбнуться и отвечаю:

- Все отлично, спасибо.

Замечаю, как Кэш опять слегка хмурит брови.

- Может быть, ты хочешь о чем-нибудь поговорить? Попросить меня сделать что-нибудь, чтобы тебе стало легче работать?

Может быть, чтобы ты держался от меня как можно дальше?

Я прикусываю язык и продолжаю мило улыбаться, отрицательно качая головой. Кэш кивает, пристально глядя на меня:

- Ну хорошо. Тогда, думаю, лучше я отпущу тебя домой.

Коротко кивнув, я встаю и ухожу как можно быстрее, но так, чтобы моя поспешность не была замечена. Выхожу на улицу, иду к ярко освещенной парковке и даю выход бессильной ярости. Совсем чуть-чуть. Вместо истошного крика получается тихое рычание, по правде говоря.

Топая к машине, швыряю сумочку на капот, роюсь в ней, чтобы достать ключи. И тут слышу шаги. От испуга я резко оборачиваюсь, рядом со мной стоит Кэш:

- С тобой все в порядке?

Брови Кэша все еще нахмурены, но глаза при этом широко раскрыты. Он явно встревожен. Вероятно, услышал мой крик-рык, раз вышел из клуба.

Великолепно!

- Я в порядке, - шиплю в ответ. - Иди обратно. Я сейчас поеду.

- Забыл отдать тебе твою копию освобождения от ответственности, - объясняет Кэш и протягивает мне сложенный листок бумаги.

Я выхватываю бумажку у него из руки и запихиваю в сумочку.

- Спасибо. Спокойной ночи, - говорю пренебрежительным тоном и возвращаюсь к охоте за ключами.

Кэш берет меня за плечи и разворачивает к себе:

- В чем дело?

Я огрызаюсь:

- Убери от меня руки, - требую и выворачиваюсь. Кэш выглядит пораженным, и я впадаю в еще большее бешенство. - Не смей меня трогать. Я не Тарин.

- Что? - Кэш сбит с толку, без шуток. Потом он выкатывает глаза. И я заливаюсь краской.

- Это ты о том поцелуе?

Я сжимаю руки в кулаки. Это все, что я могу сделать, чтобы не броситься на него.

- Нет, речь не о поцелуе. А о поцелуях, боди-шотах, ночных звонках в твой офис «давай потрахаемся» и целого набора других вещей, которых не должно здесь происходить!

Я начинаю повышать голос и сама это осознаю. Кроме того, я сделала шаг вперед и оказалась прямо у груди Кэша, в которую ввинтился мой указательный палец. Я гляжу на него, будто сама не понимаю, как попал сюда этот палец, что по большей части правда.

Потом смотрю на Кэша, но он тоже уперся взглядом в мой палец. Медленно, продуманным движением он обхватывает мою руку своими длинными пальцами и опускает ее вниз, резко тянет к себе, заставляя меня буквально упасть на него.

- Так вот из-за чего весь сыр-бор? Ты думаешь, что я сплю с Тарин?

- Не сомневаюсь! Уверена, это не секрет!

- Зачем ты так говоришь?

Кэш так спокоен. Ему вроде даже любопытно. А меня это приводит в замешательство.

- Ну, прежде всего, она эффектная...

- Ты эффектная, - тихо произносит Кэш.

В животе все переворачивается, но я продолжаю:

- И она открыто флиртует с тобой.

- Я бы хотел, чтобы со мной открыто флиртowała ты. - Кэш бросает быстрый взгляд на мои губы, и они начинают трепетать, будто от прикосновения.

- Перестань. Не изображай, будто ничего не происходит.

- Я не изображаю. У нас с Тарин был роман, но это случилось до того, как она стала работать здесь. У меня всего несколько правил, и одно из них - никогда не вступать в близкие отношения с наемными работниками. А сейчас она на меня работает. Вот так. И ничего другого.

- Но ты целовал ее. Я видела.

- Нет, ты видела, как она целовала меня. Даже если бы ты увидела обратное, это не повод устраивать сцену посреди клуба.

- Но с виду не казалось, что тебе это отвратительно.

- Но это так. Я все время думал о том, что на самом деле хочу целовать только тебя. - Кэш начинает наклонять голову ко мне.

В ушах у меня гудит кровь.

- Но ты не вступаешь в близкие отношения с персоналом, - тихо напоминаю я.

- Для тебя я делаю исключение. - Лицо Кэша приближается и приближается. Медленно. Сантиметр за сантиметром.

- Но это твое правило.

- Я нарушу его ради тебя, - шепчет он.

- Нет, не делай этого, - задыхаясь, говорю я.

- Хорошо, тогда ты уволена, - произносит Кэш в момент, когда наши губы соприкасаются.

Губы Кэша теплые и давят на мои несильно. Сперва. Я хочу устоять, но моя решимость летит в тартарары, как только Кэш проводит языком по моим губам. Не раздумывая, я приоткрываю их.

Всего только и надо было.

Кэш на вкус, как старое виски высшего качества, - изысканный букет. Язык скользит по моему, поглаживает его, щекочет, а рукой Кэш поддерживает мою голову и притягивает меня к себе. Что мне остается? Только одно - растаять.

Пальцами свободной руки Кэш пробирается в мои волосы и склоняет набок мою голову, погружаясь в поцелуй. Он становится более агрессивным, как будто хочет проглотить меня. И я этого хочу. Боже, я этого хочу.

Кэш отпускает мою руку, и я чувствую его ладонь у себя на спине, внизу спины. Он расставляет пальцы и прижимает меня к себе.

Он крепкий. И огромный. Я ощущаю его животом. Меня пронизывает тепло, разливается между ног. Это продолжалось долго, и инстинкт подсказывает мне: секс с Кэшем станет потрясением - земля вздрогнет, из души вырвется крик, и тело устанет от качки.

Об этом времени я, вероятно, пожалею, когда прирасту к нему душой, а ему станет скучно.

Что же я делаю? Реальность дает мне пощечину. Мои руки - в волосах у Кэша, тело прилепилось к нему, вожделея с головы до кончиков пальцев ног. И все же я отстраняюсь.

- Что случилось? - спрашивает Кэш. Глаза его темны от страсти и припорошены смущением.

- Мы не можем этого сделать.

- Я пошутил насчет увольнения.

- Я не о том.

- А о чем?

Кэш отступает, чтобы освободить мне пространство, но хватает меня за руки, на всякий случай, вдруг я решу сбежать. Не знаю почему, но я позволяю ему держать мои руки. Скорее всего, мне самой не хочется, чтобы он меня отпускал. Знаю только одно: так надо.

- Кэш, всю жизнь я выбирала не тех парней. Плохой парень, шальной ребенок, бунтарь без причины. Ты ведь, могу поспорить, даже школу не закончил. - Кэш не поправляет меня и не отрицает моего предположения. - Видишь? Вот к таким меня всегда и тянет. Ты типичный парень, к каким меня тянет. Я даже не стану притворяться, что это не так. Но ты для меня - это самое худшее на свете. Мне слишком много раз разбивали сердце, с меня довольно. Мне надоело пытаться приручать таких, как ты.

Он смотрит на меня пристально и медленно кивает:

- Я это понимаю. Правда понимаю. Но ты хочешь меня, а я хочу тебя. Почему бы нам просто не

получить желаемое?

У меня слегка отпадает челюсть.

- Ты шутишь?

- Нет.

- Ты серьезно просишь, чтобы я занялась с тобой бессмысленным сексом?

- О, он будет не бессмысленным, - ухмыляясь, заявляет Кэш. - Он будет таким, как ты захочешь, с осознанием того, что в конце мы разойдемся каждый в свою сторону.

- В том-то и проблема. Кто решает, что наступил конец? Ты?

- Нет. Это может быть твое решение. Или мы решим это вместе. Открыто. Можем остановиться, когда ты посчитаешь, что готова. Или до того, как это превратится в нечто совсем для тебя нежелательное.

Знаю, мне нужно обидеться, а не любопытствовать.

- Но это просто... просто...

- Как большинство связей без лжи и неоправданных ожиданий. Вот и все. Это практично и разумно.

- Практичные, разумные сексуальные отношения? - Знаю, в моем взгляде - сомнение.

- Да, но в то же время огненные, страстные, доставляющие наслаждение, - говорит Кэш, голос его понижается, он произносит слова медленно. - Я обещаю, ты не пожалеешь. Обещаю, ты получишь такие ощущения и такое удовольствие, о каких никогда прежде даже не думала. Я сделаю так, что каждая наша ночь станет лучшей в твоей жизни, пока ты не скажешь, что все кончено. И тогда я уйду. Никаких тяжелых чувств. Только сладкие, светлые воспоминания, - мурлычет Кэш и потирает мои бедра нашими соединенными ладонями.

Знаю, мне бы лучше треснуть его, или расхохотаться прямо в лицо, или по меньшей мере притвориться страшно обиженной, какой я и должна быть. А я не обижаюсь. Вместо этого я обдумываю его слова.

Кэш достаточно умен, чтобы понимать, когда надо отступить и дать делу идти своим чередом. Так он и поступает.

- Мы продолжим разговор в выходные. А ты тем временем, - шепчет Кэш и склоняется к моему уху, - подумай, что почувствуешь, когда я заберусь внутрь тебя языком. - Он кусает меня за мочку, и я ощущаю отзыв на это в глубине пупка. Закусываю губу, чтобы не застонать. - Я же поразмыслю о том, какова ты на вкус.

После чего, черт бы его побрал, он разворачивается и уходит, оставляя меня стоять в луже у капота моей машины.

18

Нэш

Я нарочно держался подальше от Мариссы, чтобы не столкнуться с Оливией. Марисса не только может разрушить все мои планы на большом пути – ее не стоит грузить моими проблемами. Она этого не заслужила. Кажется, ее не слишком взволновал рассказ об отце, но это только вершина айсберга. Ну, может, и не вершина, но все равно – лишь малая часть проблем в моей жизни.

Однако Марисса, как обычно, начала дуться и качать права, поэтому я здесь, приглаживаю взъерошенные перья за кофе. Смотрю на часы. Надеюсь, с Оливией встретиться мне не придется. Припоминаю: Марисса говорила, что у нее занятия утром по понедельникам и средам. Мне нужно уйти, пока Оливия не встала. Увижу ее – и будет трудно удержаться. Мужчина должен понять свои пределы, прежде чем сдастся, невзирая на последствия.

- Если бы это не было важно, уверена, он не просил бы меня прийти, – говорит Марисса. Наверняка это нечто такое, к чему я должен прислушаться, а не пропускать мимо ушей, думая о ее кухне.

- Прости, куда прийти?

Марисса выпячивает губу:

- Что с тобой? Я звала тебя, чтобы провести с тобой немного времени до ухода, а не говорить в пустоту, пока ты пялишься в свой кофе.

Я вздыхаю:

- Прости, малышка. Я просто все думаю о деле, которое поручил мне Карл. – Ставлю кружку на стол и беру Мариссу за руки. За ее ледяные руки.

Черт, это мне подходит.

- Расскажи снова. Я весь твой, – заявляю с улыбкой.

- Папочка отправляет меня с двумя старыми сотрудниками на Гранд-Кайман, чтобы проверить бухгалтерские документы. Я надеюсь, это означает, что он возьмет меня участвовать во всем проекте.

Мне понятен ее восторг. Завидую такой возможности. Она на три года старше меня, уже получила диплом и практикует как юрист, а мне еще стажироваться несколько месяцев.

- Это здорово! Я так горжусь тобой. Буду скучать, конечно, но когда ты уезжаешь?

- Завтра. – Марисса продолжает дуться.

- И как долго тебя не будет?

- По крайней мере две недели. Может быть, и дольше.

- Что ж, у нас появится повод для торжества, когда ты вернешься, потому что я буду скучать по тебе, а у тебя будут хорошие новости. Я в этом уверен.

Я тяну Мариссу к себе, и она плюхается мне на колени. Обвивает тонкими руками мою шею и целует меня. Я знаю, что надо делать: поднять ее на руки, отнести в спальню и поиметь быстрый утренний секс, но я этого не делаю. Я не настолько бессердечен и бесчувствен. Марисса у меня на коленях, извивается всем телом и целует меня, а я думаю о ярко-зеленых

глазах, черных как смоль волосах и аппетитном маленьком теле той, что спит где-то в соседней комнате. А это паршиво.

Марисса отклоняется назад и, сдвинув брови, смотрит на меня:

- Ты выглядишь рассеянным.

- Все хорошо. Правда. Просто мне нужно идти. Я должен был выполнить кое-какую бумажную работу еще час назад.

Она улыбается:

- Значит, ради утра со мной послал к черту работу?

- Да. Именно так.

В глазах Мариссы появляется знакомое выражение, она прижимается ко мне верхней частью тела, трется о меня. По обязанности я беру в ладони ее маленькие груди и глажу твердые соски большими пальцами. Марисса чуть-чуть прикрывает веки; я знаю, к чему это ведет.

И тут кто-то откашливается. Мы с Мариссой одновременно поднимаем глаза и видим Оливию. Она стоит в дверном проеме, заспанная, но испуганная.

- Что? - рявкает Марисса. - Бери свой кофе и уходи. Мы немного заняты.

Потом снова поворачивается ко мне, чтобы вернуться к начатому, но я ее останавливаю:

- Мне правда нужно идти.

Не давая ей возможности возразить, я снимаю ее с коленей и встаю. Краем глаза вижу Оливию, она смотрит на меня. Я всеми силами избегаю визуального контакта. Хотя чувствую, как она бросает кинжалы мне прямо в сердце. И в пенис. Уверен, она готова изрыгнуть яд и ненависть и залить ими всю кухню. Чего она не знает, так это того, что я ненавижу себя в десять раз больше, чем она, за все, что сделал.

- Но подожди. Я хотела спросить тебя, заберешь ли ты мою машину из автосервиса в понедельник. Я оставлю для тебя ключи.

- Заберу, - торопливо отвечаю я, хватаю Мариссу за руку и как на буксире волоку из кухни.

Если Оливия хотела, чтобы я почувствовал себя виноватым, ее миссия выполнена!

- Позвоню тебе позже, - говорю я и чмокаю Мариссу в губы. - Может быть, поужинаем сегодня? - Одновременно думаю, что сказал бы любые слова, лишь бы поскорее убраться отсюда.

- Не могу! Я собираюсь провести вечер с мамой, а рано утром с папочкой поеду в аэропорт. Постой. Я дам тебе ключи. А насчет лимузина позвоню позже.

Марисса убегает, а я стою у дверей и жду, надеясь, что Оливия осталась на месте. Но она, конечно, не осталась.

Вижу, как она выходит из кухни и останавливается в дверях. Хоть я и рассудил, что лучше этого не делать, все равно поворачиваюсь и смотрю на нее. В глазах Оливии - смущение,

разочарование и стыд, да, но, кроме этого – искорка связи между нами. Нельзя отрицать, что нас влечет друг к другу. Очень-очень сильно.

Слышу голос Мариссы. Она говорит с кем-то по телефону, и я иду к Оливии.

На самом деле я не знаю, что сказать, поэтому просто останавливаюсь рядом и смотрю на нее сверху вниз. Она и правда так хороша, что дух захватывает, даже рано утром.

Не успевая осознать, что делаю, я глажу Оливию кончиками пальцев по щеке. Она моргает и закрывает глаза, отчего хочется поцеловать их.

- Мне очень жаль, – слышу голос Мариссы; она шагает по коридору.

Я отступаю и иду к двери, останавливаюсь там, где меня оставила Марисса. Бросаю взгляд на Оливию. На ее лице смесь эмоций, в которых мне нелегко разобраться. Если, конечно, это не то же самое, что чувствую я.

19

Оливия

Может, это ПМС. Или стресс от таких быстрых перемен. Сама ничего не понимаю, но чувство такое, будто моя жизнь внезапно стала как сошедший с рельсов поезд.

И все разрушения связаны с двумя парнями. Оба они, по совершенно разным причинам, рвут меня на части изнутри. Обоих я хочу. И ни одного не могу получить. Ни об одном не могу перестать думать.

Я хочу Кэша – страшно – на чисто физическом уровне, хотя он милый и с шармом, что еще увеличивает уровень опасности. Но Нэша я хочу так же сильно, правда совсем по-другому. Конечно, физический компонент тут тоже присутствует. Нэш меня заводит. Но просто он парень такого типа, как я хочу, такой нужен мне в жизни.

Не думаю, что запомнила хоть слово из трех сегодняшних лекций. Рада как никогда, что бо́льшая часть материала – всякая ерунда: статистика, социология и механика тела, что-то вроде урока физкультуры, только в колледже.

Вернулась домой совершенно выпотрошенная. Больше эмоционально, чем физически, но в конечном итоге ощущения одинаковые. Дома тихо. Я знаю, что он в моем распоряжении на целых две недели (эти сведения я собрала по крупницам, Марисса разве сама скажет), и решаю лечь на диван, чтобы немного вздремнуть.

Просьпаюсь в половине пятого, чувствую себя не лучше прежнего. Только в голове пусто и в целом ощущения противные, поэтому я достаю телефон и звоню Шоуни. Голосовая почта отвечает мне, что Шоуни с мамой собирают цветы для свадьбы.

Единственная моя близкая подруга, кроме Шоуни, – это Джинджер, барменша, с которой мы год работали у Тэда. К счастью, она дома.

После нескольких минут разговора Джинджер переходит в наступление – в своем стиле.

- Ладно, рассказывай. Что-то случилось?

- Нет, ничего не случилось.

- Лгунья из тебя никакая, терпеть не могу, когда ты пытаешься соврать.

Я смеюсь:

- Нет, можешь.

Джинджер делает паузу.

- Ладно, могу. Но для тебя единственный способ ко мне подлизаться – это сказать, какого черта ты там нашла на свою задницу.

Джинджер умеет найти крепкое слово.

Я вздыхаю:

- Наверное, просто скучаю по дому, друзьям и... Я не знаю. Жизнь просто... такая сложная.

- Угу. Похоже на проблемы с хренами.

- О мой бог, Джинджер! Это не проблемы с хренами. Ты думаешь, все связано с сексом?

- А разве нет?

Я смеюсь:

- Нет.

- Значит, это никак не связано с парнем?

Я молчу.

- Ага! Я знала! Пенисные проблемы.

- Ну, кажется, причина некоторых моих проблем в том, что пенис как раз имеется. На самом деле даже два.

- О святая Мария! Ты встречаешься с парнем, у которого два члена?

- Джинджер, нет! Это два разных парня.

- А-а, – говорит она, явно разочарованная. – Черт. А как могло быть клево.

- Чего клевого?

- Не знаю. По одному для каждой дырки?

- Ты больная, знаешь это?

- Да, и очень сильно.

Я снова хохочу:

- По крайней мере, не боишься это признать.

- Девочка, у меня этого не отнимешь! И я слишком стара, чтобы притворяться не такой как

есть. Требуется слишком больших усилий. Прямо как гребаный оргазм. Если не собираешься выигрывать, лучше вообще не высывайся. У меня осталось ограниченное число лет для оргазма. И я планирую выжать из них до последней капли все удовольствие, какое смогу. Именно выжать.

Я округляю глаза и мотаю головой. Ох, Джинджер...

После еще нескольких минут этих диких разглагольствований, от которых у меня то челюсть отпадает, то глаза на лоб лезут, Джинджер обещает заглянуть ко мне вечером и отвести куда-нибудь выпить. От этих слов я оживаю. Мы договариваемся встретиться в пабе, который хорошо знает Джинджер, где-то в центре, и, когда вешаем трубки, на душе у меня уже легче.

Я допиваю второй бокал, когда начинает звонить мой мобильник. Сердце падает: на экране номер Джинджер.

- Ты где? - спрашиваю я без предисловий.

- Я не смогу сегодня, дорогая. Тебе нужна помощь. Норма позвонила, что заболела, и нужно помочь. Я только что развернулась и еду домой. Мне так жаль, Лив. Я как-нибудь подлизусь к тебе. Обещаю.

Скрипя зубами, отвечаю:

- Ничего страшного, Джинджер. Встретимся в другой раз.

- А ты тем временем не запускай эти проблемы с пенисами. Каждому курятнику нужен петух, но только особые курицы могут управиться больше чем с одним. Испытай их, потом выбери одного и держись за него. Ты еще недостаточно стара, чтобы играть двумя игрушками одновременно. Это территория пантер.

- Постараюсь запомнить твой совет, - насмешливо говорю я.

- А которого отправишь в отставку, посылай ко мне. Он быстренько о тебе забудет. По крайней мере на пару часов. - Джинджер хохочет замогильным смехом курильщицы. - Скоро поговорим, милашка. Чмоки. - И она отключается.

Я нажимаю «отбой» и оглядываю бар. Мне не хочется сидеть здесь одной, так же как не хочется возвращаться в пустой дом и думать о своих проблемах. С подавленным вздохом я сую несколько долларов под пустой стакан, соскальзываю с барного стула и иду к выходу, роюсь в кармане в поисках ключей.

«Испытай их, потом выбери одного и держись за него», - звучат в голове слова Джинджер. Это смешно! И совершенно неприлично. Но в то же время...

Неважно, как сильно я хочу, чтобы это сработало. С Нэшем все ясно и без экспериментов. Он встречается с Мариссой. Я ведь видела их сегодня утром. Даже сейчас мне тошно думать об этом.

Но потом я вспоминаю, как Нэш гладил меня по лицу, и задаюсь вопросом: неужели я засела у него в голове так же, как он у меня?

Тогда остается Кэш. По крайней мере, отношения с ним будут не такими запутанными, не такими многозначными. В будущем, конечно, они сулят меньше, но я хоть буду понимать, что к

чему.

Безумные мысли проносятся в голове, пока я сажусь в машину и запускаю двигатель. Или, скорее, пытаюсь запустить.

Ну что на этот раз?

Ударяю ладонью по рулю, огоньки на приборной панели слабо мигают.

- Нет, нет, нет!

Включаю лампочку в салоне - бледный конус едва освещает заднее сиденье. С этими симптомами машинной болезни я, кажется, хорошо знакома.

Аккумулятор.

- Ну ты и ржавая железяка! - ругаюсь я в тишине и случайно задеваю гудок. Раздается звук, похожий на крик раненой утки. - Ты что, еще огрызаешься? Тебе давно пора на свалку - машинные небеса.

Да, от этого мне становится немного лучше, частично избавляюсь от раздражения, несмотря на то что сижу одна возле бара и ору на неодушевленный предмет. Совсем неживой в настоящий момент.

Что теперь?

Надо, чтобы кто-нибудь толкнул меня. Ненавижу вызывать эвакуатор по таким мелочам. Это мне обойдется в целое состояние. И запас друзей у меня здесь пугающе скудный.

Вот что случается, когда проводишь два года под парнем, а третий - как дама без кавалера.

Я закрываю глаза и пытаюсь собраться с духом. Как обычно, перед мысленным взором всплывают два лица - два одинаковых лица.

У Нэша наверняка есть дела. По словам Мариссы, он сейчас очень занят. Противно разыгрывать из себя «девицу в беде» и отрывать его от дел, и неважно, как сильно мне нравится мысль о том, чтобы он явился спасать меня.

Потом я думаю о Кэше. У него собственный бизнес, и он почти каждый вечер часами пропадает где-то. Плюс он всего в нескольких кварталах отсюда. Логичнее выбрать его. Но от воспоминаний о нашем вчерашнем разговоре в животе возникает нервный спазм: чего Кэш может попросить у меня в качестве платы?

Хотя не могу делать вид, что перспективы оплаты меня не возбуждают.

«Испытай их».

Выпихивая из головы голос Джинджер, достаю мобильник и выбираю номер Кэша из списка контактов. Он отвечает после второго гудка.

- Кэш, это Оливия.

- В чем дело? - резко спрашивает он.

Отрывистый тон удивляет меня. Не знаю, чего я ожидала, только не этого. Может, я рассчитывала, что он заболтает меня своим сексуальным голосом и уговорит спать с ним. Грустно, но я немного разочарована, что этого не произошло.

- Я тебя беспокою? Потому что я могу совершенно...

- Ты меня не беспокоишь. В чем дело? - повторяет Кэш.

- Ну, мне неприятно звонить тебе по такому делу, но у меня в машине сел аккумулятор, и я вроде как застряла. И вот подумала, не мог бы ты приехать и толкнуть меня. Я всего в нескольких кварталах.

Следует пауза. По ощущениям - долгая, особенно если учесть, что я и без того вся как на иголках. Мелькает мысль: а не повесить ли трубку? Это будет совсем по-ребячески? Да, после такого позора придется мне уйти из «Дуала», бросить колледж и вернуться домой, оставив все унижения большого города, испытанные за последнее время, позади. Как бы радикально это ни звучало, иногда такой выход кажется невероятно привлекательным.

Но я не вешаю трубку. Я жду. А лицо у меня горит от унижения.

- Скажи мне, где ты.

Я называю адрес.

- Ты подождешь пятнадцать минут? Мне тут надо кое-что сделать, прежде чем я смогу уйти, но потом сразу приеду.

- Хорошо. Не торопись.

- Ты можешь пойти обратно в бар и выпить, пока ждешь? Мне не нравится, что ты сидишь одна в машине и ждешь. Ты ведь одна?

- Да, я одна. Но все будет хорошо. Я только...

- Оливия, мне это правда не нравится. Ты можешь пойти в бар? Считаю, что сделаешь мне одолжение.

Ну раз он так считает...

- Ладненько. Иду обратно. Позвони мне, когда приедешь.

- Увидимся скоро, - говорит Кэш и вешает трубку.

Засунув телефон в сумочку, опускаю козырек от солнца и проверяю, в порядке ли макияж. Знаю, что мне не нужно об этом беспокоиться, но все равно радуюсь, что принарядилась для встречи с Джинджер. Добавив на губы немного розовой помады, я встряхиваю рукой прямые волосы и поправляю красную блузку с широким, открывающим плечи вырезом.

В баре заказываю пиво. Стоит недорого, поэтому будет не жалко оставить недопитое, когда появится Кэш, к тому же потягивание пива снимет нервное напряжение, меньше буду трястись.

Прошло двадцать минут, и я проверила телефон шестой раз. Я уже начинаю сомневаться, собирается ли сегодня кто-нибудь выручать меня, когда дверь резко открывается, я поднимаю

взгляд и вижу направляющегося ко мне широким шагом Кэша.

Мы встречаемся глазами, Кэш самодовольно ухмыляется одной стороной рта. У меня пересыхает горло. Зачем длинные ноги Кэша поглощают расстояние между нами так быстро? Не хочу. Я могла бы просто смотреть на него, наблюдать за ним целый день. Его тело сложено совершенно, и он выглядит так аппетитно в своей «рабочей одежде» – облегающих черных джинсах, черной футболке в обтяжку и черных же ботинках. Одежда подчеркивает широкие плечи, узкую талию и медовый цвет кожи. А глаза! Проклятые черные глаза. На его прекрасном лице они похожи на два озера с искрящейся черной поверхностью.

К тому моменту, как Кэш оказывается рядом, я уже подумываю, не пора ли сменить трусики.

Начинаю слезать со стула, но Кэш меня останавливает.

- Допей пиво, – говорит он и кивает бармену. – Джек, чистое.

Бармен ставит перед Кэшем стакан с виски, Кэш отхлебывает и поворачивается ко мне, устраиваясь на стуле поудобнее и как будто надолго:

- Итак, почему же ты здесь и пьешь в одиночестве?

Я нервно скребу ногтем большого пальца этикетку на пивной бутылке.

- Я должна была пересечься кое с кем, но встречу пришлось отменить. После того как я уже пришла сюда, разумеется, – объясняю с горечью в голосе.

- Хочешь, чтобы я ему навешал? – спрашивает Кэш и ухмыляется, глядя на меня поверх бокала.

- Нет, будет немного стыдно, когда она навешает тебе.

- А-а-ах, так это твоя подружка-лесбиянка?

Глаза Кэша сверкают. Он дразнит меня. И безмерно, не таясь, наслаждается собой. Это похоже на то, чего я ожидала, когда звонила. Ну, по правде говоря, не в такой степени. Его игривость неожиданна и очень... обезоруживает.

Не позволяй ему очаровывать себя.

Но потом я снова вспоминаю слова Джинджер. И становлюсь немного смелее.

- Нет, девочки – не моя страсть. Мне гораздо больше нравятся... мужчины.

Сама удивляюсь, как это у меня в голове уживаются жеманница и женщина-вамп.

Слишком поздно.

- Вчера вечером мне показалось, что, вероятно, так и есть.

Кэш приподнимает свою пресловутую бровь и улыбается так многозначительно.

Е-мое! Он так офигительно сексуален.

- И что это должно означать?

- Это, типа, трудно описать, - говорит Кэш, склоняясь ко мне и понижая голос. - Но я с удовольствием объясню тебе, если хочешь.

В его глазах вызов. Но я не знаю, готова ли к тому, что он предлагает. Смогу ли пойти на это так, чтобы не участвовать сердцем?

Я откашливаюсь и опять смотрю на бутылку с пивом - беру паузу из простого чувства самосохранения.

Такой сообразительный парень, как Кэш, без труда улавливает перемену в моем настроении.

- Тогда, - говорит он беспечно, - расскажи мне все об Оливии.

Я пожимаю плечами:

- Да рассказывать особо нечего. Родом я из Солт-Спрингса. Росла на овечьей ферме отца, учусь на последнем курсе в колледже.

- Вау, вся жизнь уместилась в двух предложениях. Даже не знаю, впечатлило это меня или разочаровало. А как же приятели и вечеринки? Или...

Я улыбаюсь:

- Да, было понемногу и того и другого. Я особо не куролесила в детстве, но и совсем замкнутой меня не назовешь. Так, что-то среднее, полагаю.

- В тебе нет ничего среднего, - тихо говорит Кэш.

Лечу взглядом к его глазам. Он не улыбается и, кажется, не поддразнивает. Результат - щеки вспыхивают как по свистку.

- Спасибо тебе.

Мы неотрывно смотрим друг на друга несколько секунд, пока воздух между нами не начинает потрескивать от электрического напряжения. Я отвожу взгляд.

- Какая у тебя специализация?

- Бухгалтерский учет.

- Бухгалтерия? Бухгалтерия - это для старых дев с кичками и полными шкапами ортопедической обуви. Почему ты выбрала это?

Смешную картинку он нарисовал.

- Я хорошо считаю. Кроме того, с дипломом бухгалтера я буду помогать отцу вести бизнес. Это разумный выбор.

- Значит, ты делаешь это ради отца?

- Отчасти.

Кэш медленно кивает. По выражению лица видно: он мне не верит, но об этом ничего не говорит. Просто меняет тему:

- А кто твоя мать?

- Она ушла. Давным-давно.

Кэш смотрит на меня, прищурившись, но снова не дает никаких комментариев. Понятливый парень, весьма.

- А этот твой приятель, плохой парень?

- Плохой парень?

- Да. Тип, каких ты теперь избегаешь.

- О, верно. - Я смеюсь. Ну и смешок. Какой-то отрывистый, горький лай. А потом говорю вопросительно: - Ну-у, он попал в дроводробилку? - Надеюсь, Кэш поймет намек: на эту тему я тоже не хочу говорить.

Он задерживает руку со стаканом на полпути ко рту и молчит, будто размышляет: я серьезно или как? А потом ухмыляется и делает глоток:

- Вот бедолага. А тот, что был до него?

- Его съела акула?

- А предыдущий?

- Похищен бродячим цирком?

Кэш хохочет:

- Твоя жизнь - поучительная история.

- В назидание будущим поклонникам.

- Я хочу испробовать свой шанс, - говорит Кэш и подмигивает.

В ответ на это у меня в животе все трепещет и сердце радостно подпрыгивает, а это само по себе сигнал опасности - огромный красный флаг.

Смени тему! Тему смени!

- А как насчет твоей семьи?

Вопрос заметно охлаждает Кэша, игривость гаснет.

- Долгая страшная история, слишком страшная для твоих нежных ушей.

- Вот, значит, как? Ты можешь задавать любые вопросы, а я нет?

Я шучу только наполовину. Мне и правда иногда не хочется, чтобы он отвечал, тем более что я сама с ним не откровенничаю. И все же.

- Мое сомнительное происхождение и подозрительные связи могут испугать тебя до дрожи в ботинках, - отшучивается Кэш; на лице - слабое подобие улыбки.

Разворачиваюсь на стуле и смотрю на свои ноги:

- Я не ношу ботинки.

- Вижу. - Кэш опускает руку и гладит меня ладонью по икре. - И колготки тоже не носишь.

В горле у меня стоит комок и не дает дышать. По ногам ползут мурашки и забираются прямо в трусы.

Кэш смотрит на меня, его глаза горят. Я знаю, чего он хочет. И понимаю, что ему ясно: я хочу того же. Это видно по его глазам. У меня нет причин даже пытаться отрицать очевидное. Но что с этим делать?

Не находя выхода, я разворачиваюсь к барной стойке - прячу ноги подальше от рук Кэша. Он улыбается. Понимающе. Но не оставляет надежд.

Пока что.

Кэш допивает виски одним длинным глотком и поворачивается ко мне. Я отставляю пиво.

- Ты готова?

Объяснил бы суть вопроса!

Я киваю. Не знаю точно, на что согласилась, но каждый нерв в моем теле оживился от предвкушения.

- Пошли, - говорит Кэш, кивая и слабо улыбаясь. - Будем тебя спасать.

Удержаться не могу - улыбаюсь.

20

Кэш

Мы выходим из бара. Руки так и тянутся к Оливии. Не могу сдержаться. Ну, не так чтобы совсем. Она идет впереди, и я кладу ладонь ей на спину, пониже талии. Чувствую, как она вся сжалась от моего прикосновения. Не вздрогнула, а именно сжалась. Как будто я ударил ее слабым разрядом электрического тока. Как будто она чувствует то же, что и я. Могу поспорить на все свои деньги, что так и есть.

Это сексуальное осознание. Это влечение. Это предвкушение. Она сделала выбор. Ей не нужно ничего мне говорить или даже признаваться самой себе, но она приняла решение, несмотря ни на что. Я это чувствую.

Провожая Оливию до машины. Мой мотоцикл припаркован чуть впереди, у тротуара. Когда мы подходим ближе, Оливия останавливается.

- Ты на этом приехал? - спрашивает она и смотрит на меня большими глазами.

- Да, - говорю, а потом добавляю с довольной улыбкой: - Но ты ведь не удивлена? Езжу на мотоцикле и разбиваю сердца?

Улыбка Оливии едва заметна.

- Полагаю, так и есть.

Она отворачивается и идет открывать машину, чтобы поднять капот.

Не нужно было мне это говорить.

Отцепляю от сиденья байка гибкие кабели, которые привез с собой, и присоединяю их от своего аккумулятора к ее.

- Этого хватит, чтобы машина завелась?

- Должно хватить. Иди попробуй.

Смотрю, как Оливия садится за руль и поворачивает ключ. Мотор не заводится, слышен только тикающий звук.

Оливия трясет головой и вылезает наружу:

- Не помогает.

- Ты думаешь? - шучу я.

Она склоняет голову набок и смотрит на меня неодобрительно.

Черт, она восхитительна.

- Судя по звуку, проблема с генератором, а не с батареей.

Оливия хлопает ладонью по дверце машины.

- О мой бог! Это дорого? - бормочет она.

- Это недешево. Но я знаю одного парня... - говорю голосом гангстера.

Оливия поднимает глаза и ухмыляется:

- Подозрительные связи? Можешь достать мне бетонные сапоги, пока все на мази?

- Вероятно, - отвечаю с невозмутимым видом.

Вижу, что Оливия немного хмурится. Не понимает, шучу я или нет.

- Хватай свои вещи. Я отвезу тебя домой. Есть у меня один приятель, он приедет и заберет твою машину, а завтра мы что-нибудь придумаем. - Оливия в нерешительности барабанит пальцами по дверце. - Ничего не случится, если она тут постоит какое-то время. Не думаю, что кто-нибудь станет наживать себе проблемы.

Оливия фыркает, а потом смущается своей реакцией.

- В некотором смысле мне полегчало.

- Эй, я знаю этого парня... - говорю я.

Оливия смеется в открытую. И мне нравится звук. Думаю, как буду щекотать ее. В постели. Когда она голая. Лежит поверх меня.

Без дальнейших возражений Оливия запирает машину и подходит к мотоциклу. Она поеживается:

- И что теперь?

- Ты никогда не ездила на мотоциклах?

- Не-а.

- Какая же ты после этого подружка плохого парня? - спрашиваю я с деланой тревогой.

- Очевидно, никуда не годная.

Я запрыгиваю на мотоцикл и беру шлем, он у меня один.

- Нет, просто ты не встречала правильного плохого парня.

Щеки Оливии вспыхивают. Мне хочется ее поцеловать. Опять. И я это сделаю. Только не прямо сейчас.

- Надень это и садись позади меня, - говорю я и протягиваю Оливии шлем. Она послушно надевает его, задирает ногу и садится. Я вижу ее длинные голые ноги, сжимающие мои бедра, оборачиваюсь и смотрю на нее. Защитное стекло шлема поднято, глаза сияют, она елозит на сиденье, устраиваясь поудобнее. - Обхвати меня руками за талию и держись крепко.

Оливия смотрит на меня во все глаза, прижимается ко мне и пропускает руки к животу. Чувствую спиной ее мягкие груди, и у меня в джинсах все вздрагивает.

Отворачиваюсь и заводжу двигатель. Несколько секунд он работает вхолостую, пока я возвращаю себе самообладание. Трудно выбросить из головы картинку: Оливия сидит за мной, да еще эти шорты и сжимающие меня ноги. Я устрою ей небывалую поездку домой.

Я повышаю обороты двигателя, отчего он рычит; потом убираю подножку, мы срываемся с места и пулей летим по улице.

Люблю свой мотоцикл - сплошной адреналин. Всегда любил. Стараюсь как могу не замечать Оливии за спиной, но, думаю, только неделя, проведенная с ней в запертой спальне, может пойти мне на пользу. И что это была бы за неделя.

Поездка до дома Оливии продолжалась недолго. Это своего рода сладкая мука. С одной стороны, мне хотелось бы, чтобы мы ехали дольше. Но с другой - я радуюсь, что это не так. Чем дольше она сидит, обвившись вокруг меня и прижавшись ко мне всем телом, тем труднее себя контролировать. Особенно теперь, когда я знаю, что она меня хочет.

И она уже почти готова уступить.

Когда я торможу у тротуара, Оливия слезает с мотоцикла не сразу. Она останавливается рядом со мной и протягивает шлем, который уже успела снять. Я прижимаю его рукой к бедру и жду, что она скажет. Похоже, у нее на языке что-то вертится.

- Откуда ты узнал, где я живу?

Кажется, ее это не то чтобы беспокоит, скорее, возбуждает любопытство.

- Анкеты. Помнишь?

- А-а, - тянет она, кивая. И ждет. Думаю, я знаю чего. - Так ты хочешь зайти?

- Я лучше вернусь, но все равно спасибо за приглашение.

Оливия умело скрывает разочарование. Впрочем, не так уж.

- Ладно, тогда спасибо тебе. Я очень ценю твою помощь. И за доставку домой, конечно, тоже спасибо.

- Нет проблем.

- Тогда мы, наверное, поговорим завтра?

- Да. Буду на связи.

Она снова кивает, медленно. Ждет.

- Ну, спокойной ночи.

Мне нравится наблюдать за Оливией, примечать ее неуверенность и колебания. И упорство в отрицании того, что она чувствует, а мы оба знаем. Дразнить ее - такое удовольствие. Сладкое, жгучее, изысканное сексуальное удовольствие.

Протягиваю руку и убираю с ее лица прядь волос:

- Сладких снов, Оливия.

Торопливо надеваю шлем, чтобы спрятать от нее улыбку. Пусть готовится вымалывать у меня близость.

21

Оливия

Поскорее уйду от Кэша, чтобы не предложить ему себя. Вот была бы глупость.

Что, черт возьми, с тобой творится?

Не успев сделать нескольких шагов, вспоминаю о машине.

Поворачиваюсь, чтобы привлечь внимание Кэша, пока он не умчался. Вытаскиваю ключи и передаю ему.

Вижу за мутным стеклом шлема, как Кэш хмурится.

- Они тебе не нужны, чтобы попасть в дом?

- У меня есть запасные, - объясняю.

Кэш отрывисто кивает, берет ключи и засовывает в нагрудный карман.

Я быстро улыбаюсь и торопливо уйду. Отказываюсь оглядываться, хотя знаю, что он все еще стоит у тротуара. Слышу утробное урчание работающего вхолостую мотора. Но еще сильнее

ощущаю спиной его взгляд. Хочется, чтобы это были руки Кэша. И его губы.

Закрыв глаза, нагибаюсь за вторым ключом, который лежит под цветочным горшком на маленьком крытом крыльце. И только когда поднимаюсь, чтобы вставить ключ в замок и отпереть дверь, слышу, как Кэш отъезжает от бордюра. Полагаю, он хотел удостовериться, что я войду в дом без проблем.

О боже, боже! Не окружай меня вниманием! Я этого не вынесу.

Войдя в дом, прислоняюсь спиной к двери и стою с закрытыми глазами, пока шум двигателя не смолкает вдали.

В бедрах и ягодицах покалывает от тряски на байке. В остальных частях тела покалывает от близости с Кэшем. Покалывает или побаливает. Или то и другое.

Неудовлетворенная сексуально и расстроенная, что неспособна контролировать действие гормонов, щелкаю выключателем и отталкиваю от двери. Первое, что вижу, – ваза с цветами на кофейном столике в гостиной, яркие цветные пятна в полумраке комнаты. Подхожу к воронкам лилий и окунаю в одну из них нос. Запах восхитительный, но что-то тыкается мне в уголок рта. Это записка, открывающая, от кого цветы.

Вытаскиваю маленький квадратный конверт. Неловко читать бумаги Мариссы, но что делать: пусть не оставляет их валяться у всех на виду. Или высовываться из букетов.

Вытаскивая листок из конверта, корю себя: зачем усиливать страдания. Я уверена, что цветы от Нэша, а записка – в ней какие-нибудь нежные слова о любви, от которых мне захочется прыгнуть с крыши высокого-высокого здания, но меня это не останавливает. Умираю от любопытства и читаю, несмотря ни на что.

И вот сюрприз...

Оливия, если тебе что-нибудь понадобится, позвони. Я всегда рядом. Н.

По спине пробегает холодок. Он, наверное, взял ключи Мариссы, чтобы войти в дом и оставить это для меня. Невольно задумываюсь: интересно, он оставил цветы и сразу ушел или побыл несколько минут? Походил взад-вперед? Или зашел в мою спальню?

Сомневаюсь, что Нэш способен на такое или что он втихаря следил за мной. Только это не помогает. Мысль, что Нэш мог заглянуть в мою комнату, почему-то приводит меня в восторг. А я и без того взбудоражена его опасным братцем.

Чувствуя все сильнее, что пора завести вибратор, готовлюсь ко сну. Яростные чистка зубов и оттирание лица не помогают унять это ощущение. В голове, гоняясь друг за другом, проносятся близнецы-братья, дразнят меня своими словами, глазами, прикосновениями. К моменту, когда я забираюсь под одеяло, сомнений в том, о чем будут мои сны, не остается. Или, скорее, о ком.

Просыпаюсь от щелчка закрывающейся входной двери. Так как я только что уснула, несколько секунд прихожу в себя и соображаю, наяву я или во сне.

Странно, но я не чувствую никакого страха при виде высокой расплывчатой тени,

остановившейся за дверью в мою спальню. Я узнаю его моментально. В любой обстановке я узнала бы эти очертания и плавные движения.

Это Кэш.

Или Нэш.

Я хочу что-то сказать, но слова замирают на губах, фигура медленно приближается к постели. Останавливается в ногах. Мне всегда нравился полумрак моей спальни, но не сейчас. Теперь я все бы отдала, чтобы разглядеть прищельца более отчетливо, разобраться, который это из братьев.

Он наклоняется и срывает с меня одеяло. По рукам и ногам бегут мурашки, отчасти из-за того, что температура резко изменилась, а отчасти из-за мужчины, стоящего у моих ног.

Он ничего не говорит. Я тоже. Интуитивно чувствую, что слова нарушат порочное совершенство момента. А этого мне хочется меньше всего.

Очень неторопливым движением он обхватывает длинными пальцами мои лодыжки. Медленно тянет меня к себе, к краю кровати. Я не дышу от восторга. И продолжаю молчать.

Он расцепляет пальцы, но руки не убирает. Вместо этого скользит ладонями по моим икрам к коленям и там останавливается. Вижу, как он наклоняется вперед, а потом чувствую прикосновение губ к левому бедру. Они как раскаленное докрасна железное клеймо. Язык высовывается наружу, чтобы попробовать мою кожу, меня обдает жаром дыхания.

- Я не мог остановиться, все думал, как сделаю это с тобой, - шепчет он, так тихо, что я едва слышу. - Скажи, чтобы я остановился сейчас, если ты не хочешь этого. Если не хочешь меня.

Говоря это, он гладит руками мои бедра снаружи, проскальзывает пальцами под завязки трусиков. И замирает. Может быть, ждет, чтобы я сказала: «Продолжай». Может, обдумывает заново то, что собрался сделать. Не имею понятия, ведь я не знаю, кто в моей постели. И в данный момент меня это не волнует. Я хочу обоих - и Кэша, и Нэша. Каждый из них со своим брендом неприятностей, и ни один наверняка не знает, кому я уступлю и будет ли это хорошо.

Но сегодня меня это не заботит. Я не думаю. Только хочу.

Чувствую, как его пальцы согнулись и зацепили эластичную ткань трусиков. Он снова останавливается. Я опять мысленно задаюсь вопросом, о чем же он задумался и как мне побудить его к продолжению. Ответ приходит такой: приподнять бедра от кровати. Слышу, как воздух с шипением прорывается сквозь зубы, а потом он стягивает с меня трусы. Вот, должно быть, на какой вопрос нужен был ответ.

Грудь моя вздымается от волнения, я снова ощущаю его руки, соскальзывающие по внутренней стороне бедер, раздвигающие мне ноги. Он ставит одно колено на кровать между моими коленями и склоняется, прижимается губами к животу.

- Я только и думал о том, какова ты на вкус, - тихо бормочет он, углубляясь языком в пупок, у меня все мышцы сжимаются от предвкушения. - И какова ты на ощупь. - Чувствую чашечку его ладони у себя между ног. Награда мне - чистое наслаждение, когда он запускает в меня палец и стонет. - О мой бог, ты такая влажная. - Добавляет к первому пальцу второй, двигает ими вглубь и наружу, шепчет: - И все это для меня. - А я подаюсь бедрами вперед, ему навстречу.

Его губы спускаются по моему животу, и я чувствую, как он раздвигает мне бедра плечами. Меня щекочет теплое дыхание, а потом я ощущаю первый удар языка. Спина выгибается над кроватью.

- Ммм, даже слаще, чем я предполагал, - стонет он, не убирая из меня пальцев.

Губами и языком он ласкает меня, всасывает в себя, пока я не ощущаю знакомого напряжения оргазма, нарастающего внутри. Я жмусь к нему бедрами, трусь о его рот, а его пальцы проникают в меня глубже и глубже, двигаются чаще и чаще.

Зажимаю в кулак его волосы, придавливаю к себе, и мир раскалывается на части. Свет и жар взрываются под закрытыми веками, я кричу. Он обхватывает мои бедра руками снаружи, чтобы удержать, и доводит дело до конца - засовывает в меня горячий влажный язык и лижет изнутри.

Пулс стучит у меня во всех частях тела, когда он вздымается надо мной и через голову снимает с меня топ. Тело обмякает под его руками; он берет меня за груди, гладит затвердевающие соски. Подводит один ко рту, нежно прикусывает зубами; захлестывающие меня волны наслаждения становятся выше и мощнее. Закидываю руки ему на плечи и ощущаю гладкость кожи. Рубашки на нем нет.

Провожу рукой по его волосам, а он перекладывает голову к другой груди, ласкает ее, раздраживает.

Вот он снова меняет позу, и его губы накрывают мои.

Язык проскальзывает мне в рот, лижет и играет с моим языком. Я втягиваю его в себя, сжимаю губами, нежно посасываю. С трудом включая сознание, слышу хриплый шепот:

- Чувствуешь, какая ты вкусная? - Я беру его лицо в ладони, слизываю влагу вокруг рта, с подбородка. Он громко стонет, наваливается на меня всем телом. - Правильно, детка. Тебе это нравится?

Слышу, как расстегивается молния, шуршит ткань, когда он елозит бедрами, чтобы избавиться от штанов. Я помогаю ему пятками, открывая новое ощущение - его голые бедра с внутренней стороны моих.

Он пристраивается ко мне бедрами, я чувствую его твердый конец между своими половыми губами. Он совершает мелкие движения вперед-назад и бьется о меня. - Просто чтобы ты знала, - говорит он, тяжело дыша, - я чист. Скажи мне, что ты тоже и что ты на таблетках, - молит он.

- Да, - выдыхаю я единственное слово с момента его появления.

Он балансирует надо мной, опираясь на локти. Чувствую его взгляд, он смотрит мне в лицо, хотя я знаю, что он не может видеть меня лучше, чем я его.

- Совершенство, - произносит он, и ясно, что улыбается.

А потом проскальзывает в меня.

Когда он останавливается, не проникнув внутрь даже до половины, и выходит наружу, мне хочется заскулить. Или заплакать от ощущения потери. Но у меня нет времени. Он входит в

меня снова, на этот раз глубже, давая возможность привыкнуть к его размеру, а потом снова покидает меня. Продолжая изводить меня, он проникает с каждым разом чуть глубже, доводя меня до предела, пока я уже едва не кричу.

- Скажи это, - шепчет он, дразня меня быстрыми короткими нырками кончиком члена - туда-сюда. Я протягиваю руки, захватываю кулаками его волосы и тяну к себе. Чтобы губами и языком молить его, показать все мое желание. Впиваюсь зубами в его нижнюю губу и поднимаю бедра, надеясь надвинуть его на себя полностью. Но он дергается назад, снова предлагая мне лишь часть себя, и требует: - Скажи это.

Я тяжело дышу, угроза нового оргазма сковывает мышцы, и я сжимаю его бедрами, моля всем телом. Он не сдается, не позволяет себе войти в меня больше чем на пару дюймов, а потом удаляется.

- Скажи это, - повторяет он в третий раз.

Я провожу языком дорожку от низа его шеи до уха и там выдавливаю из себя в промежутке между слабыми вздохами единственное слово, которое он хочет услышать:

- Пожалуйста.

Он наклоняет голову, накрывает ртом мой рот и углубляется в меня, я не дышу. Он отдает мне каждый дюйм своей длины и толщины, яростно пляшет во мне, заставляя вытягиваться снова и снова, подводя ближе и ближе к экстазу.

Он целует мое лицо, шею, спускается к ложбинке между грудями. Кровь приливает к напряженным соскам, когда он двигается к ним губами. Я выгибаю спину, прижимаюсь к нему грудью, моля дать мне ощутить его жаркий рот и влажный язык.

- Отдайся мне, - тихо говорит он, обхватывая губами сосок и теребя его языком. Как будто для того, чтобы придать веса своему требованию, он придавливает меня бедрами, прикусывает сосок и рычит: - Отдайся мне, детка.

Только такая мотивация мне и нужна. Обвившись вокруг него, я уступаю второму оргазму, возносясь от его трения о меня на гребень волны чистого наслаждения.

* * *

Я перестаю дышать, когда он начинает сильно колотиться о меня. Чувствую, как мое тело будто втягивает его в себя, сжимает, выдаивает. Темп движений растет вместе с частотой дыхания, пока он вдруг не замирает на миг, простонав: «Оливия!» - и изливает глубоко в меня весь свой пыл, всю страсть.

Движения замедляются, но он остается во мне, отчего содрогания моего тела, сжимающего его, становятся еще более явными. Мы не меняем позы несколько минут полнейшего совершенства.

Когда никому из нас больше нечего отдать, он распластывается на мне и мы лежим тяжело дышащей кучей перепутанных мокрых рук и ног. Перенеся вес на предплечья, он утыкается носом мне в шею и нежно целует влажными губами кожу под ухом. Он ничего не говорит, но его тяжелое теплое дыхание высушивает место поцелуя.

Сердце переполняют эмоции, голова идет кругом от вопросов, а все тело пульсирует от

пережитого. Так много о чем можно задуматься, побеспокоиться, и все это кажется таким... неважным. Внутри меня разгорается конфликт. За тысячу лет я бы никогда не подумала, что могу уснуть вот так.

Но я засыпаю.

* * *

Когда открываю глаза, солнце еще только-только встало. Горячие поцелуи и великолепный секс - первое, что всплывает в голове.

Оглядываюсь. В комнате пусто. Никаких признаков присутствия шаловливого ночного визитера. На самом деле я могла бы убедить себя, что все это мне приснилось, если бы не легкая болезненность между ног, которую я ощущаю, когда двигаюсь.

Я улыбаюсь. Это приятная болезненность, она напоминает мне о массивном инструменте, который ее вызвал.

Боже правый, ты только что назвала это инструментом?

Я хихикаю. Не могу удержаться. Я счастлива. Очень счастлива. По крайней мере, сейчас.

Должна вроде испытывать усталость, но не испытываю. Я чувствую себя помолодевшей и готовой к новому дню.

- Может быть, Джинджер права. Может, мне действительно нужен секс, - бормочу я в тишине.

Стены впитывают звук и напоминают, что весь дом в моем распоряжении. Марисса в отъезде ближайшие две недели. Одно это - причина для торжества.

Мысль о Мариссе наталкивает меня на размышления о Нэше. Что, если это он был моим ночным гостем? Я была не в состоянии различить в темноте, есть ли татуировка на прекрасной груди, нависавшей надо мной. Откуда мне знать?

На мгновение я погрузилась в воспоминания о гладкой упругой коже под моими пальцами, о рифленых мышцах длинных рук, об узких бедрах, зажатых моими ногами. Одной мысли обо всем этом достаточно, чтобы я почувствовала влагу между ног и желание.

Сбросив одеяло, направляюсь в душ. Оттирая себя, роюсь в мозгах в поисках подсказки, намека, который из братьев устроил мне такую обалденную ночь. Думаю, оба они способны вызвать у меня такие сильные чувства, и ничто из происходившего не говорит, что только один мог такое сделать или сказать. Особенно сказать, потому что слов было произнесено не много.

От этой мысли я улыбаюсь.

Много слов и не нужно.

Проникновение в дом тоже ничего не добавляет. У Кэша - мои ключи; у Нэша - Мариссы. И взаимные симпатии не ключ к разгадке. Оба ясно дали понять, что в физическом смысле мы очень друг другу подходим. Желание, вероятно, единственная область, где возможны расхождения. Кэш открыто заявил, что хочет вступить со мной в интимные отношения. А Нэш... Он несвободен и, кроме того, стремится поступать честно.

Но потом я вспоминаю: ведь это не Нэш остановил нас тогда на крыше. Если бы я не

вмешалась, занялись бы мы любовью прямо там, в шезлонге, на котором Нэш, вероятно, сживал с Мариссой?

Чем больше я думаю, тем грязнее становятся мысли и тем больше возникает вопросов и беспокойства. Поэтому я выбрасываю все из головы. Разумеется, стоит мне увидеть Кэша, и я тут же смогу определить, был у нас с ним секс или нет.

Разумеется.

Одевшись, иду на кухню варить кофе. Удивляюсь, слыша, как в спальне звонит мобильник. Бегу туда, чтобы взять его.

В животе восторженный трепет: на светящемся экране имя – Нэш. Что может значить столь ранний звонок? Что он был со мной до недавнего времени? Или ему приснилось что-нибудь приятное, а это означает... что его здесь не было?

Провожу пальцем по экрану, чтобы принять звонок.

- Алло?

Пауза.

- Я тебя разбудил?

- Нет, я уже варю кофе.

- О, это хорошо. Не хотел тебя беспокоить. Надеюсь, когда все уляжется, получу от тебя сообщение. Я просто хотел проверить, видела ли ты цветы, которые я оставил.

Я немного сникаю. Не так должен разговаривать парень, который только что исследовал языком мое обнаженное тело.

- Да, я увидела их, когда пришла домой вчера вечером.

- Отлично. Я хотел, чтобы ты без стеснения звонила мне, если что понадобится, пока Мариссы нет.

- Угу, ладно. Спасибо.

- Ну, тогда я отпускаю тебя к твоему кофе. А мне надо ехать на работу. Встреча с самого утра.

- Ладно. Спасибо за цветы, Нэш.

- Мне было приятно это сделать, Оливия.

Слышно, что, произнося это, он улыбается. Или нет?

Мурашки не сходят с рук еще долго после того, как он вешает трубку. Стоило ему произнести мое имя, и я тут же вспомнила минувшую ночь – этот стонущий голос, когда мой партнер кончал.

Только ясно, что он принадлежал не Нэшу. Это был голос его брата.

Я не слишком удивилась, определив, что у меня в гостях был Кэш. Разыгранный сценарий

больше соответствует его характеру, чем натуре Нэша. Только плохой парень может прийти без приглашения в дом, где живет девушка, разбудить ее и соблазнить в ее собственной спальне.

И только плохой парень будет при этом уверен, что девушка не станет возражать. Мне приходится улыбнуться.

Он решительный. Этого у него не отнимешь.

И он оказался прав. Я не возражала. На самом деле я не стала бы противиться и во второй раз. А может быть, не имела бы ничего против третьего и четвертого раза, если бы не уснула как дура. Давно у меня этого не было, и я забыла, как сильно расслабляет хороший секс.

Сижу за столом в столовой и читаю перед занятиями, когда снова звонит телефон. В этот раз на экране отображается имя Кэша, но я реагирую так же. В животе – возбужденный трепет.

- Алло?

- Доброе утро, прекрасная. Ты встала?

- Да, - говорю я, а рот неудержимо растягивается в улыбке.

- Так вот, твоя машина в мастерской у моего приятеля. Это точно был генератор.

- Паршиво, - бормочу я, и воодушевление раннего утра уступает место реальности обладания куском дерьма вместо машины. - Есть предположения, во сколько это может мне обойтись?

- Тебе? Ни во сколько. Он задолжал мне ответную услугу.

- Я не могу позволить тебе сделать это, Кэш.

- Полагаю, ты намерена мне запретить? - насмешливо говорит он.

- Я серьезно. Это слишком дорого. Я не могу принять такой подарок.

- Ты можешь и примешь. Кроме того, я не рассматриваю это как подарок. Ты мне еще сможешь вернуть долг.

На лице у меня опять улыбка, и нервы напряжены до звона от возбуждения. Мне не терпится услышать, что у него на уме.

- Ты уверен?

- Вполне. Начнем с дополнительной смены на следующей неделе, если ты справишься.

Я опять разочарована. Это вовсе не так сексуально, как я рассчитывала. После прошедшей ночи он, конечно, прекрасно знает, что я буду более чем счастлива отплатить ему любым количеством разных способов и поз. Если только это не он был моим ночным гостем.

Это что за шлюшка такая, не знает, с кем провела ночь?

У меня округляются глаза.

А кто использует слово «шлюшка»?

На ум приходит только одно имя: Трейси, моя мать. Это ее слово.

Тряхнув головой, возвращаюсь к вещам более важным. Типа кто провел часть прошлой ночи, щекоча мне яичники.

Размышляя об этом, прихожу к выводу: больше всего меня беспокоит, что этим утром ни один из братьев не проявляет любовных чувств ко мне достаточно явно, чтобы точно определить виновника. Это меня печалит?

О мой бог! Я совсем потеряла сноровку? Я что, вдруг стала плоха в постели?

Кэш откашливается, напоминая, что ждет моего ответа.

- Ох, ух, знаешь, я сделаю все, что смогу, чтобы отплатить тебе, но это зависит от того, в какой день. Я не могу сильно задерживаться где-то...

- О, ты не будешь задерживаться допоздна. Я бы хотел, чтоб ты посмотрела на один бухгалтерский проект. Только прошу тебя, не делай кичку и не обувай ортопедическую обувь.

Я смеюсь. Ну и картинка!

- Отлично. Думаю, я могу использовать свою числовую магию и без атрибутов профессии.

- Не сомневаюсь, ты сможешь, - рассеянно отвечает Кэш. - А перед этим тебе все-таки нужно доехать до колледжа.

- Ну да. - Об этом я даже не подумала. Эти парни действительно закрутили мне мозги. - Думаю, я смогу.

- Дай мне десять минут, я приеду и заберу тебя.

Мозг наконец включается, и я начинаю рассуждать как здравомыслящий человек. Если Кэш отвезет меня в колледж, я не смогу попасть домой никаким другим способом, кроме как на такси, а это будет дороговато, учитывая, что мне придется вызывать машину и в выходные, чтобы доехать на работу и с работы, пока не будет починена моя старушка.

- Знаешь, я, пожалуй, пропущу сегодня занятия. Тем более что серьезных лекций нет. Так что и грузить тебя своими проблемами мне не придется, и без того уже хватило.

- Ничем ты меня не грузишь. Я не против.

- Я бы все-таки предпочла не беспокоить тебя. Лучше увидимся вечером.

- Одевайся. И будь готова. Жди меня через десять минут.

С этими словами он вешает трубку, не оставляя мне выбора.

Почти ровно через десять минут я слышу глухой рокот мотоцикла Кэша. Чувствую его всем нутром, будто этот звук вдыхает в мое тело возбуждение очень близким к физическому способам. Стараюсь как могу держаться от Кэша на расстоянии и ясно понимаю, что до добра меня эта история не доведет.

А хуже всего то, что я, кажется, не хочу останавливаться.

Я не жду, пока Кэш войдет, а выхожу ему навстречу, аккуратно закрывая за собой дверь.

Кэш восседает на мотоцикле, блестящем черным лаком и хромированными деталями. Джинсы – для разнообразия синие – плотно обтягивают бедра, а чисто-белая футболка уютно облегает грудь. Темно-русые волосы растрепаны, как обычно; у меня прямо руки чешутся закопаться в них всей пятерней. Но дыхание у меня перехватывает именно от лица. Он прекраснее любого парня, которого я встречала в жизни, к тому же сегодня в его глазах и улыбке есть нечто такое, отчего, кажется, воздух между нами воспламеняется.

И хотя мне известен риск, но я хочу броситься в это пламя сломя голову.

22

Кэш

У нее такое выражение лица, что я чувствую себя вкусным блюдом. И если бы я им был, то, конечно, это было бы призовое блюдо. Хотя я все еще в нетерпении, но в то же время спокоен. Я решил, что рано или поздно она уступит. Знаю, она не сможет слишком долго противиться тому, что происходит между нами. Такое сильное влечение.

И искушение.

– Ты так на меня смотришь, как будто готовишься к большому сюрпризу, когда сядешь на мотоцикл, – говорю я Оливии.

– К большому сюрпризу? – переспрашивает она, и уголки ее рта раздвигаются в озорной улыбке. – Ты имеешь в виду нечто большее, чем «Тик-так»?

Мне нравится ее юмор. Такой скромный, как она сама, и прорывается наружу в самые неожиданные моменты.

Я улыбаюсь и протягиваю к ней руку:

– Тогда иди сюда и позволь мне освежить твоё дыхание.

Она смеется. И, как обычно, мне хочется немедленно сделать еще что-нибудь, чтобы она снова захохотала. Она слишком много думает, беспокоится. Я не знаю, о чем, но тем не менее вижу это. Хочется поднять ей настроение и подарить столько беззаботных минут, сколько смогу.

Беззаботных и сладострастных.

Я подавляю стон.

Она вкладывает пальчики в мою руку и опирается на нее, усаживаясь сзади. Не оборачиваясь, передаю ей шлем. Наблюдаю в боковое зеркало, как она надевает шлем на голову. Есть что-то очень сексуальное в Оливии, когда она в шлеме. Может быть, это вызывает в голове картинку: она в облегающем костюме из черной кожи, сидя на моем мотоцикле, наклоняется вперед, а я – сзади и держу руки на ее бедрах...

Скрежещу зубами. Черт бы ее побрал вместе с этим пышным телом!

Запускаю руки назад, обхватываю ее за коленки и поддвигаю вперед. Я скорее ощущаю, чем слышу, как она хватается ртом воздух, когда ее согнутые ноги обхватывают мои бедра, а грудь прилепляется к спине.

Чувствую себя удовлетворенным: теперь она, вероятно, так же настроена на меня, как я на нее, но тут она повышает ставки – обвивает руками мою талию и кладет руки на самый низ живота, прямо над пряжкой ремня. Прямо над тем, что скоро затвердеет, если она не будет осторожной. Я делаю глубокий вдох, завожу мотор и быстро отъезжаю от бордюра.

Я не могу взять ее в колледж слишком быстро.

Когда мы въезжаем в кампус, она показывает на дорожки и предупреждает о поворотах, которые нужно сделать, чтобы попасть туда, куда ей нужно. И вот мы на месте. Я притормаживаю у тротуара и ставлю ногу на землю; мотоцикл не упадет, пока Оливия слезает. Она встает лицом ко мне, чтобы снять шлем. Снимает, встряхивает волосами. Это похоже на рекламный ролик про какой-нибудь шампунь. Я не сомневаюсь: Оливия понятия не имеет, как она сексуальна. Но она сексуальна. Еще как!

Оливия протягивает мне шлем, глядя глаза в глаза. Я не беру его. Она вопросительно смотрит на шлем, потом опять на меня. Я встаю, не слезая с мотоцикла, отодвигаю в сторону шлем, провожу рукой по волосам Оливии и притягиваю ее рот к своим губам.

Она хоть и удивлена, но не отстраняется, а целует меня со значением, будто хочет большего. Скажи она только одно слово, я тут же отвезу ее обратно домой и мы проведем весь день в постели. Но когда я отклоняюсь и смотрю в ее большие глаза, то вижу, что еще чуть-чуть рановато для этого. Она уже близка, но еще не совсем готова.

Но я могу подождать. Мне придется.

– Когда ты намерена сказать «да»?

Она ничего не отвечает, только смотрит на меня темно-изумрудными глазами. Пухлые красные губы слегка приоткрыты, сквозь них пробивается легкое дыхание.

Я улыбаюсь. О да, ждать осталось недолго.

– Позвони, когда будешь готова, чтобы я приехал забрать тебя, – говорю я и быстро чмокаю ее в губы, а потом надеваю шлем. Вид у Оливии изумленный, как тут не улыбнуться. – Не беспокойся. Ты не должна говорить «да» сегодня. Я подожду. Ты этого стоишь. – Перед тем как опустить на лицо забрало, я лукаво улыбаюсь и подмигиваю ей. – И я тоже.

Трогаюсь и еду по дороге. Глядя в боковое зеркало, вижу, что она стоит там, где я ее оставил, и смотрит мне вслед.

23

Оливия

Заявляю официально. Кэш поселился у меня в голове. Может, физически я и присутствовала на занятиях, но без всякой пользы. Единственное, что я поняла: его поцелуи сравнимы с торнадо, которое налетит и разрушит мою жизнь.

До сих пор не знаю, кто был в моей комнате прошлой ночью, хотя начинаю искренне надеяться, что это был Кэш, а не Нэш. Да, в Нэше есть все, чего мне должно хотеться от мужчины, все, что матушка старалась вбить мне в голову. Не говоря уже о том, что он жарче семи кругов ада и, вероятно, поможет мне забыть осознание своей греховности, когда поцелует меня.

Но рядом с Кэшем... он начинает тускнеть, сравнение не в его пользу.

Не знаю, в чем причина: то ли это моя наследственная тяга к сексуальным плохим парням, то ли Кэш оказывается на самом деле не таким, как я его поначалу себе представила. В любом случае он поселился у меня в голове. Под кожей. И я сомневаюсь, что смогу и дальше противиться влечению.

Не поймите меня неправильно. Он все равно опасен и, вполне вероятно, разобьет мне сердце. И я постараюсь держаться до последнего. Но всем сердцем, всем нутром я ощущаю, что между нами есть нечто такое, что не прекратится, пока мы не выжмем это друг из друга с по?том.

Забавно.

Только вот кончится все печалькой – буду со слезами на глазах смотреть, как он от меня уходит.

По крайней мере, на этот раз у меня есть выбор. И это мой выбор. Я подписываюсь на это, зная, какой может получиться итог. Вероятно, мне не удастся покончить с этой историей, не почувствовав боли, но я отдаю себе отчет в том, что сама пошла на это.

И в конце концов я выберу Кэша. Пытаюсь сопротивляться изо всех сил, но это неизбежно. Если бы только он мог быть немножко, ну совсем чуть-чуть, как Нэш...

Телефон отрывает меня от раздумий. Забыла отключить звонок. Я подскакиваю и кидаюсь рыться в сумке, чтобы ответить, пока профессор не распял меня.

Подношу палец к кнопке, чтобы нажать «отбой», и готовлюсь засунуть мобильник обратно в сумку, но замечаю на экране имя Джинджер. Вжав голову в плечи, сгребаю в охапку учебник и сумку и крадусь к двери. Я уже сорвала занятие, да к тому же все равно ничего не усваиваю. Остается только одно – уйти.

Нажимаю на кнопку «принять вызов» и слышу громкий, раздраженный голос Джинджер. Приветственная тирада состоит в основном из ругательств:

- Стой, где стоишь, ты, импотент липкозадый, твою мать...

- Джинджер? – обрываю ее я.

Она немедленно стихает.

- О, Лив. Привет, дорогая. Я не слышала, что ты ответила.

- Не могу понять почему, – сухо отвечаю я. – Что случилось?

- Ну, на самом деле я еду к тебе.

- Ко мне? Зачем? – Волосы на затылке приподнимаются от беспокойства. Если Джинджер едет ко мне, значит что-то не так.

- Потому что у тебя опять сломалась машина.

- Ну да, но откуда ты узнала?

- Кто-то должен был везти тебя в Солт-Спрингс, когда у тебя была последняя смена. Помнишь?

Нэш.

- Верно. Но с тех пор ее уже починили.

- Ну и ну, - с досадой в голосе говорит Джинджер. - Но погоди, ты же только что сама сказала, что машина сломана.

- Знаю. Она сломана. Это уже новая поломка.

- Лив, серьезно, я боюсь за твою жизнь с этим куском дерьма. Никакая машина не должна разваливаться так часто, как твоя. У тебя синдром Мюнхаузена? [7]

- Синдром Мюнхаузена?

- Да, это когда люди травят своих родственников или коллег по работе, чтобы привлечь к себе внимание.

- Я знаю, что это такое. Немного странно, что об этом известно тебе.

В голосе Джинджер сквозит гордость.

- Я смотрела специальную передачу на канале «Дискавери».

- Ты смотрела канал «Дискавери»?

- Да.

- Хм, почему?

- Потеряла пульт от телика.

- Потеряла пульт?

- Да. Ты что, так и будешь повторять каждое мое слово?

- Если ты продолжишь говорить такие невероятные вещи, тогда да, возможно.

- Что я такое невероятное сказала?

- Что у меня может быть синдром Мюнхаузена. С машиной. Что ты почерпнула какие-то сведения на «Дискавери». Что ты вообще знаешь о существовании такого канала. И что ты сидела у себя в гостиной и смотрела передачу о синдроме Мюнхаузена, так как потеряла пульт. Куда можно деть пульт в таком маленьком доме?

- Он был в холодильнике. Очевидно, когда я доставала водку, положила пульт туда.

- Это разумно, - саркастично замечаю я.

- Батарейки в этой сволочи теперь, наверное, никогда не сдохнут, - говорит Джинджер сквозь хохот.

- Джинджер, можно задать тебе вопрос? - мягко спрашиваю я.

- Конечно, сладкая моя. О чем?

- Зачем ты едешь сюда, чтобы забрать меня?

Иногда Джинджер нужно немного перенаправить, чтобы она держалась ближе к теме. Мне самой это бывает необходимо, когда я с Джинджер.

- О черт! Это из-за твоего отца. Он упал и сломал ногу. Взял с меня обещание, что я тебе не скажу, но... ты знаешь. Я собиралась. Конечно, я хотела.

- Он сломал ногу? Когда?

- Два дня назад.

- И я узнаю об этом только сейчас?

Мне приходится сдерживаться, чтобы не разорваться. Меня просто бесит, что я узнаю о случившемся так поздно.

- Я вообще не собиралась тебе говорить. Он взял с меня слово, понимаешь. Я же сказала. Но потом, когда Тэд упомянул, что видел его в больнице и что у него должны появиться ягнята, ну, я понимала, ты захочешь узнать. Кто-нибудь, кто знает, как с ними обращаться, должен будет прийти на два-три дня и обо всем позаботиться, пока ты разберешься с малышами и сделаешь все прочее, что там нужно.

- Значит, если бы не ягнята, никто бы ничего мне так и не сказал?

Во мне закипает ярость.

- Ух, - тихо выдыхает Джинджер, понимая, что она на опасном пути. - Это твой глупый папаша всех заставил дать обещание. Он, видите ли, не хочет, чтобы ты ехала домой и тратила свое время на уход за ним.

Я пощипываю себя за переносицу, чтобы унять тупую пульсирующую боль, нарастающую в области лба. Закусываю губу и не даю сорваться с языка дюжине язвительных ремарок.

- Ты далеко?

- Минутах в десяти езды.

- Я еще в колледже. Забери меня отсюда.

- Отлично. Скажи, куда ехать.

Я вздыхаю. Громко. Пытаться объяснить Джинджер дорогу и ждать, что она появится в нужном месте, - все равно что метать ножик в небо. Это опасно и глупо, и в результате кто-нибудь может пострадать. Не раз случалось, что Джинджер завозила нас в какие-то весьма сомнительные районы города, где я ни за что не стала бы вылезать из машины. Если только мне не составляли бы компанию парочка ниндзя и борец сумо.

Но в данном случае какой у меня выбор? Я не буду чувствовать себя комфортно, если обращусь с очередной просьбой к Кэшу или Нэшу. Было бы не так уж трудно, если бы я могла использовать волшебную силу вагины, но это работает только с теми людьми, с которыми девушка спит. А раз я до сих пор не имею понятия, который из братьев погрузился с головой ко мне в трусы этой ночью, не может быть и речи о применении магии этого вида.

Я объясняю Джинджер дорогу до студенческого городка. По крайней мере, пока жду ее, успею чего-нибудь выпить.

Повесив трубку, набираю номер Кэша, чтобы сказать ему, что не смогу работать в выходные.

- Мне очень жаль, но у меня семейные неприятности.

- Понимаю. Хочешь, я сейчас приеду за тобой?

- Нет, моя подруга Джинджер уже едет.

Долгая пауза.

- Я бы отвез тебя куда угодно, в любое место, куда тебе надо.

- Я ценю это, но она мне звонила с дороги.

- Хм, - только и слышу в ответ.

- Ну, спасибо тебе большое за... все. Обещаю, я займусь машиной, когда вернусь. И возьму столько дополнительных смен, сколько ты посчитаешь нужным, чтобы все уладить.

Страшно подумать, что я могу потерять новую работу и мне придется ползти на старую, но речь идет о моем отце...

- Не волнуйся об этом. Мы что-нибудь придумаем. Ты не останешься без работы, когда вернешься, если это то, о чем ты подумала.

Я с облегчением закрываю глаза. Эта проблема меня действительно сильно тревожила.

- Я очень ценю твою отзывчивость, - говорю, вкладывая в голос максимально искреннее чувство признательности.

- Уверен, я смогу придумать, каким образом ты вернешь мне должок.

Замечание совершенно неуместное, конечно, но я слышу, что, говоря это, Кэш улыбается. Он дразнит меня.

- Не сомневаюсь, ты сможешь. Вопрос в том, способен ли ты выдумать что-нибудь такое, что не предполагает снятие с меня одежды?

Я играю с огнем и знаю это.

- Конечно! Надень юбку, и отделаться нужно будет только от одной вещи. Мне было бы неприятно, если бы ты осталась без... чего-нибудь еще.

По спине пробегает мелкая дрожь и приземляется в пупок, как удар молнии. Я сдержанно смеюсь. Куда мне до него, я так дразниться не умею.

Кэш должен понимать, что я в растерянности. Он хихикает:

- Занимайся своими делами. Не торопись. Если что понадобится, звони.

- Позвоню. И спасибо, Кэш.

Разговор закончен, я покупаю напиток в «Тако джойнт» внутри студенческого центра и выхожу на улицу, чтобы сесть на скамеечку и дожидаться Джинджер. Думаю, не позвонить ли Нэшу. Просто чтобы он знал: в выходные меня в городе не будет. Может быть, он захочет присмотреть за домом.

По крайней мере, я так говорю себе. Использую предлог.

- Нэш, это Оливия, - говорю я, когда он отвечает на звонок.

Слышу его тихий смех.

- Я знаю, что это ты, Оливия.

Чувствую, как к щекам приливает краска. Хорошо, что он не видит.

- Да, правильно. Извини. - Нервно прочищаю горло. - Значит, меня не будет в городе в выходные. Я хотела, чтобы ты знал на случай... ну, просто если кому-нибудь что-нибудь понадобится.

О мой бог! Можно ли говорить менее убедительно?

- Ладно. Спасибо, что сообщила. Уже нуждаешься в отдыхе от моего начальственного братца?

Знаю, он шутит, но зачем так опускать брата.

- Он не начальственный. И вообще, нет, ничего подобного. Мне нужно съездить домой на выходные. Вот и все.

Легкость тона улетучивается, уступая место тревоге.

- Все в порядке?

- Да. Мой отец сломал ногу. С ним все нормально, просто он ждал, что родятся ягнята, а теперь не может никуда выйти со сломанной ногой и проверить, как там и что...

- И ты сама можешь с этим справиться? Тебе не нужна помощь?

- Не-а, я выросла на ферме и всегда помогала отцу, пока не стала настолько взрослой, чтобы справляться самостоятельно. Все будет хорошо. Но спасибо тебе за заботу.

Что за классный парень! Черт возьми!

- Ну, если тебе что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти.

- Спасибо, но я никогда не смогу попросить тебя о таком.

- Оливия, я тебя умоляю... - начинает он. От того, как он произнес мое имя, у меня сжимается в животе. Прозвучало так похоже на тот голос в ночи. Это его губы я целовала? Его прикосновения ощущала? - Говори. Если тебе нужна помощь, я хочу знать.

- Ладно, - сдаюсь я и уже начинаю слегка задыхаться. Впрочем, довольно сильно, чтобы пререкаться. - Скажу.

- Хорошо. Я присмотрю за домом, пока тебя не будет. Позвони, когда вернешься.

вернуться

7

Синдром Мюнхаузена – редкое отклонение в психике, когда близкий человек внушает ребенку, что тот болен, чтобы получить повышенное внимание от медицинского персонала или чувство превосходства над врачами. В некоторых случаях люди с этим отклонением наносят реальный вред здоровью близкого человека, как правило ребенка, давая ему яд или лекарство в больших дозах.

- Позвоню. Спасибо, Нэш.

- Ты обещала.

Жду Джинджер, а в голове, сменяя друг друга, занимают место братья – то один, то другой, как часто происходит в жизни. Просто не знаю, когда мне станет проще с ними. И случится ли это вообще.

Я все еще погружена в свои мысли, когда слышу гудок автомобиля и голос, во всю силу легких выкрикивающий мое имя.

Вот и Джинджер.

- Ну зачем же так громко, – бормочу себе под нос и иду к машине.

Джинджер стоит на водительском сиденье, высунувшись по пояс из люка в крыше. Когда я подхожу, она стоит с такой сияющей улыбкой, будто только что сбежала из психушки.

- Спорим, ты уже решила, что я заблудилась?

Я ничего не отвечаю. В том, что дорогу она не найдет, я была абсолютно уверена. Более того, могла это гарантировать.

И разумеется, ошиблась. Может, у меня теперь такая полоса – все время ошибаться. Может, я во многом ошибаюсь. Особенно в тех вещах, в которых мне приятно было бы ошибиться.

Если только мне может так повезти...

Джинджер без промедления переводит разговор на интересную тему.

- Ну как, ты приняла пенисный вызов?

- Джинджер!

- Оливия! Лучше бы ты поделилась со мной новостями. И деталями. Прошло уже столько времени.

- Да уж, и то верно. Сколько это столько? Неделя?

Она смотрит на меня, охваченная неподдельным ужасом.

- Боже правый, нет! Прошло всего четыре дня. Но у меня есть потребности.

- Джинджер, я вполне уверена, что у тебя врожденное уродство.

- Причем в тяжелой форме, сладкая моя, – нахально заявляет она.

Я хохочу. Что мне нравится в Джинджер – она не пытается скрывать, какова есть на самом деле и что ей по душе. Каждой своей бородавкой или прыщиком она гордится. И носит их все до единого без тени смущения.

- Ты бы умерла со скуки в моем теле.

- Ничуть не бывало. Я бы эту юную штучку взяла на пробу, и у меня бы все живенько закрутилось.

Округляю глаза:

- Не сомневаюсь, ты бы так и сделала. Уж я бы тогда прошвырнулась по всей Большой Атланте.

- Разбивая сердца и кружа головы! Или поднимая кое-что, – завершает она с дьявольской улыбкой.

- О господи! – Я качаю головой. Она неисправима. Ее практически невозможно обидеть. Очевидно.

- Ну, хватит отвлекать меня от темы. Ты сделала это?

Я не могу скрыть свои чувства, губы неудержимо растягиваются в улыбку. Джинджер не обманешь – такая наблюдательная.

Она оживленно тычет в меня пальцем:

- Ты это сделала! Ты сделала! Ну и как это было? Который лучше? И когда отверженный придет ко мне в гости?

- Вот в том-то и дело. Я не вполне уверена, с которым из двоих спала.

Я морщусь, видя вытаращенные глаза Джинджер. А я-то думала, ее ничем не прошибешь. Вероятно, мою удачу в этом деле нельзя считать добрым знаком.

- Как такое могло случиться?

Я рассказываю. Самую короткую версию, конечно, с наименьшим количеством подробностей. Когда я умолкаю, Джинджер заливается хохотом:

- Ну, милая моя, знаешь, что тебе теперь нужно?

- Спрашивать их я не стану, если ты на это намекаешь.

- О, ни в коем случае. Я собиралась сказать, что тебе теперь придется переспать с обоими. Только так ты сможешь определить, у кого из них такой волшебный язычок. – Джинджер поворачивается ко мне с плутовской улыбкой. – Ох, бедняжка. Ты вынуждена заниматься взрывающим вагину сексом с двумя пылкими близнецами. О, пожалуйста, нет, только не это!

- Если бы только это, ничего страшного, но ты знаешь, я не могу... я не...

Грызу ногти, но краешком глаза все равно вижу: Джинджер смотрит на меня.

- Надеюсь, дело не в этом гребаном Гейбе?

- Ты знаешь, что Гейб здесь ни при чем...

- Вранье! Лив, тебе пора забыть об этом. Если парень выглядит, или одевается, или ведет себя как Гейб, это еще не значит, что он такой же. И наоборот, если парень не выглядит, не одевается и не ведет себя как Гейб, это не признак того, что он отличается в лучшую сторону. Нельзя судить обо всех книгах по хреновой обложке - тупой, не вызывающей эмоций, как слабый член. Ты не можешь перестать пробовать новое в жизни только потому, что однажды обожглась.

Я вспоминаю о своем решении рискнуть и сойтись с Кэшем. Но думаю и о том, какую поддержку оказал мне Нэш, когда я позвонила, каким он был заботливым. Если Джинджер права, несмотря на наружность, любой из них может на поверку оказаться Гейбом. Но откуда мне знать, какой окажется, а какой нет?

А может, они оба такие.

Доверяй себе. Полагайся на то, в чем уверена. Нэш - хороший парень. Кэш - плохой парень. Плохие парни не меняются.

Но Нэш несвободен.

А Кэш наоборот.

Нэш ничего мне не обещает.

Кэш хочет быть честным и дать мне то, что может.

Стоит ли связывать с одним из них свою жизнь? Или мне лучше повернуться спиной к ним обоим? И убежать.

Чувствуя мое настроение, Джинджер меняет тему на гораздо менее депрессивную - секс-игрушки.

Ох, Джинджер!

* * *

Ужасаюсь, когда, войдя в дом, вижу посреди гостиной больничную койку. Сердце падает на лиственничный пол с глухим стуком, который слышу только я.

Вот отец сидит в любимом кресле-качалке, положив закованную в гипс ногу на подушку. От этой картины мне становится немного легче, хотя я все равно в смятении. Гипс не на нижней части ноги, как я думала. Он до самого паха. Отец сломал бедро. И никто мне не сказал.

Провалились бы они все к черту!

Я ставлю вещи на пол и прямиком к отцу - руки уперла в бедра, вся в праведном гневе.

- И ты не мог позвонить и сказать мне? По твоей милости я узнала все последней, от Джинджер, через несколько дней.

По выражению его светло-карих глаз вижу, что он настроен пригласить мои взъерошенные перья. Именно это желание избегать конфликтов в конце концов заставило мать бросить его и отправиться на поиски более зеленых, более тучных пастбищ. И более богатых. И более прибыльных. Вообще-то говоря, любых других, помимо того, на котором она паслась. Корова!

Иногда это все, что я могу сделать, чтобы не ненавидеть ее.

- Ну, Панк, - начинает отец, используя мое детское прозвище, отчего я всегда становлюсь как замазка в его руках. - Ты ведь знаешь, я от тебя никогда ничего не скрываю, если только не считаю, что так будет лучше. У тебя и своих проблем достаточно с этой новой работой, с учебой - весь последний год, - с кузиной, у которой ты живешь. Я не хотел увеличивать твою ношу. Попробуй посмотреть на ситуацию с моей стороны, - мягко завершает он.

Не могу сердиться, когда отец такой. Хотя, должна признаться, это может очень раздражать.

Я опускаюсь на колени у его ног:

- Пап, ты должен был позвонить.

- Лив, ты ничего не могла сделать. Только переживала бы. А теперь ты потеряешь работу. Из-за меня.

- Это не так важно. Джинджер говорила о ягнятах. Я быстренько сделаю все, что надо, и вернусь на работу.

Отец закрывает глаза, откидывает голову на подголовник и покачивается взад-вперед, сдерживая гнев. Несколько секунд он молчит, эффектно подводя черту под этой частью разговора.

Еще одна его досадная привычка. Он просто перестает - говорить, спорить. Просто... перестает.

Я замечаю несколько новых седых волосков у него на висках, в прошлый раз их не было. И кажется, складки, обрамляющие его рот, залегли глубже. Сегодня он выглядит намного старше своих сорока шести лет. Тяжелая жизнь, полная разочарований, берет свое. И теперь это проявляется.

- Чем тебе помочь, папа? Я здесь, так что можешь поручить мне какую-нибудь работу. Как твои книги?

Отец не смотрит на меня, но отвечает:

- Книги в порядке. Пока тебя нет, вести их мне помогает Джолин.

Я скрежещу зубами. Джолин считает себя бухгалтером. Только никакой она не бухгалтер, и близко не стояла. Уверена, там столько всего напутано. Я тяжело вздыхаю и меняю тему:

- А что с домом? Надо что-нибудь сделать?

Наконец отец поднимает голову и смотрит на меня. Глаза веселые.

- Я взрослый мужчина, Лив. Я умею справляться сам, без пекущейся обо мне доченьки.

Округляю глаза:

- Мне это известно, папа. Я совсем не о том говорю, ты сам знаешь.

Отец протягивает руку и хватается прядь моих волос рядом с ухом. Дергает, совсем так же, как тягал меня за хвостики, когда я была маленькой.

- Я знаю, о чем ты. Но кроме того, знаю, что ты считаешь, мол, заботиться обо мне – это твой долг, особенно после того, как твоя мать ушла. Но это не так, дорогая. Если я буду видеть, как ты гроишь свою жизнь, все время возвращаясь сюда, это меня доконает. Иди и ищи себе лучшей доли где-нибудь в другом месте. Вот что сделает меня счастливым.

- Но, папа, я не...

- Я знаю тебя, Оливия Рени. Я тебя вырастил. Знаю, что? ты планируешь и как рассуждаешь. И я прошу тебя не делать этого. Просто оставь меня здесь, в этой жизни. А для тебя найдется что-нибудь получше в другом месте.

- Папа, я люблю этих овец и эту ферму. Ты сам знаешь.

- А кто говорит, что не любишь? И мы всегда будем здесь. Чтобы ты могла приехать в гости. И однажды, когда меня не станет, все это будет твоим и ты поступишь с этим, как захочешь. Но пока это все мое. Мои проблемы, моя жизнь, мои тревоги. Не твои. Твоя забота – получить образование и найти хорошую работу, чтобы переплунуть своего старика раз в десять. Тогда, может быть, я позволю тебе вернуться домой. Как тебе это нравится?

Я знаю, что он делает, к чему ведет разговор. И понимаю это. Я чувствую свою вину. Но согласно киваю и улыбаюсь отцу только для того, чтобы его успокоить. Он не знает одного: я никогда не брошу его, как она. Никогда. И никогда не променяю людей, которых люблю, на легкую жизнь. Никогда.

- Раз уж ты здесь, у меня есть просьба. Ну, на самом деле две.

- Назови.

- Я там собрал все для чаквэгон бинс [8]. Приготовишь на ужин?

- Это твое любимое блюдо. Конечно приготовлю.

- Хорошая девочка.

Он улыбается мне несколько секунд, а потом отвлекается на шоу, которое смотрел по телевизору.

- Пап?

- А? – спрашивает он и смотрит на меня, изумленно выгнув брови.

- Вторая просьба?

Отец сперва хмурится, но тут же его лицо проясняется.

- Ох! Ох, правильно. Джинджер и Тэд хотят, чтобы ты заглянула к ним вечером на запоздалую прощальную вечеринку.

Качаю головой:

- Я тебя не оставлю ради того, чтобы пойти...

- Нет, ты оставишь. Вечером будет игра. Я хочу посмотреть ее спокойно, а ты пока повеселишься с друзьями. Разве старый больной отец слишком о многом просит свою дочь?

Я фыркаю.

- Как будто я могу отказаться, когда ты так все обставил.

И снова я понимаю, что? он делает. И почему. Но на этот раз уступаю только потому, что знаю, как он любит футбол и, может быть, искренне хочет посмотреть матч в одиночестве, чтобы я не сновала вокруг с вопросами о давлении, когда он увлечется и начнет ругаться на телевизор.

Отец поворачивается к экрану с довольной улыбкой. На этот раз я оставляю его в покое и отправляюсь готовить ужин.

* * *

Вхожу в бар «У Тэда», меня встречают свистом. Я застенчиво одергиваю юбку. Плохо, когда нет времени собрать сумку. В результате в моем распоряжении только одежда из домашнего шкафа, а я выросла из нее еще года два назад.

Черная юбка короче, чем мне хотелось бы, а футболка, которую я надела с юбкой, немного сильнее подчеркивает формы, чем это необходимо, не говоря уже о том, что я не припоминаю, чтобы эта одежда так слабо прикрывала живот. Если бы я не была взрослой, отец, наверное, не позволил бы мне выйти из дома, пока не переоденусь. К несчастью, кроме трико для йоги и заляпанных краской шортов - джинсов с обрезанными штанинами, - другого выбора у меня не было, вот и пришлось нацепить короткую юбку и тесную футболку.

Но я довольно быстро осваиваюсь и начинаю чувствовать себя комфортно в знакомой обстановке. Выпивка льется рекой, и атмосфера в баре более праздничная, чем обычно. Проходит совсем немного времени, и у меня начинает от счастья кружиться голова. Это предупреждение: пора сбавить темпы с напитками.

Я смеюсь с Джинджер, которая поменялась сменами, чтобы посидеть со мной в этот вечер по другую сторону барной стойки. И тут дверь за спиной у моей подруги открывается. Сердце сжимается от боли, когда я вижу своего бывшего, Гейба, - он заходит в бар под руку с новой подругой Тиной.

Выглядит он как обычно - убийственный красавец: черные как смоль волосы, светло-голубые глаза и нагловатая улыбка типа «умри за меня, чувиха». Все при нем, как прежде, - сбоку девчонка и блуждающий взгляд. Он даже не пытается скрывать, что интересуется другими девушками. А Тина - да поможет ей Бог - притворяется, что ничего не замечает. К разговору о дисфункции!

Джинджер, обратив внимание на мое молчание, поворачивается посмотреть, куда это я ушла с открытым ртом.

- Силы небесные, кто пустил сюда этого недоделка?!

Она отворачивается и начинает слезать со стула, как будто для того, чтобы исправить ситуацию. Я кладу руку ей на предплечье, не давая встать:

- Нет. Ничего не надо, не стоит.

По правде говоря, я бы не отказалась посмотреть, как Джинджер выставит его из бара пинком под зад, но в результате сама выглядела бы жалкой, так что лучше напьюсь, чтобы утопить Гейба в глубинах сознания.

Подаю сигнал Тэду. Он сегодня работает за стойкой, что бывает редко, - подменяет Джинджер, - и прошу принести нам еще по рюмке. Это наиболее быстрый путь к потере памяти, насколько мне известно. А полное забвение всего и вся сейчас для меня очень заманчивое состояние.

Мы с Джинджер чокаемся и опустошаем рюмки. Я ощущаю обжигающее воздействие восьмидесяти градусов на всем пути до желудка, где доза алкоголя запаливает маленький теплый костерок. Джинджер восторженно ухает, я смеюсь над ней, а глаза так и рыщут по толпе посетителей в поисках Гейба.

Наконец он обнаружен, сидит за высоким столиком. Несмотря на присутствие рядом подружки, он находит взглядом меня. Я вижу в его глазах узнавание. И голод, как обычно. Реагирую немедленно, как всегда реагировала. Только сейчас реакция мгновенно сходит на нет, пламя заливают холодные волны реальности - сегодня он здесь с Тинной, а не со мной.

Я несколько месяцев выслушивала его вранье и изо дня в день влюблялась все сильнее и сильнее, а между тем у него была другая девушка, с которой он вовсе не собирался расставаться. Хуже всего то, что у них был общий ребенок - сын. Они, по сути, жили семьей. И хотя сам Гейб не собирался их бросать, но обставил все так, чтобы я чувствовала себя разрушительницей семейного очага, как моя мать. А вот этого я ему никогда не прощу.

Остаток вечера я пытаюсь получать удовольствие от прощальной встречи со старыми друзьями и коллегами, но настроение неуклонно ухудшается. Каждая рюмка, каждая шутка кажется испорченной, подгаженной присутствием энного плохого парня, на которого я запала.

Джинджер заказывает очередную порцию выпивки, которую я с радостью принимаю, хотя знаю, что для меня это уже перебор, и мы хором опрокидываем рюмки под одобрительные возгласы наших приятелей. Алкоголь только-только начал выжигать из души горечь, когда мое внимание привлекает некто показавшийся у дверей.

На этот раз в бар быстро входит Кэш.

24

Кэш

Я ничему не удивляюсь, когда оказываюсь в спортбаре. Они все похожи один на другой: дюжина, или что-то около того, телеэкранов вдоль стены, в центре зала - разномастные столы, стулья стоят так, чтобы сидящие за ними люди смотрели в сторону стены. Бар - справа от меня, за ним несколько убогих столиков, над которыми нависают лампы с надписью: «Будвайзер». А дальше - маленькая танцплощадка.

За несколько секунд я нахожу глазами Оливию. Такое ощущение, что их к ней притягивает как магнитом. Вот она сидит у барной стойки со своими друзьями. Я сразу понимаю две вещи: во-первых, очень скоро она будет вдрызг пьяной, если не перестанет пить; и во-вторых, еще не закончится эта ночь, как я задеру ей юбку выше талии.

вернуться

8

Чаквэгон бинс – традиционное американское блюдо из красной фасоли с ветчиной, луком, чесноком и томатным соусом.

Она встречается со мной глазами, и я вижу в них отпор. Я и раньше его замечал, но думал, мы уже достаточно далеко продвинулись по пути преодоления этого барьера. Невольно удивляюсь: что такое произошло с сегодняшнего утра? Что так отбросило ее назад?

Хочется выругаться, но я закусываю губу и делаю нейтральное лицо, пробираясь к Оливии. Остановливаюсь позади нее и замечаю, как ее спина выпрямляется, а подбородок приподнимается. Да, это отпор. И настроена она твердо.

Хотя меня это расстраивает, но и будоражит одновременно. Вызывает желание заставить ее хотеть меня, несмотря на все причины, которые, как она думает, препятствуют этому.

И я это сделаю.

Снова.

– Я бы спросил, не купить ли тебе выпить, но, похоже, ты и без того ужехватила лишку.

– У меня уже есть один отец. Он дома, залечивает сломанную ногу, спасибо тебе большое, – отвечает она с оттенком пренебрежения.

– Я не хотел тебя обижать. Просто поделился наблюдением. – Делаю знак бармену. – Джек. Чистый. – Теперь я на ее территории. Она среди друзей, которые, очевидно, готовы за нее постоять. Странное дело, но, кажется, они не чувствуют необходимости защищать ее от меня, хотя со мной незнакомы.

Черт. Видимо, у нее действительно слабость к парням определенного типа. И все ее приятели, должно быть, в курсе.

Меня просто бесит, что она навесила на меня ярлык, не разобравшись. Как и все ее друзья. Больше всего ненавижу, когда обо мне судят предвзято. Никто из этих людей ничего обо мне не знает, включая Оливию.

Интересно было бы посмотреть, как она отреагирует, если узнает все, всю правду. В нескольких коротких фразах могу обрисовать ей причины, по которым она должна бежать от меня как можно быстрее и как можно дальше. Но не стану. Из эгоистических соображений. Я пока не хочу, чтобы она убегала. Сперва мне нужно много чего получить от нее.

Очень много.

Когда бармен ставит передо мной выпивку, я бросаю ему десятку и опустошаю стакан одним глотком. Кивком прошу повторить и возвращаю пустой стакан – доньшко скользит по стойке.

Я стою и жду следующую порцию, подчеркнуто игнорируя Оливию. Наконец она заговаривает со мной. Я почти улыбаюсь. Этого я и добивался – чтобы она сделала первый шаг. И она его сделала.

- Откуда ты здесь взялся? - спрашивает она и слезает со стула, чтобы встать рядом со мной. Интересно, ей что, стоя легче контролировать себя, отвечать за свои действия?

Или, может быть, она так чувствует себя в безопасности, вроде как может быстро уйти, если что, убежать?

- Я подумал, что тебе может понадобиться помощь. Вот и приехал помочь.

Вижу, как взгляд Оливии метнулся в сторону на какую-то долю секунды, а потом вернулся ко мне.

- Как ты меня нашел?

- Мой брат.

- Нет, я имею в виду, откуда ты узнал, что я здесь?

- Твой отец.

- Ты заходил ко мне домой?

Это ее явно обеспокоило.

- Да. А что? Какие-то проблемы? Посетителей не допускают в твоё тайное убежище?

Зачарованно наблюдаю, как от гнева у Оливии деревенеют мышцы. Она упирается кулаками в бедра. Черт, да она вспыльчива.

- А тебе не приходило в голову, что, может быть, стоит подождать приглашения?

- Если бы меня пригласили, то я бы уже не мог считаться добровольным помощником. А теперь?

Негодующая Оливия, однако, вновь бросает взгляд в сторону столика справа. Я прослеживаю направление и вижу парня, сидящего там с похожей на мышку девчонкой. То, как он смотрит на Оливию, не оставляет сомнений: они знакомы, и, судя по всему, хорошо знакомы.

Я делаю к ней шаг, наклоняюсь и шепчу в ухо:

- Это тот парень?

Она резко поворачивается ко мне. Виновато. Зло.

- Какой парень? О чем ты говоришь?

- Ой да ладно. Признавайся. Это последний из плохих парней? - Я смотрю на лоха, который ненамеренно усложнил мне жизнь. - Похоже, он уже оправился после дроводробилки. Хочешь, я ему навешаю?

Снова смотрю на Оливию. По лицу ее проносятся разные эмоции, начиная со смущения и заканчивая веселостью, она готова улыбнуться.

- Нет, я не хочу, чтобы ты ему навешал.

- Уверена? Я ведь специалист по декретинизации.

Теперь она улыбается:

- По декретинизации?

- Да. Считаю, что я истребитель кретинов, как Оркин-мен [9], ставлю их на место.

- Ценю твое предложение, но он того не стоит.

Я протягиваю руку и запрокидываю Оливии за ухо прядь иссиня-черных волос:

- Если он тебя обидел, то стоит.

Не думаю, что Оливия знает, какое выразительное у нее лицо. Я отчетливо вижу, что нравлюсь ей, что она, вероятно, не стала бы возражать, если бы я раздел ее и облизал с головы до ног, несмотря на то что позволить мне сделать это значит для нее пойти наперекор самым серьезным доводам разума. Но кроме того, я вижу, что она не хочет поддаваться этим чувствам. Она намерена остаться в этой двойственности, ни туда ни сюда, чтобы быть непроницаемой для меня. Только она не такая. И если я не спугну ее, она сдастся.

Узнаю веселую песенку, которая вдруг зазвучала, - «Хо-хей». В моем клубе такого не услышишь, потому что это клуб, но тем не менее она мне нравится. Слова пробуждают во мне сочувствие к Оливии, смущенной и притихшей, будто испуганная выстрелом, прижавшая уши собачка.

- Пошли, - говорю я, беря ее за руку. - Давай перетрем это все.

Протягиваю руку ее подруге тоже, эта дама не сводит с меня глаз с того момента, как я вошел, будто выбирает себе закуску.

- Я Кэш, босс Оливии. Пошли потанцуем с нами.

- Джинджер, - объявляет она с широченной улыбкой и сцепляет свои пальцы с моими, положительно не желая отказываться.

Пока я тащу девушек за собой по залу к танцполу, Джинджер привлекает к нам всеобщее внимание, и это очень хорошо для того, что я задумал.

- Давайте, вы все! Устроим Лив танцы на прощанье, такие, чтобы она всю жизнь вспоминала.

Через несколько секунд две дюжины главных фанатов Оливии окружают нас на танцевальной площадке, подпевают песне и осыпают виновницу торжества улыбками, краткими объятиями и другими проявлениями любви. Я вижу, ее лицо проясняется и настроение идет на подъем.

Она оборачивается и смотрит на того парня всего один раз, да и то как-то рассеянно. Остальное время она сосредоточена на тех, кто ее окружает, и на мне.

Убеждаюсь, что лед потихоньку тает, всякий раз, как встречу с ней взглядом. Когда я улыбаюсь, она улыбается в ответ. Протягиваю ей руку, она переплетает свои пальцы с моими. А когда она поворачивается ко мне, то появляется надежда, что, возможно, хотя бы на какое-то время она перестала сваливать меня в одну кучу с тем парнем, что попал в дереводробилку.

Глаза Оливии счастливо сияют, она выглядит страшно довольной, без притворства.

- Спасибо тебе за это. Ты очень талантливый агент по декретинизации.

- Ох, я бы сам такое не выбрал. Поверь. Но если это делает тебя счастливой, я не против.

Она скромно отводит взгляд, но потом возвращает его ко мне, не в силах противиться магнетизму, который влечет нас друг к другу.

- Это делает меня очень счастливой.

- Тогда давай с ним покончим, а?

Оливия изгибает одну бровь и улыбается. Похоже, отважная девчонка пробивается на поверхность. Она чувствует, что может одолеть весь мир, победить все, включая бывшего бойфренда.

Она готова к прыжку. А я настроен ее подхватить.

- Что ты задумал? - с притворной робостью спрашивает Оливия и облизывает губы.

Я оглядываюсь и определяю местонахождение табличек «туалет». Улыбаюсь Оливии, беру ее за обе руки и, пятясь сквозь толпу, двигаюсь к уборным. Взгляд прикован к Оливии.

Щеки у нее покраснелись, глаза широко раскрыты от возбуждения. Она не догадывается, что у меня на уме, но, думаю, не сомневается - дело рискованное. И кажется, ей это по душе, что придает мне отваги.

Пока мы уходим с танцпола, Оливия ни разу не оглядывается на парня за столиком, но я слежу за ним боковым зрением. Он говорит что-то своей девушке и встает, чтобы уйти. Кажется, он зол, я довольно ухмыляюсь.

вернуться

9

Оркин-мен - персонаж рекламных роликов про средства для истребления тараканов, который появляется со своим распылителем в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время.

Когда мы оказываемся в коротком коридоре рядом с уборными, я привлекаю Оливию к себе и целую. Она теплая и не противится. Через секунду уже запускает пальцы мне в волосы и прижимается ко мне грудью.

Я собирался всего лишь поцеловать Оливию на виду у этого придурка, но она уже позабыла о нем.

Теперь и я тоже.

Музыка стихает, и тут Оливия сгибает одну ногу в колене и трется ею о мою ногу. Я опускаю руку и глажу ее мягкую икру. Она кладет ладонь на мою руку и ведет ее к бедру. Я счастлив подчиниться и с удовольствием сжимаю совершенную во всех отношениях ягодицу.

Вибрация от стога Оливии распространяется по языку и устремляется вниз, отчего у меня

напрягается все, что ниже талии. Поцелуй, задуманный только для того, чтоб подразнить, будит страсть, и я не думаю больше ни о чем, кроме девушки, которую держу в объятиях.

Отвожу руку за спину и нащупываю ручку двери, чтобы мы могли проскользнуть в уборную. На секунду задерживаюсь – перевести дух и оглядеться. Мы в женском туалете.

Я запираю дверь и прижимаю Оливию к себе, опускаю руки и обхватываю сзади ее ноги, провожу ладонями снизу вверх, поднимая юбку.

Трусики еда прикрывают попу. Я глажу мягкую кожу, пробегаю пальцами по ложбинке между ягодицами, потом плотно прижимаю к себе ее бедра. Хочу, чтобы она почувствовала, что делает со мной.

Она тяжело дышит мне в рот и начинает возиться с пряжкой ремня.

Черт, зачем я надел ремень?

Помогаю ей расстегнуть на мне джинсы. Я уже собрался запустить в них руку, как вдруг Оливия отодвигает ее в сторону, обхватывает пальцами то, за чем я тянулся, и сжимает. Я едва не взрываюсь, когда она гладит меня от кончика до самого основания и обратно. Ее язык лижет мой, ее пальцы повторяют движения моих пальцев.

Я хватаю ее за запястье и останавливаю. Оливия смотрит на меня темными от страсти глазами, лицо ее горит, губы красные и припухшие, и мне хочется только одного – чтобы они обжимали и сосали.

Но не сегодня. Сегодня все для Оливии – прекрасной, сексуальной, отчаянной, страстной Оливии. Сегодня я хочу, чтобы она увидела то, что вижу я.

Я поворачиваю ее лицом к раковине, к единственному зеркалу в уборной. Она выглядит смущенной, глядит мне в глаза в отражении.

– Посмотри на себя, – говорю я, перекидываю ее длинные волосы на одно плечо и целую изгиб шеи. Она отклоняет голову, чтобы мне было удобнее. – Ты самая прекрасная девушка в этой комнате. – Провожу рукой по выступающей из-под одежды части живота, забираюсь под футболку. Нащупываю твердые соски, пощипываю их сквозь тонкую ткань лифчика, не сводя глаз с Оливии. Ее губы приоткрываются, и она стонет. – Так сексуально, – говорю я, массируя ее груди и стучаясь бедрами о полушария попки.

Переношу одну руку ей на живот. Юбка все еще задрана, и я вижу белую ткань трусиков. Провожу пальцами между ног Оливии и рычу, ощущая, что мягкий хлопок влажен.

– Любый мужчина умер бы, чтобы иметь такое хотя бы на одну ночь, говорю я, отодвигая ткань в сторону и проскальзывая под нее пальцами. Оливия закрывает глаза и откидывает голову мне на плечо. – Нет, я хочу, чтобы ты смотрела. Хочу, чтобы ты видела то, что вижу я. Я хочу, чтобы мы оба видели, как ты мне отдаешься.

Она послушно открывает глаза, трется бедрами о мою руку, аппетитно приоткрыв рот. Я немного отклоняюсь и кладу ладонь ей на середину спины, мягко нажимаю. Оливия наклоняется и инстинктивно упирается ладонями в края раковины, чтобы не упасть.

Наблюдая за ней, зацепляю пальцами эластичную ткань трусиков и стягиваю их к коленям. Глядя одной рукой мягкую ягодицу, я засовываю в рот палец другой руки, а потом запускаю

его между ног Оливии и вставляю глубоко в нее. Она стонет, и я чувствую, как ее горячее тело сжимает меня.

Взяв ее за бедра, я ввожу в нее свой конец. Сглатываю стон – она такая горячая и влажная, ее тело всасывает меня в себя, затягивает глубже внутрь.

Глаза Оливии опущены, будто она хочет проследить, как я вхожу в нее. Я не двигаюсь, и тогда она в зеркале вновь смотрит мне в глаза. Я киваю и вижу, как она переводит взгляд на свое отражение. И тогда я вонзаюсь в нее, сильно и до упора.

Оливия широко открывает рот, веки ее дрожат от наслаждения. Я остаюсь в ней, упиваясь тем, как плотно она меня обхватывает, и не двигаюсь, чтобы не ускорять ход событий.

Она открывает глаза и наклоняется вперед, отчего я почти полностью выскальзываю из нее. Потом, почти так же медленно, разгибается, вбирая меня в себя.

Держа ее за бедра, я предлагаю медленный темп, только так я могу выдержать и не кончить слишком быстро. Когда она подхватывает ритм, я запускаю пальцы между ее скользкими складками и вожу кончиками по затвердевшему клитору. Она начинает издавать тонкие сексуальные звуки, а я описываю пальцами маленькие круги. И когда нахожу место, которое ей больше всего нравится, она практически урчит от удовольствия.

Через пару мину чувствую, как ее тело сжимается вокруг меня, и понимаю: оргазм на подходе. Я учащаю ритм и активнее дразню ее пальцами. Когда ее дыхание становится неровным, а наслаждение выражается в более громких звуках, наклоняюсь вперед, беру ее рукой за волосы и мягко приподнимаю голову.

Говорю ей в ухо:

- Хочу, чтобы ты смотрела, как отдаешься мне, Оливия. Смотри, как ты прекрасна и сексуальна. Смотри, почему я так сильно хочу тебя.

Я безжалостно довожу ее до предела, пока она не переходит на крик, тут же закусывая губу, чтобы не шуметь. Мокрое от пота тело Оливии сотрясается в мучительных спазмах оргазма, которые приходят волнами, одна за другой.

Я вонзаюсь в нее, пока это не становится невыносимым. Чувствую приближение извержения и снова встречаюсь в зеркале взглядом с Оливией. Я едва могу дышать, так быстро бьется сердце.

- Видишь, что ты делаешь со мной? Хочу, чтобы ты смотрела мне в глаза, когда моя сперма потечет по твоим ногам.

От моих слов она включилась. Чувствую, как она сжимает меня всем телом, доводит до края. Все мышцы напрягаются, и я со стоном изливаюсь глубоко в нее.

Инстинктивно хочется закрыть глаза, но я заставляю себя держать их открытыми, привязанными к ее глазам. Она не отворачивается, ни на секунду.

Двигаясь медленно внутрь и наружу для завершения, чувствую, как из нее вытекает теплая жидкость, смачивая мои бедра. Я уверен, она это тоже чувствует.

Трусь о нее бедрами, и она улыбается.

Да, ты это чувствуешь. Не так ли, детка? И еще важнее, тебе это нравится.

Мое лучшее открытие за сегодняшний вечер? У Оливии под скромной, слегка сексуальной внешностью скрывается грязная девчонка.

И я намерен ее освободить.

25

Оливия

Кэш не может убрать от меня руки, пока я пытаюсь собрать себя в кучку и выйти из туалета. Знаю, мне следовало бы волноваться или стыдиться, – завтра, вероятно, так и будет. Но прямо сейчас я в изумлении. За всю жизнь у меня не было еще такого умопомрачительного, потрясающего сексуального опыта.

Я думаю, тогда ко мне в комнату, наверное, приходил Нэш. Но, основываясь на сегодняшней истории с Кэшем... Вот черт! Ведь Кэш не спрашивал, предохраняюсь я или нет, а это заставляет думать, что он уже знал. Следовательно, той ночью у меня в спальне был он.

Но нужно иметь в виду, что импульсивные выходки в характере Кэша. Такой парень, как он, вероятно, решил бы, что раз я сама ничего не говорю, значит проблема контроля над рождаемостью решена.

И вновь открытое поставило передо мной еще больше вопросов. Но в данный момент меня это не волнует. Я поглощена Кэшем. Все еще чувствую его прикосновения, помню его запах. Я все еще... чувствую его, и это ощущение, надеюсь, никогда не исчезнет. Выбросить Кэша из головы прямо сейчас я не в состоянии, ну и ладно, пока что.

Я второй раз поправляю волосы, а Кэш стоит за спиной и гладит мой голый живот. В трусах мокро, и при таком раскладе едва ли они когда-нибудь просохнут.

Он гладит меня по волосам, потом откидывает их с шеи и начинает тереться о нее носом:

– Нам что, правда надо уходить отсюда?

Я прыскаю со смеху:

– Уверена, найдутся люди, которым понадобится зайти в уборную раньше, чем закончится ночь.

– Да пошли они. Тут есть еще одна.

Я хохочу во все горло.

– Где ты остановился?

Он поднимает взгляд и смотрит на меня в зеркало:

– Найду какую-нибудь гостиницу. А что? Хочешь зайти ко мне в гости?

Хм, черт, да!

Я так думаю, но не говорю. А вместо этого разворачиваюсь у него в объятиях.

- Слушай, ты приехал сюда, чтобы помочь мне. Самое меньшее, что я могу сделать для тебя, - это предложить ночлег. Но там будет мой отец, так что...

- Так что нам придется соблюдать тишину, - шепчет он, комично двигая бровями.

Я молча улыбаюсь, не подтверждаю и не опровергаю, что возможен еще секс. Но он будет. Если Кэш так старается, определенно будет.

Мы медленно идем к двери. Я набираю в грудь воздуха и щелкаю замком.

- Ты первая. Я подожду несколько минут, чтобы все не было так очевидно, - рассудительно предлагает Кэш.

Я ухмыляюсь:

- Хм, уверена, сомневающимся будет не много, но все равно мило, что ты заботишься.

Я собираюсь открыть дверь, но Кэш твердо кладет на нее руку. Оглядываюсь, и он впивается губами в мои губы огненным поцелуем, который заставляет меня заново обдумать предложение остаться в уборной.

Но, увы, мы не можем.

Остаток вечера прошел прекрасно, давно, очень давно мне не было так хорошо. Кэш рядом, все время потихоньку трогает меня, опаливая кожу своими касаниями. Мы обмениваемся понимающими улыбками и взглядами, что оживляет в памяти разные моменты из происшедшего в уборной. Не то чтобы воспоминания без этого померкнут. Я уверена, они будут так же свежи, когда мне исполнится сто девять лет и я стану забывать, куда положила свои вставные зубы. Но Кэш... в дамской комнате... в зеркале... навсегда останется со мной.

Мы больше не прикасаемся к выпивке - ни я, ни он. Думаю, мы оба хотим сохранить ясность сознания, чтобы не разрушить магию этой ночи. Когда все напраздновались до упаду, Кэш провожает меня до машины Джинджер, чтобы я отвезла ее домой. Я уже совсем протрезвела. И так счастлива.

- Я поеду следом и потом подвезу тебя до дома.

- Ладно, - с широкой улыбкой соглашаюсь я. Кажется, уже никогда не перестану улыбаться.

Кэш быстро целует меня в губы, и мы расстаемся. Всю дорогу до дома Джинджер я поглядываю в зеркало заднего вида на фару одинокого мотоцикла, который едет за мной.

И улыбаюсь. Конечно улыбаюсь.

- Ну что, теперь мы вроде знаем, которого из двух ты выбираешь, Лив, - полусонно бормочет Джинджер с пассажирского сиденья. Я подсказываю. Мы уже почти у дома, а она в первый раз раскрыла рот. Я думала, она вырубилась.

- Почему ты так решила?

- Потому что он плохой парень. А мы обе знаем: ты всегда выбираешь таких.

Нанеся мне этот удар, она роняет голову набок.

Я вечно клюю на плохих парней. И всегда потом жалею. Неужели я совершаю ошибку с Кэшем?

Слова Джинджер преследуют меня с того момента, как я выгрузила ее из машины, и до того, как проводила Кэша в его комнату после поездки ко мне домой на мотоцикле. Невинный поцелуй, и я оставляю его на ночь.

Он кладет руку мне на плечо, не давая уйти, и шепотом спрашивает:

- Что случилось?

Ему наверняка любопытно, с чего это я ухожу без него. Он видел, что отец спит на своей койке внизу.

Пытаюсь вложить в улыбку хоть сколько-нибудь сердечности, но понимаю – не получается.

- Ничего. Увидимся утром. Отдыхай.

Иду в свою комнату, плотно прикрываю за собой дверь и готовлюсь ко сну. Проходит больше часа, но мне не уснуть, и я решаю принять душ, надеясь, что это меня освежит и успокоит. Может, это грязь из бара не дает мне отключиться.

Стою под горячими струями воды и стараюсь не думать ни о чем, как вдруг слышу звяканье металлических колец о планку, на которой висит занавеска. Протираю глаза и вижу Кэша – он входит ко мне под душ.

От вида его обнаженного тела у меня слегка съезжает крыша. Он еще прекраснее, чем я себе представляла. Широкая грудь покрыта легким ровным загаром, выделяется только татуировка на левой части. Живот плоский, с рельефными мышцами; сильные длинные ноги. Ничто не разочаровывает в нем, включая несколько твердых, горделиво выпячивающихся дюймов, которые заставляют все мои внутренности подрагивать.

Понимаю, что пялюсь на него во все глаза и не могу оторваться. От одного его вида становлюсь влажной и ко всему готовой.

Палец приподнимает мое лицо за подбородок. Кэш смотрит на меня серьезно и ласково, лицо у него невероятно красивое.

- Ты так много переживаешь. Может, просто доверишься мне?

Его глаза сверлят дырки в моих. Я так хочу его, но сомневаюсь, разумно ли уступать ему.

Если бы только он был немного как Нэш...

- Не знаю, – честно признаюсь я.

Он понимающе кивает:

- Ты узнаешь. Я обещаю.

И потом целует меня. Этот медленный, глубокий поцелуй несет в себе эмоции и смысл, которые я не в состоянии хоть как-то интерпретировать.

Я отстраняюсь, чтобы что-то сказать, но он прижимает палец к моим губам:

- Ш-ш, просто позволь мне любить тебя, ладно? Не думай, только ощущай.

Его порочные темные глаза неизмеримо глубоки, в них искренность. Проходит несколько секунд, и я киваю. Он улыбается и снова целует меня. Нежно.

Губами и языком он собирает воду с моей шеи, с сосков, с живота. Встает на колени у меня между ног и доводит меня до края экстаза дважды, оба раза останавливаясь, будто чего-то дожидаясь.

Когда я в третий раз готова взорваться, он встает и вновь целует меня, подхватив под бедра, поднимает и прижимает к стене душевой. Он насаживает меня на свой стержень, засовывает язык мне в рот и повторяет им движения нижней части тела.

Мы кончаем вместе. Он принимает в себя мои стоны, без сомнения, из уважения к моему спящему отцу. Когда все закончилось, он продолжает оставаться во мне, поддерживая меня руками, поворачивается и подставляет под струи душа. Теплые, как руки массажиста, они успокаивают меня. Я почти засыпаю, положив голову ему на плечо.

Опустив меня, Кэш выключает воду и берет полотенце, которое я положила для себя. Он вытирает меня с головы до ног, а потом относит в комнату и кладет на кровать голой.

- Засыпай, - тихо говорит он. - Не думай больше. Увидимся утром.

И потом он уходит.

А я погружаюсь в сон.

26

Кэш

Просьпаюсь со вставшим членом и мыслью об одной-единственной девушке. Сквозь занавески едва пробивается свет зари. Знаю, что не должен будить Оливию, но почти боюсь не сделать этого. У нее все так запутано в голове, что неизвестно, с какими мыслями она проснется.

Поэтому я иду к ней.

Чуть-чуть приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Внизу похрапывает отец Оливии, поэтому я выскальзываю из комнаты, крадусь по коридору и тихонько вхожу в ее спальню.

Двигаюсь бесшумно. Оливия дышит глубоко и ровно. Это хорошо. Она лежит на боку, отвернувшись от меня. Сбрасываю джинсы и приподнимаю одеяло ровно настолько, чтобы забраться под него. Пристраиваюсь позади Оливии и жмусь к ее спине.

Во сне она елозит по мне ягодицами и придвигается ближе. Я закусываю губу, чтобы не издавать никаких звуков. Оливия голая, изгиб ее бедра соблазняет меня.

Обхватываю Оливию рукой и беру за грудь. Даже во сне ее тело отзывается, сосок твердеет. Я легонько пощипываю его, Оливия тихо стонет и снова тыкается в меня попой. На этот раз я отодвигаюсь чуть назад и ударяю в ее бедра своими.

Тянусь вперед и целую Оливию в шею, а рукой провожу по ее плоскому животу к островку коротко стриженных волос, который волнует меня больше всего. Оливия послушно раздвигает ноги, чтобы я мог просунуть пальцы между ее складками. Медленно, мягко потираю ее, пока

ее бедра не начинают двигаться в одном ритме с моими пальцами.

Засунув палец глубже, чувствую, что она уже сочится влагой. У меня все подпрыгивает от предвкушения, и я повторяю изгиб ее тела своим.

Захватываю рукой бедро Оливии и кладу ее ногу сверху на свою. Теперь воротца открыты достаточно, чтобы я мог проникнуть в нее сзади. Только вставив себя в эти тесные ножны, я смогу удержаться от рыка страсти. Делаю глубокий вдох, чтобы не выдать себя звуком. Оливия давит на меня бедрами, помогая проникнуть в нее глубже. Не знаю, это намеренное движение или инстинктивное. Я так и не понял, спит она или все-таки проснулась.

Пробираюсь пальцами обратно к средоточию влаги и довожу ее до оргазма, одновременно медленно вдвигаясь во влажный жар и выходя из него. Когда ее мышцы начинают сжиматься вокруг меня, она хватается меня рукой за бедро и придавливает к себе.

Она не спит.

Слышу, Оливия задерживает дыхание, а потом хватается ртом воздух. Чувствую спазмы, слышу тихое дыхание с открытым ртом. Держу ее крепко, чтобы не двигалась, и въезжаю в нее тверже, тверже.

И вот настает чувственный взрыв, я кончаю в нее. Не успев ничего понять, впиваюсь зубами в ее плечо. Это, похоже, возбуждает Оливию. Она закидывает руки назад и хватается меня за волосы, тянет к себе несильно, а я содрогаюсь в ней.

Черт, не могу дождаться, когда она меня отпустит. Хочу видеть ее лицо.

27

Оливия

Я не могу сдержать улыбку. Опять. Пусть в глубине сознания мутно от сомнений, невозможно думать о плохом, когда я лежу на груди у Кэша и обвожу пальцем контуры татуировки.

- Что это значит? - спрашиваю шепотом.

- Это китайский символ, вызывающий благоговейный трепет, - отшучивается Кэш.

Я хихикаю:

- Если это и не так, а я думаю, это не так, то должно быть так.

- Ты делаешь мне комплимент? Я хочу понять, чтобы не пропустить его.

Шлепаю его по ребрам:

- Ты намекаешь, что я ужасно эгоистична, раз не падаю к твоим ногам?

- Тебе не нужно падать к моим ногам просто так. Хотя, если хочешь, я могу придумать, чем тебе там заняться.

Я смотрю на него, а он смешно шевелит бровями.

- Не сомневаюсь, с тебя станется. - Покачав головой, уютно устраиваюсь у него на груди и

продолжаю водить пальцем по татуировке. – Ну правда, что это означает?

Кэш долго молчит. Я начинаю сомневаться, ответит ли он мне вообще. Но наконец он заговаривает:

– Это коллаж из разных вещей, которые напоминают мне о моей семье.

Я рассматриваю отдельные детали рисунка и не могу различить никаких определенных образов. Обвожу пальцем ту часть, которая похожа на темные пальцы:

– А это?

– Это огонь, который забрал их от меня.

Я привстаю, опираясь на локоть, и смотрю на Кэша:

– Что ты имеешь в виду?

Он смущен, но через пару секунд отвечает:

– Моя мать погибла при взрыве на яхте, который должен был уничтожить всю мою семью. Отец осужден за ее убийство. Мы с братом очень... разные. Так что огонь во многих смыслах забрал мою семью. Мой дом. И я остался один.

Вспоминаю, как Нэш рассказывал мне о своем отце, который сидит в тюрьме за убийство. У нас больше не было возможности поговорить об этом, и я не знала, что его мать погибла и вина пала на отца.

Конечно, мне хочется знать больше. У меня тысяча вопросов, но я не стану торопить события.

– Ты не хочешь... поговорить об этом?

Кэш отвечает улыбкой – вежливой и печальной:

– Не очень. Если ты не против. Не будем портить день, который начался так замечательно. – Улыбка становится широкой, когда Кэш тянет руки вниз и обхватывает мои ягодицы. Чувствую, как его конец твердеет и упирается мне в живот; половиной тела я лежу на Кэше.

Я тоже расплываюсь в улыбке:

– Придется тебе поохладить свой пыл. Отец скоро проснется, а я не упоминала, что он метко стреляет из пистолета.

– В таком случае, может, лучше позавтракаем?

Я хохочу:

– Мудрое решение, мой отважный герой.

– Не смейся. Какая тебе будет от меня польза, если твой отец отстрелит мне хрен?

Я ничего не говорю, только улыбаюсь. Но внутри у меня все замирает. Я уже думаю о том, что у Кэша очень много достоинств, кроме умения проявить себя под одеялом. Он обаятельный и остроумный, обходительный и страстный, умный и изобретательный. В нем масса

восхитительных качеств, которые не имеют ничего общего с доблестью в спальне.

И в общественной уборной. И в душевой.

От этих мыслей у меня вдруг стало легко на душе.

Кэш по-тихому пробирается в свою комнату, а я иду под душ. Опять. На этот раз мне действительно необходимо помыться.

Я все время улыбаюсь. На моем теле нет ни одного места, не помеченного Кэшем. Намыливаюсь, тру себя мочалкой и отдаюсь этому, бесспорно приятному, чувству. По крайней мере, в данный момент.

Реальность вновь грозит вторжением в идиллию. И я снова отметаю ее. Безжалостно. Неумоимо. Я буду разбираться с этим в понедельник. А на выходные беру тайм-аут – передышку от мудрствований, рассуждений о последствиях и звучащей в голове разноголосицы. Эти выходные я посвящаю нам с Кэшем и нашей безумной страсти.

Облачившись в джинсы с обрезанными штанинами, типа шорты, и футболку с надписью «Мальчики лучше книг», спускаюсь по лестнице. Сцена, которую я застаю, меня слегка удивляет.

Отец сидит за кухонным столом, положив загипсованную ногу на соседний стул; за спиной у него стоят прислоненные к стенке костыли. Побриться он сегодня явно не успел – на щеках отросла щетина. Но это мелочи. Самое удивительное, что он без умолку болтает с Кэшем, а тот, похоже, готовит завтрак.

Смотрю на них и чувствую, как в груди бурлит тысяча разных чувств. Разве я звала их? Мне от них одни проблемы. Бедное мое сердечко.

«Если бы только ты был больше похож на Нэша», – думаю я, наблюдая, как Кэш добавляет специи к яйцам, а отец руководит его действиями.

– Доброе утро, – говорю я, сияя, и пытаюсь скрыть тягостное чувство, которое погружает мое сердце в пучину отчаяния.

Оба они – отец и Кэш – поворачиваются и приветствуют меня радостными, светлыми улыбками. Кэш подмигивает, стоя у плиты; у меня внизу живота все схватывает от вожделения. Да уж, этот парень горяч, что отпираться. Чертовски горяч. Может быть, горячее, чем плита, на которой он готовит завтрак.

Я бросаюсь помогать и полностью погружаюсь в это волшебное утро, по сюрреалистичности не уступающее картинкам Рокуэлла Кента. Уплетая яичницу с беконом и блины, запивая все это кофе, я понимаю, что отныне и навсегда каждое утро в моей жизни будет соотноситься с этим. И вероятно, достигнутый уровень никогда не будет превзойден.

Проклятье!

Вымыв посуду после завтрака, Кэш помогает отцу пересест в кресло, и мы отправляемся в сарай. По пути Кэш засыпает меня вопросами о выращивании овец. Я стараюсь отвечать быстро и по возможности кратко, хотя это трудно – уместить в трехминутный рассказ знания и опыт, накопленные в течение целой жизни.

- И что же мы будем делать сегодня?

- Мы пойдем искать ягнят. Овцы, чтобы родить ягненка, уходят куда-нибудь подальше, в лес или в поле. Нам нужно проверить, здоровы ли ягнята, чтобы быть спокойными и знать, что наша помощь не нужна. Я буду записывать их и от какой они овцы. В итоге мы пойдем, когда их можно будет клеймить, купировать хвосты овечкам и перевязывать яички барашкам.

- Купировать хвосты? Перевязывать яички? Зачем? - спрашивает Кэш, ужасаясь таким варварским формулировкам.

- Мы купируем хвосты овцам, потому что так они чище и им легче, когда дело доходит до родов. Это на пользу и матери, и детенышу. Кроме того, так их легче отличать от молодых барашков.

- А что касается самцов, мы нейтрализуем их, потому что... ну, ты сам понимаешь, что они начнут вытворять, если мы не примем меры.

Когда первое жуткое впечатление от описанных процедур проходит, Кэш криво улыбается и поводит бровью:

- Да уж, я представляю!

Улыбаясь ему, я перекидываю ногу через широкое, мягкое сиденье квадроцикла, хлопаю по нему ладонью позади себя и говорю самым свирепым тоном, на какой способна:

- Теперь моя очередь рулить.

Кэш вскидывает бровь - мне это ужасно нравится - и медленно усаживается позади меня, скачком подвигается ближе, берет меня за бедра и вплотную прижимает к своим ногам, разведенным в форме буквы «V», потом прижимается грудью к моей спине. Я ощущаю его каждым сантиметром своего тела, задней его части. Кэш обхватывает меня руками за талию и намеренно кладет ладони на низ живота, чтобы у меня все внутренности сжались спазмом вождления.

Его губы шепчут мне в ухо:

- Готов, как и ты.

Дрожащими пальцами поворачиваю ключ зажигания. Повышаю обороты двигателя и понимаю: больше оборотов, чем выдает сейчас мое либидо, он накрутить не способен. Если Кэш не охладит меня, меньше чем через час я буду сидеть в луже.

Выезжаю из сарая и почти сразу останавливаюсь, чтобы открыть ворота. Навстречу выбегает один из наших пастушьих псов. Я опускаю руку и треплю его огромную белую голову.

- Соломон! Как ты, мальчик? - спрашиваю горного пиренейца [10].

Наклоняюсь, и пес энергично лижет мою щеку, потом отходит назад, давая мне возможность открыть ворота и выкатить квадроцикл. Кэш слезает и запирает ворота, и это повторяется из раза в раз, у каждого ворот на каждом огороженном участке стосемидесятиакровой фермы, где прошло мое детство.

Я везу нас вверх и вниз по знакомым с малых лет дорожкам, показываю Кэшу разные места,

которые, как я думаю, могут его заинтересовать. Он задает несколько уместных и тонких вопросов, не оставляя у меня сомнений в том, что по умственным способностям не уступает Нэшу.

Умный и красивый. Черт его возьми.

Кэш помогает мне искать овец с ягнятами. Несколько раз он показывает на тех, которые родились весной. Кэш не провел рядом с овцами всю жизнь и не может с первого взгляда определить по внешнему виду разницу в возрасте ягнят. Но я различаю их сразу.

В конце объезда мы обнаруживаем семерых ягнят, родившихся в конце сезона. Это результат активных действий Рэмбо, одного из наших баранов. Ему в очередной раз удалось сбежать из загона и добраться до овечек. Как правило, отец следит за тем, чтобы овцы спаривались в определенные месяцы, тогда ягнята появляются весной. Но время от времени случаются всякие сюрпризы, и список детенышей неожиданно пополняется.

Я сделала запись о каждом найденном ягненке. Отец рассчитывал, что их будет штук семь или девять. О чем это говорит? Или мы найдем еще двоих завтра, или где-нибудь обнаружатся мертвые.

Хоть мне это и не в новинку, сердце все равно сжимается. Ничего нет хуже, чем терять ягнят.

На обратном пути мы видим еще двух собак и ламу по имени Педро. Конечно, Кэш отпускает шуточки по поводу каждого животного. Я безудержно хохочу от каждого остроумного замечания.

Что-то я сегодня слишком беспечна. Это меня беспокоит. Несмотря на все предполагаемые опасности, я все сильнее увлекаюсь Кэшем. Это как смотреть на горизонт и видеть, что область новых чувств лежит там, за ним. Вместе со зловещими грозowymi тучами. Для меня это было бы слишком просто – представить, как в один прекрасный день мы с Кэшем вступаем во владение фермой. Вместе.

Начать так думать – это настоящая катастрофа.

Вместо того чтобы ехать домой, я везу нас к северному амбару. Играть с Соломоном на каждой остановке – грязное дело, потому что он грязный пес. Плюс езда по высокой траве накладывает на один слой грязи новый, потому что оттуда выскакивают букашки-гаракашки и летит всякий сор.

Поэтому я рулю к амбару, где мы можем помыться. Это ближайшее место с проточной водой.

Я даю Кэшу освежиться первым. Потом умываюсь сама: ополоснув лицо и руки, смачиваю водой бумажное полотенце, чтобы обтереться им, – провожу по груди и шее, потом снизу вверх по рукам.

Покончив с обтиранием, я собираюсь выбросить полотенце в мусорный бак и вижу Кэша, который наблюдает за мной. Он стоит, прислонившись спиной к стене, и, сложив руки на груди, смотрит на меня. Улыбки на лице нет, но это выражение постепенно становится мне знакомым: жар в глазах, темный, опасный взгляд, который способен испепелить меня, если я не проявлю осторожность.

Я останавливаюсь. Не намеренно, а потому что чувствую, как мир смещается у меня под ногами, когда Кэш расцепляет руки и медленно идет ко мне. Чувствую себя львицей, которую

лев выбрал себе в качестве партнерши и теперь к ней подкрадывается.

Кэш останавливается передо мной. Он ничего не говорит, просто наклоняется, подхватывает меня на руки и несет к квадроциклу.

Я заезжаю на вершину холма. С трех сторон ее обступает лес. Внизу, на поле, только трава – ни людей, ни посторонних глаз. Только трава. Высокая-высокая трава тихо покачивается под теплым ветерком.

Кэш забирается на квадроцикл и сажает меня себе на колени, несколько секунд пристально смотрит мне в глаза, как будто видит только меня. И я вижу только его. В этот миг кажется, что мы совсем одни в целом мире и каждый полностью поглощен другим. Больше ничего не существует.

Страшновато, но мне нравится. Только он и я. Больше никого.

Взяв в ладони мое лицо, Кэш целует меня. Это не хищный поцелуй, но есть в нем что-то глубокое, не поверхностное, выжигающее меня изнутри. Как будто он пытается вобрать в себя часть моей души, взять больше, чем просто физическое ощущение.

Умелыми руками Кэш расстегивает мои шорты и гладит рукой голый живот. По ногам бегут мурашки, а тело загорается огнем. Кажется, у меня под кожей бурлит вулкан с горячей лавой, когда Кэш рядом.

Он обвивает меня одной рукой, приподнимает, стаскивает с ног шорты и трусы, а потом засовывает их под сиденье. Все это он проделывает молча. И ощущение опасности от его близости, от того, что я разрешаю ему брать себя, где он захочет, сохраняется.

Но я поддаюсь. Мне приходится. Я беспомощна против этого. По крайней мере, сегодня. Может быть, завтра такого не будет. Но сегодня я уступаю.

Не сводя с меня глаз, Кэш немного отодвигается назад и расстегивает молнию на штанах. Я невольно опускаю взгляд и упиваюсь его совершенством.

Уверенным движением пальцев я вытаскиваю толстый стержень и глажу по всей длине затвердевший атлас. Слышу стон Кэша и замечаю блестящую каплю, которая появляется из головки. Соскальзываю с сиденья, наклоняюсь и прикасаюсь языком к его концу, снимаю каплю. Лижу его снова.

Смыкаю вокруг него губы и чувствую, как Кэш захватывает в кулаки мои волосы. Не могу забрать его в рот сильно, поэтому лижу и целую по боками, спускаюсь и поднимаюсь, держа в руке его шарики, дразню губами и языком.

Потом Кэш поднимает меня, целует. Залезает мне в рот языком и пробует себя на вкус в моей слюне. Грубо хватает меня за ноги, поднимает, и я оказываюсь сидящей на нем верхом. Потом елозит бедрами и насаживает меня на себя.

Не могу сдержать крик наслаждения, который срывается с губ. Кажется, он вырвался из какой-то невероятной глубины. Против моей воли.

Я скачу верхом на Кэше в ярком солнечном свете, оба мы дышим широко раскрытыми ртами, вдыхаем свежий воздух. Кэш покусывает мне мочку уха, я издаю стон. Хнычу, когда он задирает мою футболку и сквозь лифчик впивается в сосок. Он говорит, как ему хорошо внутри

меня. Шепчет, что? мечтает сделать со мной.

Мне не нужно, чтобы Кэш признавался, что думает только обо мне, обо мне одной. Это написано у него на лице, чувствуется в его поцелуях. Сейчас он весь мой. А я его.

Поглощенная страстью, его глазами, его касаниями, я теряю связь с реальностью, как вдруг мое тело содрогается в сладких спазмах оргазма. Единственное, что я чувствую: Кэш дышит мне в ухо и кончает одновременно со мной. С каждым ударом пульса в меня выстреливает жар, усиливая наслаждение.

Я не дышу, руки и ноги плотно обвиты вокруг Кэша. Он часто дышит, чувствую тепло его дыхания на горле, руки сцеплены у меня за спиной, прижимают меня.

Я могла бы сидеть так целую вечность.

Если бы только Кэш был совместим с вечностью.

Он крепче сжимает меня в объятиях, как будто знает, о чем я думаю. Я вздыхаю рядом с его шеей. Надеюсь, он ничего не знает.

вернуться

10

Пиренейская горная собака – порода, выведенная во Франции для охраны стад.

28

Кэш

Поездку из Солт-Спрингса в Атланту воскресным вечером не назовешь роскошной. Я имею в виду, что мы вдвоем сидим на мотоцикле. Но все же Оливия, кажется, устроилась удобно: положила щеку мне на спину, бедрами прижалась к моим, в общем, прильнула ко мне.

Только мне кажется, что она недовольна, опять заиклилась на какой-то мысли. И я не знаю, что с этим делать.

За выходные мы раз десять занимались любовью, и я только и думаю о следующем разе, о том, что сделаю с ней, для нее, ради нее. Кажется, мне никогда ею не насытиться.

Все портит ощущение, что каждый раз у нас с ней будто последний. Как будто она что-то утаивает. Я это чувствую. Иногда вижу в ее глазах, когда застаю врасплох. Когда у нее не хватает времени спрятаться за улыбкой. Думаю, я знаю, что это такое. Но не уверен, смогу ли справиться, способен ли устранить это препятствие между нами.

Подъехав к дому, ставлю байк на подножку, но мотор не выключаю. Что-то подсказывает: Оливия меня в дом не пригласит.

И она не приглашает.

- Не знаю, как тебя благодарить за все, что ты сделал за эти дни.

Она меня благодарит?

Я улыбаюсь своей обычной беспечной улыбкой:

- О, поверь, для меня это было огромное удовольствие.

Оливия тоже улыбается, но улыбка ее подернута печалью. И, может быть, обреченностью. Думаю, у нее в голове наша история закончилась, еще не начавшись. Вопрос в том, смогу ли я изменить ее настроение? И как?

Даже я заметил неловкость молчания, а я на такое никогда не обращаю внимания. Очень небольшое может меня обеспокоить. Но это беспокоит.

Мне нужно время подумать. Но надо быть уверенным, что Оливия не станет делать того же. Вот где для меня начинаются проблемы. У нее в голове.

- Значит, ты говорила, что сможешь посмотреть кое-что в клубе на неделе, не в свою обычную смену. Может быть, завтра вечером? Тебе не придется задерживаться допоздна.

Судя по всему, я расстроил планы Оливии. Она, похоже, уже придумывала способы избегать меня. Но этого не должно случиться. Я превозмогу все ее тревоги и беспокойства, не оставлю ей ни единого шанса.

- Принимаю твое молчание за согласие. К тому времени ты получишь назад свою машину. Я пригоню ее завтра утром.

Следить за выражением ее лица - все равно что наблюдать за детьми, играющими в «Царя горы». И Оливия - тот, кто лежит в самом низу и вот-вот задохнется под грудой навалившихся сверху тел. Знаю, мне должно быть стыдно, что я заставляю ее испытывать такие чувства, но мне не стыдно. Совсем. Она вбила себе в голову, что я для нее плох. А это абсолютная неправда. На самом деле чем дольше я знаю Оливию, чем больше времени провожу с ней, тем сильнее становится во мне убеждение, что именно я ей и нужен в жизни. Она просто пока этого не знает. Но она поймет. В конце концов я должен сказать ей правду. Но я буду ждать, сколько смогу. В противном случае произойдет катастрофа.

Наконец Оливия кивает:

- Ладно. Звучит хорошо. И спасибо тебе. Еще раз. Кэш, я не знаю...

- Эй, перестань. Может, ты теперь поймешь, что я не так плох.

Вижу, она готовится ответить, поэтому целую ее приоткрытый рот, надеваю шлем и отъезжаю.

Самое лучшее, что я могу сделать, - это держать ум этой девушки - и ее рот - занятыми.

Это должно быть забавно.

29

Оливия

И что, черт возьми, мне теперь делать?

Падаю на кровать лицом вниз. Да, ну и вляпалась. Кэш не тот парень, в которого мне надо

влюбляться.

Кажется, я сама не представляла, что могу так увлечься им. Нет, правда. Конечно, Кэш сексуален и любит пофлиртовать, он веселый, и мне льстит его внимание, но я и подумать не могла, что, если мы с ним действительно займемся сексом, это так быстро превратится в... это. Как его ни называй.

Большой ошибкой было провести с Кэшем так много времени дома. С отцом. В единственном месте на свете, которое для меня вроде святилища. Но я впустила его туда, и он был так мил и так вписался в обстановку, что я тут же попала в все ловушки сразу и все стереотипы сработали.

Черт!

Как будто мать завладела большей частью моего мозга, я вдруг замечаю, что мысленно ставлю галочки рядом с негативными качествами Кэша и позитивными Нэша, сопоставляю их, и братья сходятся в смертельной схватке.

Хотелось бы мне выключить ее голос, звучащий в голове и заявляющий: с Кэшем у тебя ничего не выйдет, не такой тебе нужен; а вот Нэш – это само совершенство. Почти явственно слышу эти ее словоизлияния.

И она права.

Нэш меня хочет. Это обнадеживает. Но он не свободен. Этот факт быстро перевешивает соображение, что он борется с собой, старается быть честным с Мариссой. Даже если она холодная, гадкая змеюка, а не девчонка.

Понимаю, мои рассуждения не слишком логичны. Я будто на пятом уровне в игре «Дефкон» – охвачена паникой из-за своих чувств к Кэшу. Но как бы я ни старалась, мне все равно не выйти из штопора. Голос матери звучит напористо, ее когти вцепились в меня крепко. И встреча с Гейбом в выходные ничего не меняет.

Целая буря протестов, и все против Кэша. А в результате что? Хаос.

Не успев подумать дважды, что делаю, набираю номер Нэша. Может быть, хоть с ним смогу разобраться до конца. Так или этак. Есть мне тут что ловить или нет. Не могу больше цепляться за него, если мне ничего не светит.

Поначалу мне становится легче: Нэш не отвечает. Но потом, когда он наконец поднимает трубку, я рада слышать его голос.

- Нэш, это Оливия. Прости, что беспокою тебя так поздно. Ты не занят?

- Нет, просто я только вхожу в дом. Что-нибудь случилось?

С чего мне начать? Даже не знаю, что теперь ему сказать.

- Нет, все хорошо. - Делаю паузу, чтобы собрать раскатившиеся по углам, как просыпанный горох, мысли. - На самом деле – нет, не все хорошо. Ты не мог бы зайти ко мне?

- К тебе? Сейчас?

Что-то в его голосе – какая-то нотка замешательства – почти выводит меня из состояния

полусумасшествия. Почти, да не совсем. Я отбрасываю сомнения и несусь дальше.

- Да. Сегодня. Чем скорее, тем лучше.

- В чем дело, Оливия? Ты меня пугаешь. Что-нибудь случилось? Мой брат тебя обидел?

Слышу надрыв в его голосе, и мне становится стыдно. Секунды три или четыре я соображаю, отчего у Нэша могла возникнуть такая мысль.

- Что? Кэш? Нет. О боже, нет! Ничего такого даже близко не было.

Почему он об этом спросил? Неужели и правда настолько плохо думает о своем брате – родной плоти и крови?

Слышу вздох Нэша:

- Ладно, хорошо. Буду у тебя минут через двадцать.

- Отлично. Спасибо. Жду тебя.

И я жду. А пока жду, хожу взад-вперед. Не таким уж размеренным шагом, могу добавить. Я разрываюсь между двумя вариантами, оба ужасные: смело поговорить с Нэшем или ехать в Сибирь.

К моменту, когда раздается звонок в дверь, Сибирь выглядит для меня предпочтительнее.

Распахиваю дверь, совершенно не готовая к тому, что увижу Нэша таким. Он, наверное, работал допоздна. Одет в черный костюм, который сидит на нем великолепно. Ярко-красный галстук сдвинут набок, волосы растрепаны, отчего он еще больше похож на Кэша. Это Кэш из моих мечтаний. Кэш, в котором чуть-чуть больше Нэша.

Почему они не могут оба немного больше походить один на другого?

На этот мысленный вопрос я отвечаю: «Потому что тогда ты хотела бы их обоих. Прямо как сейчас. Только без всяких сдерживающих обстоятельств».

Тряхнув головой, я отступаю назад и пропускаю Нэша в дом. Он медленно подходит к дивану и плюхается на него, как будто сильно устал. Я присаживаюсь на краешек на другом конце и смотрю на Нэша:

- Тяжелый день?

- Так, местами.

Я с трудом сглатываю:

- Прости, что позвонила тебе так поздно.

- Это ничего. Я еще не ложился. Кроме того, я же сам сказал, чтобы ты звонила, если что понадобится.

Я вглядываюсь в него, в его лицо, которое теперь кажется мне таким знакомым. Странно только соотносить его с другим человеком – с Кэшем. Трудно не ощущать тепла, которое льется потоком из этих искрящихся в темноте глаз.

Нэш вопросительно приподнимает брови. Мол, что же я молчу?

- Так что случилось?

Никогда уже не разберусь, что на меня нашло. Секунду недоумеваю, какого черта я делаю. Но в следующий миг выдаю такой «конфузизм»:

- Нэш, ты меня хочешь?

Если бы я сама не была так шокирована тем, что только что вылетело у меня изо рта, то выражение его лица показалось бы мне комичным. Но сейчас у меня внутри все замирает.

- Что?

Я скачком подвигаюсь к Нэшу и кладу ладонь ему на руку для выразительности:

- Ты меня хочешь?

- Думаю, мы уже определились с ответом на этот вопрос. О чем ты, Оливия?

Я в замешательстве. Признаюсь. Даже предварительный план не был мною обдуман, не говоря уже о собственно плане. Поэтому я импровизирую на ходу. Что в данном случае означает - нападаю на Нэша.

Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его губам. Не знаю, кто из нас сильнее шокирован - Нэш или я. Сперва его губы, накрытые моими, холодны. Возможно ли большее унижение?! Но потом он вздрагивает и отстраняется, будто обжегся.

Нэш хватает меня за предплечья так, что пальцы впиваются в тело, и смотрит мне прямо в глаза. Несколько секунд, могу поклясться, я вижу в них боль и злобу. Тем не менее это ничего для меня не меняет. Но потом, когда я моргнула, все прошло, осталось только удивляться, придумала я это или как?

Губы Нэша изгибаются - это горькая ирония.

- Так вот как это бывает, - загадочно произносит он. Я пытаюсь высвободить руки; от нажима его пальцев становится действительно больно. Но он меня не отпускает, а вместо этого затаскивает к себе на колени и грубо берет за лицо. - Ты этого хочешь?

Не успеваю ответить, как он впивается в мои губы. Не мягко, не страстно, даже не сексуально, а зло, холодно, будто наказывая.

Я съеживаюсь и отталкиваю его, когда он с силой просовывает мне в рот язык. Он так сдавливая мои губы, что я, кажется, ощущаю вкус крови. Потом к нему примешивается что-то соленое, и только тогда я замечаю, что плачу.

Нэш отстраняется от меня с раскрытым ртом, будто собирается проклясть, но останавливается в шоке. Думаю, он увидел слезы, и Нэш, которого я знаю, взял верх.

Его лицо смягчается, он медленно поднимает руку и нежно вытирает слезинки с моих щек. У меня дрожит подбородок. Я хочу прекратить это, но чертова челюсть не слушается.

- Я сделал тебе больно? - шепчет Нэш, осыпая мои губы и щеки легкими, как крылья бабочки, поцелуями. - Прости меня, малышка.

- Это ты прости меня, - шепчу я. - Я не должна была этого делать. Ты ведь с Мариссой. Не знаю, что на меня нашло.

Нэш отклоняется назад и смотрит на меня:

- Я - то, что ты хочешь?

Как на это отвечать? Признаться, что так и есть? Уверена ли я, что мои чувства остались неизменными?

В голове блуждает туманный образ Кэша.

Как будто улавливая, какое направление принимают мои мысли, Нэш спрашивает:

- А как насчет моего брата? Я думал... то есть я знаю, что он провел выходные в Солт-Спрингсе.

Я и забыла, что Кэшу пришлось спрашивать, куда я уехала, у Нэша. Какое унижение, какой стыд! Не сомневаюсь, теперь он считает меня настоящей шлюхой.

Не успеваю ответить, как Нэш продолжает:

- Или, может быть, там был я? Тоже? - Он трется губами о мои губы. - Ты думала о моих губах, когда он целовал тебя? - Рукой, легкой как перышко, он проводит по моему бедру вниз и вверх, сжимает его. - Ты хотела, чтобы это я прикасался к тебе? Как в ту ночь, когда я приходил в твою комнату?

Я хватаю ртом воздух.

О мой бог! Это был Нэш!

Начинаю отклоняться назад и что-то говорить, но тут губы Нэша обхватывают мои и быстро убеждают раскрыться. Ощущения заглушают мысли, когда я чувствую, как он дышит мне в рот.

- Ты все еще хочешь меня? Потому что, если это так, я весь твой. - И он погружается в поцелуй, лижет языком мой язык, свободная рука блуждает по моей талии и животу. По телу бегут мурашки. Его прикосновения так похожи на ласки Кэша.

Кэш...

Я упираюсь рукой в грудь Нэша, он отодвигается без сопротивления.

Смотрит мне в глаза. Никто из нас не произносит ни слова.

Нэш кивает, и его губы складываются в улыбку - покорную, а не веселую.

- Спокойной ночи, Оливия.

Он не уходит сразу. Наблюдает за мной.

Наконец я слезаю с коленей Нэша, встаю на ноги и провожаю его к выходу. Он открывает дверь и оборачивается, как будто собираясь что-то сказать... Нет, передумал. Я слежу, как он растворяется в темноте, уходит и не оглядывается... Ни разу.

* * *

Неудивительно, что я буквально не могла уснуть. Какой уж тут сон, после такого. Узнала, что спала с Нэшем, выставила себя перед ним абсолютной и полной дурой... Теперь вообще не понимаю, что мне делать. Ну уж только не на занятия тащиться. Пойду-ка я к Кэшу. Не пойму, почему мне так нужно увидеть его. Может быть, меня подталкивает чувство, что я его предала. Не знаю. Но понимаю: почему-то меня к нему тянет. Не рассуждаю. Просто иду.

Он уже встал, я уверена. Иначе моя машина не стояла бы у тротуара. Я ее видела, когда утром выглянула в окно. Ключи, положенные в конверт, засунуты в почтовый ящик.

В первый раз, когда я шла в «Дуал» днем, Кэш ждал меня, поэтому парадная дверь была открыта. Интересно, у него тут всегда так?

«Очевидно, нет», – думаю я, толкаясь в обе двери и находя их запертыми. А ключей при приеме на работу мне не выдали, потому что Кэш всегда открывает и закрывает клуб сам. Почему бы и нет? Живет-то он прямо за баром, слава богу.

Я обхожу здание. Должна же тут быть задняя дверь, чтобы выносить мусор и чтобы Кэш мог входить или выходить, когда припаркует где-нибудь рядом этот свой мотоцикл.

На одной стороне дома никаких дверей нет, я продолжаю обход. Как я и подозревала, задняя дверь имеется. Она выходит в переулок, где стоит гигантский контейнер для мусора, у противоположной стены. К несчастью, эта дверь тоже на замке.

Я иду дальше, к последней необследованной стене, надеюсь, что там тоже есть дверь. И – вот удача! – дверь обнаружена, боковая, притом большая.

Похоже, Кэш превратил дальний угол клуба в апартаменты и гараж. Я сужу по широкой скручивающейся подъемной двери. А еще по тому, что она как раз поднята, а внутри стоит мотоцикл Кэша. Тут все яснее ясного.

Меня немного сбивает с толку то, что в гараже у Кэша стоит еще и машина Нэша. Или похожая на ту, что у Нэша.

Желудок от нервяка завязывается в узел. Я знаю, они не слишком близки, но разве это дает гарантию, что они не станут обсуждать меня? То есть они оба имеют со мной много общего! Особенно после недавних событий.

Чувствую легкую тошноту. Мысленно рассуждаю сама с собой, не рвануть ли обратно к своей машине, когда наружная дверь открывается и из нее появляется Кэш. Меня он не замечает, потому что сразу отворачивается, чтобы закрыть дверь. К тому же он говорит по мобильнику, прижимая его к уху плечом, и одновременно запирает замок.

Я случайно подслушиваю конец разговора.

– Марисса, я же сказал тебе, что у меня были встречи все выходные. Я просто не мог этого сделать. У меня не было...

И тут он замирает на месте, потому что, обернувшись, видит меня у другого края гаражной двери. Я стою с отвисшей челюстью и наверняка выгляжу ужасно сконфуженной. Чувствую-то я себя именно так.

В голове кружит, как лошадь, привязанная к столбу, единственный вопрос: «Почему Кэш так разговаривает с Мариссой? Почему Кэш так разговаривает с Мариссой?»

Мы таращимся друг на друга. Проходит минута – самая долгая за всю мою жизнь. В гараже так тихо, что я слышу голос Мариссы в телефонной трубке:

- Нэш! Нэш? Нэ-э-эш...

Наконец, не спуская с меня глаз, Кэш отвечает ей:

- Мне надо идти. Я позвоню тебе позже, – и вешает трубку.

Он долго глядит на меня, так долго, что я начинаю сомневаться, скажет ли он мне что-нибудь. Но вот он произносит:

- Может, зайдешь? Нам нужно поговорить.

Сердце бьется о ребра. Сильно! Я ждала каких угодно логических объяснений. Возможно, он подстраивал розыгрыш. Или скрывал что-то ради Нэша. Может, я просто что-то не так поняла. Но Кэш смотрит на меня очень странно... Я начинаю думать, что дело плохо, совсем плохо. И мне это вряд ли понравится.

Хочется уйти. Просто вернуться к своей машине. От этих ребят с первого дня одни проблемы. Если бы у меня хватило ума, я бы отвернулась от них и больше не оглядывалась.

Но я знаю, почему не могу так потупить. Стоило в голове появиться мысли, что я больше никогда не увижу Кэша, и меня будто ножом по груди полоснули. Я чувствую боль, раздирающую душу, и крах всей жизни, который принесла мне эта рана. Чувствую все, кроме истекания крови, пропитывающей одежду.

Я отрывисто киваю и медленно, понуро прохожу по отполированному полу к двери, которую он держит для меня открытой.

Чувство такое, будто я иду на казнь.

Сердца и веры – может быть.

Очень на то похоже.

30

Кэш

Сердце колотится. Мысль об исповеди, о том, чтобы выложить кому-нибудь все свои секреты, пугает меня до колик в животе. Сам не знаю, почему собрался рассказать все Оливии. Просто знаю, что сделаю это. Должен сделать. Нужно довериться ей, если хочу, чтобы она доверяла мне. Штука в том, что я сам пока не разобрался, почему это для меня так важно. Почему меня вообще это волнует.

Но ведь волнует. Еще как.

Она понимает: что-то происходит. Вид у нее такой, будто она заходит в воду, а там акулы. Полагаю, в некотором смысле так и есть. Если иметь в виду меня и акул, которые водятся в истории моей семьи. После вчерашнего вечера в доме кавардак, но я не обращаю внимания.

Вернувшись от Оливии, я сбросил костюм и оставил его валяться на полу, переоделся в обычную одежду и вышел закрыть клуб. А потом рухнул на кровать лицом вниз и заснул мертвецким сном. Утром Джек разбудил меня стуком в дверь – он пригнал машину Оливии. Эта двойная жизнь для жаворонков!

И вот я здесь, готовлюсь раскрыть неизвестно кому – девушке, которую я почти совсем не знаю, – свою самую страшную, самую грязную, темную, опасную, глубокую тайну, и беспокоит меня только одно: захочет ли она после этого видеть меня. Ну не безумец ли я?

- Хочешь чего-нибудь выпить? Я только что выключил кофейник, так что кофе еще горячий.

Оливия рассеянно озирается, явно пытаюсь собрать воедино кусочки мозаики. Но ничего не получается. Тысячи лет ей не хватит, чтобы догадаться. Если я не подскажу.

- Оливия, садись на диван. Я принесу тебе кофе. И тогда мы побеседуем.

Думаю, ей это нужно больше, чем мне, что говорит о многом. Наливаю нам обоим по чашке, добавляю в кофейник немного горячей воды и ставлю его обратно на подставку с подогревом, чтобы потом легче было отмыть. Я уже давно сам себя обслуживаю. Некоторые домашние дела делаю автоматически.

Протягиваю Оливии чашку и сажусь на стул напротив. Не хочу доставлять ей неудобства своей близостью, чтобы не ухудшать ситуацию. Вполне вероятно, Оливии захочется иметь вокруг себя свободное пространство, чтобы держать дистанцию, когда она услышит то, что я собираюсь сказать.

Это удивительно, но разговор начинает Оливия. Хотя чего удивляться? У нее, видно, хребет твердый. Только она не всегда проявляет это качество. Но когда нужно, оно при ней.

Как сейчас.

- Я не люблю, когда со мной играют. Не люблю, когда мне лгут. Просто скажи, что происходит. Честно.

Лицо каменное. Она собралась с духом. Полагаю, если мне когда-нибудь представится подходящий момент, чтобы бросить бомбу вроде этой, возможно, он настал.

- Я прошу тебя только об одном: позволь мне объяснить все до конца. Не убегай, пока не выслушаешь всю историю. Договорились?

Она не соглашается сразу, что заставляет меня немного нервничать. Но когда наконец говорит: «Договорились», – я понимаю, что она решилась.

Секунду я сомневаюсь, говорить ли ей снова: «То, что ты сейчас услышишь, будет ужасно», – но решаю воздержаться. Это был бы намек, что я ей не доверяю, а это не так. Просто раньше я не решался никому – никому – это доверить. Думаю, осторожность в данном случае вполне естественна.

- Я – Кэш.

Оливия несколько секунд таращится на меня. Могу только догадываться, что происходит у нее в голове.

- Я это знаю, - спокойно говорит она. - Но хочу понять, почему ты ведешь себя как Нэш?

- Потому что Нэш - это тоже я.

Недоумевающий взгляд Оливии говорит мне, что я ее совершенно запутал и сбил с толку.

- Как такое может быть?

Я понимаю, она никогда не сможет понять, что происходит, если я не начну рассказ с самого начала.

Ну вот, значит.

- Мой отец, когда был молодым, связался с довольно... неприятными людьми. Он пытался достать денег, чтобы помочь семье. Они были очень бедны. Но все это происходило до того, как он познакомился с моей матерью. - Я горько смеюсь. - Оказалось, однако, что если с такими людьми поведешься, от них уже не отвяжешься. Думаю, он и сам это понимал. Но все равно пытался. И когда он вышел из игры, они решили ему показать, что это была плохая идея. Эти люди представляют свои доводы так, что об этом никогда не забудешь. На этот раз они решили использовать его лодку.

Оливия напряженно следит за мной и слушает. Не имею понятия, верит ли она хоть одному слову. Но останавливаться не собираюсь. Я расскажу ей всю историю. Прямо сейчас. Больше никаких секретов.

- Мы отдыхали всей семьей. Рождественские каникулы. Это была просто небольшая прогулка. Мама и брат спустились к берегу, чтобы взять что-то на лодке. Никто не думал, что они окажутся там так рано. Раздался взрыв. Их обоих убило. И тела сгорели в огне.

Минуты две лицо Оливии ничего не выражает, никакой реакции. Я молчу, даю время переварить услышанное. Могу точно определить момент, когда смысл сказанного проник в ее сознание. Она побледнела, ни кровинки в лице не осталось.

- Брат был твоим близнецом? Его правда звали Нэш?

- Да.

Слышу вздох Оливии. Дыхание неровное, и руки подрагивают, она нервно грызет ногти.

- Значит, Нэш все-таки был, но я с ним никогда не встречалась, - делает вывод Оливия - очень спокойно, может быть даже слишком.

- Верно.

- Значит, каждый раз ты притворялся своим братом.

- Правильно.

- Зачем?

- Люди, с которыми связался отец, подстроили все так, чтобы подозрения пали на него. Они позвонили ему и предупредили об опасности прямо перед тем, как взорвали лодку. Сказали, если он стукнет на них, убьют всех, кого он знал или любил. В тот момент они еще не поняли, что мама и Нэш были на лодке.

Мы пытались связаться с мамой, но не могли. Когда добрались до берега, обломки лодки плавали по всей бухте. Мы оба понимали, что будет разбирательство по поводу гибели мамы и Нэша и отец сядет в тюрьму. Самое меньшее, за что его осудят, – убийство по неосторожности. И приговор будет только строже, если его обвинят в двух смертях. Тогда-то я и решил стать нами обоими. Если бы Нэш выжил, то отца признали бы виновным только в одном убийстве. Что еще я мог сделать? Но я решил, что хотя бы с этим справлюсь. И справился. Думаю, в каком-то смысле нам повезло, что после взрыва и пожара нашли только небольшое из останков моей матери.

– Давно это было?

– Семь лет назад. В декабре, когда я учился в последнем классе старшей школы.

Оливия смотрит на меня подозрительно. Недоверчиво, но по большей части подозрительно.

– И никто не догадался? Как такое возможно?

Знаю, мой смех пропитан горечью. Ей понравится следующая часть истории.

– Ты была права относительно меня. Я всегда был дрянным мальчишкой, бунтарем. Я бросил учиться после первого года в старшей школе. Хотел управлять клубом, который приобрел отец. Я знал, что для этого диплом мне не нужен.

Оливия поднимает брови:

– Этим клубом?

Я киваю.

– Нэш всегда был такой подтянутый, атлетичный студент-отличник. Он шел к успеху, и все в семье это знали. Черт, каждый, кто знал Нэша, не сомневался в этом. Никто из них ни на секунду не заподозрил бы, что это я хожу на занятия вместо него. Я получаю его оценки. Мне выдают диплом. Я иду в колледж. От меня никто ничего подобного не ждал. Вообще ничего, кроме жизни квазипреступника вроде моего отца. Единственное, что от меня было нужно, – это время от времени появляться на семейных вечеринках и демонстрировать людям свою задницу, чтобы они не забыли, что я вообще существую. А потом все внимание опять переносилось на Нэша. Это было легко. Люди хотели забыть обо мне.

Не могу удержать обиду, которая накопилась во мне; она выщелачивается и проявляется в словах, в тоне, каким я говорю. Мне почти что хочется, чтобы Оливия поняла это, прочувствовала. Как будто, если она все узнает, мне станет не так больно. Не знаю, отчего это. Что такое кроется в этой девушке, почему мне небезразлично ее отношение. Интуитивно понимаю: это имеет значение. Она имеет значение.

– То есть все это время ты вел две параллельные жизни. Морочил голову всему свету, включая полицию.

От этих слов я начинаю чувствовать пустоту в желудке.

– Да.

Я столько боли испытал, но, думаю, отвращение, которое я вижу на лице Оливии, ранит сильнее всего.

- Почему? Зачем? Как ты мог такое сделать? Ради живых, но и в память о мертвых?

Я чувствую усталость. Огромную усталость. Мне вдруг кажется, что дань, которую я плачу этой жизни обманом, тяжела, как товарный поезд, и давит мне на грудь.

- Этот взрыв лишил меня всего. Забрал всех, кого я любил. Все, что я называл домом, исчезло в мгновение ока. Я думал: самое меньшее, что я могу сделать, – это как-нибудь почтить их память.

- И это так ты чтить их память?

Зажимаю пальцами переносицу, чтобы унять нарастающую пульсацию в глазницах.

- Это довольно трудно объяснить. Мои родители – и отец, и мать – хотели, чтобы мы с Нэшем состоялись в жизни. Все, что угодно, было бы лучше, чем путь моего отца. И Нэш справлялся. У него были прекрасные перспективы. Гораздо лучше, чем у меня. Просто это казалось неправильным, что он умер. Я старался как мог, чтобы родители гордились, а у Нэша сложилась репутация, которой он заслуживал. Которую имел бы, если бы остался в живых.

Оливия хранит молчание. Это тревожило бы меня, если бы не оттенок сочувствия, который постепенно появляется в ее глазах, на ее выразительном лице. Она добрая и отзывчивая. Может быть, она сможет понять мои мотивы. Надо только постараться получше ей все объяснить. В деталях.

- Но самое главное, я знаю: если получу диплом адвоката, может быть, у меня появится шанс чем-нибудь помочь отцу.

При этих словах Оливия оживает. Ничего удивительного, она ведь из тех, кто болеет за слабыми, ищет оправдание всему и вся, и прочее в том же духе. Просто она хороший человек. Я такого не заслуживаю. Нэш заслуживал бы. А я нет.

Но теперь я не смогу заставить себя держаться от нее подальше.

- Ты правда думаешь, что сможешь что-нибудь изменить? Исправить?

Я пожимаю плечами:

- Не знаю. Но я, конечно, рассматриваю такую возможность. Это одна из главных причин, почему мне нужно попасть в крупную, влиятельную юридическую фирму вроде компании твоего дяди.

- А они знают? – спрашивает она. – Ну, о твоём отце?

- Да. Я не считаю, что должен держать это в секрете, поэтому с некоторыми избранными людьми я был честен. И они в курсе, ради чего я работаю: хочу помочь им выиграть апелляцию. И мне очень помогло наблюдение за работой коллег и участие в деле.

Оливия кивает, но ничего не говорит, как мне кажется, целую вечность. А когда прерывает молчание, оказывается, что ждать ее слов очень даже стоило.

Она смотрит вниз, на свои руки, то ли не хочет, чтобы я заметил ее участие, то ли оттого, что сама пока в себе не уверена. Но я испытываю такое глубокое облегчение, что мне не нужно видеть ее глаза. Слова говорят все.

- Это опасно?

Я улыбаюсь:

- Нет, не думаю. Отец сидел тихо все это время. Надеюсь, он уже выпал из сферы действия их радаров.

- Сидел тихо?

Я делаю паузу. А потом изрекаю нечто вроде:

- Ну-у... э-э... Он, хм, очень хотел выбраться и придумал такой... неразумный способ вернуть себе свободу.

- И что это за неразумный способ?

Я громко вздыхаю:

- Шантаж.

У Оливии от изумления отпадает челюсть:

- Твой отец пытался шантажировать мафию? Он что, не смотрел «Крестного отца»?

Не могу удержаться от смеха.

- Не думаю, что все происходило так на самом деле, но да, это было довольно глупо. То, что он сделал. - Чувствую, как знакомый укол боли пронзает грудь. - Он дорого заплатил за свою ошибку. Как и все мы.

- В чем состоял шантаж? Или мне лучше не спрашивать о таких вещах?

Ей любопытно, да, но я вижу, что любопытствует она с осторожностью.

- Он взял несколько книг. Бухгалтерских книг. Гроссбухов.

Оливия ахает и закрывает рот рукой.

- Ну дает, - прорывается между пальцами. Изумрудные глаза Оливии широко раскрыты от удивления. - О господи, это прямо как в кино! Он что, передал их кому-то?

Я резко качаю головой:

- Нет! Это была часть угрозы. Если книги окажутся в полиции, мы все умрем.

- Тогда что ты пытаешься сделать, чтобы помочь ему?

- Я наконец-то упрямил отца Мариссы, чтобы он передал дело мне, и смог просмотреть досье. К несчастью, доказательства просто убийственные.

Оливия подсакивает к краю сиденья:

- Но у тебя есть другой план? Ты можешь сделать что-нибудь еще, пойти другой дорогой?

Я прочищаю горло:

- На самом деле, думаю, другой путь возможен. Но он опасен. Вероятно, даже очень опасен.

Оливия прищуривается:

- И что это за путь?

Я останавливаюсь и размышляю, прежде чем ответить. Только эта часть нашего разговора может поставить Оливию под угрозу, хотя просто знать об этом - еще не представляет опасности. И все же...

- Книги, которые он взял, у меня.

Брови Оливии взлетают вверх, а глаза округляются.

- Ты меня разыгрываешь? У тебя лежат книги, которые настолько важны и опасны, что кто-то взорвал лодку твоего отца, чтобы заставить его молчать о них?

Хотя мы и одни, я веду себя как параноик - борюсь с порывом посмотреть через плечо.

- Да, - отвечаю тихо. - Я заставил отца отдать их мне, прежде чем его арестовали. И обещал спрятать. И сохранить. Хотя в первую очередь из-за них он попал в беду, но они же сберегли ему жизнь. Пока они знают, что книги здесь, мы в безопасности.

- И ты думаешь, что можешь использовать их для... чего?

- Я не собирался объяснять тебе, что именно ты будешь просматривать, но хотел, чтобы ты взглянула на эти книги. Я изучал их бесконечно долго в последние месяцы и пришел к выводу, что в них есть свидетельства, из-за которых некоторые высокопоставленные лица могут оказаться за решеткой и провести там остаток дней. Если мои подозрения подтвердятся, в этих книгах есть доказательства уклонения от уплаты налогов. Это вкупе с еще несколькими преступлениями, в которых их может обвинить отец - убийство матери и брата далеко не последнее из них, - повлечет за собой обвинение в рэкетирстве, и они подпадут под действие закона об организациях, деятельность которых основана на рэжете и коррупции.

Оливия молчит так долго, что я начинаю сомневаться, поняла ли она, о чем я вообще говорю.

Но вот Оливия наконец отвечает, и я понимаю, что? задело ее сильнее всего.

Это именно та часть разговора, которая превращает меня в ничтожество, подтверждает сложившееся обо мне у большинства людей мнение.

31

Оливия

Как странно, просто нереально: смотрю на парня, которого знала как Кэша, и внезапно на его месте появляется Нэш. Волосы растрепаны - ну точно Кэш. Одежда обычная - как у Кэша. Некоторые манеры тоже не оставляют сомнений - это Кэш. Но речь, внезапное переключение на стиль интеллигентного, успешного будущего адвоката - это целиком и полностью Нэш. Поразительно.

Но не так поразительно, как его предложение, сделанное будто бы между прочим.

Я говорю тихо, стараясь сохранять спокойствие:

- Значит, ты мне сообщаешь, что собирался вовлечь меня в дело, которое может стоить мне жизни, даже не предупредив об опасности? Не дав никакой информации? - Я встаю. Просто не могу вынести этого. Ярость затапливает меня, как струя из пожарного шланга, и я не в состоянии оставаться на месте. Если буду сидеть, просто взорвусь. - Не оставив возможности выбора?

У Кэша хватило порядочности хотя бы изобразить смущение. Стыд. Раскаяние.

- Понимаю, это выглядит именно так, но, уверяю, я ни за что не поставил бы тебя под удар. Мне было нужно, чтобы ты проверила расчеты, посмотрела налоговый кодекс, высказала свое мнение. Я собирался объяснить тебе, что эти книги - из одной фирмы, которую я хочу приобрести, но кое в чем сомневаюсь. Ведь я был уверен в тебе, знал, что ты не проговоришься, если мои подозрения подтвердятся и там действительно есть серьезные нарушения. Если бы я отнес их к аудиторам, они могли бы посчитать своей обязанностью выяснить название фирмы и подать заявление в полицию. Вот такие безумные мысли.

Хотя эти объяснения делают ситуацию менее ужасной, гнев мой никак не уляжется и рассуждать спокойно мне трудно. Правда, в глубине души я понимаю: главная проблема в том, что мне лгали, и ни в чем другом. Странно, но все остальное кажется ерундой: пережить можно, хоть и с помощью ликера, успокоительного, времени на раздумья, но все равно «лечению» поддается.

Но это вранье... Всегда ненавидела лгунов и когда мне врут - больше всего на свете. Для меня это всегда было единственным действительно непростительным грехом.

Может ли Кэш стать первым исключением? Или рана останется незалеченной навсегда, что бы нас ни связывало?

- Оливия, пожалуйста, пойми, что я никогда, никогда бы...

Я поднимаю руку, чтобы остановить его:

- Стоп. Прошу тебя, больше ни слова. Кажется, на сегодня я выслушала достаточно. Может быть, мне этого хватит на всю жизнь. Но я ничего не пойму, если у меня не будет времени подумать.

Кэш выглядит побежденным. Не обеспокоенным, как если бы боялся, что я кому-нибудь выдам его секреты, а именно побежденным. Похоже, он рискнул и получил отдачу, но не такую, как ожидал. Легкие уколы совести - я же растоптала его попытку исповедаться - сознательно подавляю. Прямо сейчас не могу позволить себе испытывать к нему жалость. Нужно быть практичной, рациональной, холодной. И никаких эмоций.

Я притворяюсь, что копаюсь в сумочке. Не могу встречаться с Кэшем глазами. Иначе рассыплюсь. Знаю, что рассыплюсь.

- Спасибо, что починил и пригнал машину. Деньги я тебе верну. - Начинаю бочком пробираться к двери. Бегство выставило бы меня трусихой, хотя именно этого мне и хочется - убежать. Далеко и очень быстро.

Кэш ничего не говорит. Я не поднимаю глаз, пока не оказываюсь у двери, а Кэш - слева от меня. Стою и думаю: может, стоит сказать еще что-нибудь? Однако ничего путного в голову не приходит.

Открываю дверь и выхожу. Иду не оглядываясь, но чувствую: Кэш провожает меня взглядом, пока я не скрываюсь за углом.

* * *

Я никогда не была прогульщицей. Ну, одно занятие или там день иногда – это еще возможно, но чтобы постоянно – такого не было. До настоящего времени.

Утро вторника не принесло умиротворения. А я так надеялась. Хотя с чего бы? Спала опять совсем мало, тревожные мысли приобрели небывалый размах. Результат: чувствую себя больной. Смотрю на цветы, которые принес Нэш, и ощущаю в животе переворот.

– Кэш, – громко говорю вслух, в сотый раз поправляя себя.

Весь вчерашний вечер до глубокой ночи я оживляла в памяти унижительную сцену, которая разыгралась, когда я думала, что Кэш – это Нэш. И сейчас делаю то же. Вспоминаю, что я ему говорила, как мы себя вели, что сделали. Или почти сделали. Как я мучила себя вопросом: кто проник ко мне в спальню той ночью?

Меня швыряет от гнева к горькому разочарованию и обратно.

Как он мог так поступить со мной? Как он мог поступить так со всеми?

Иду на кухню сварить кофе. Прохожу мимо мобильного и замечаю: экран светится. Я включила режим вибрации и оставила телефон здесь, чтобы не поддаваться искушению ответить на звонок. Имя на экране – Кэш.

Интересно, он еще хоть когда-нибудь воспользуется телефоном Нэша, чтобы позвонить мне?

Меня пронзает чувство горечи. Такое сильное, что я почти ощущаю его на вкус. Игнорируя звонок, как и предыдущие полдюжины, иду дальше.

Пью кофе в гостиной и стараюсь думать о других вещах, но мысли неизменно возвращаются к самому важному вопросу в моей жизни. К Кэшу.

Как ему удалось стать ключевой темой моих раздумий? Когда я успела так подсесть на него? Почему не заметила, как это случилось?

Ответ? Я все знала. Знала, что влюблюсь в него. Лгала себе, чтобы смягчить удар, а сама прекрасно понимала, что все именно так и закончится. Такова история всей моей жизни.

Очередной приступ ярости. И горечь.

Страстное желание. И одиночество.

Потом опять злость. На Кэша – за то, что позволил мне так сблизиться с ним. За то, что заманил меня в это, как паук в паутину.

В паутину лжи!

По крайней мере, я не плачу. Спасибо и на том. Слезы лишают сил. А злость – она как ракетное топливо. Может быть, я не плачу, потому что мячик на моей стороне. Потому что я знаю: стоит мне взять телефон и ответить хотя бы на одно из сообщений, которые он мне оставил, и я снова буду с ним. Хотя бы на какое-то время.

В другой сети, сотканной из вранья. В отношениях без будущего.

32

Кэш

Нажимаю красную кнопку «отбой» на телефоне. Само слово – насмешка. Неужели я и правда разрушил все и шансов вернуть Оливию нет? И что, меня это правда беспокоит?

Ответы: «Не знаю» и «Да».

Надеюсь только, что решение сказать ей все начистоту было правильным. Я рассчитывал, что такой человек, как Оливия, в конце концов оценит широту моего жеста, значительность поступка. Но, может быть, я ошибся. Я никогда не испытывал чувств к такой девушке, как она. Черт, я никогда ни к какой девушке не испытывал серьезных чувств. Точка. Таких точно не испытывал.

Хочется швырнуть телефон о стену. Отказываю себе в этом удовольствии. Следующий ход за Оливией. Ей решать. А мне остается только принять это решение и смириться с ним. Потому что упрашивать ее я не буду. Никогда не стану вымалывать что-либо ни у одной женщины.

Просто не стану.

33

Оливия

Вторник перетекает в среду. Злость и горечь перерастают в депрессию и опустошенность. В каком-то смысле Кэш действительно совершенство. Я хотела, чтобы он был больше похож на Нэша, а оказалось, он и есть Нэш. Этот парень полностью изменил свою жизнь и переделал себя ради отца и брата. Ради семьи. Кэш – превосходная смесь плохого парня и преуспевающего, владеющего собой взрослого. В нем есть все, чего я хотела, все, что мне нужно. Завернутое в одну упаковку – эффектную, сексуальную. Правда, эта упаковка перетянута нитями лжи, обмана и опасности.

Если это не пинок под зад, тогда я не знаю, что это такое.

34

Кэш

Думаю, правильно говорят: «Никогда не говори „никогда“». Сказал, что никогда не буду умолять. Это смешно. Еще только среда, а я уже со счета сбился, сколько же раз позвонил Оливии. Стыдись, приятель.

А мне не стыдно.

Я в отчаянии. День ото дня все в большем. Я боюсь потерять ее. Но не знаю, что делать дальше. Идти к ее дому, заставлять ее говорить со мной. Ненавижу это. Но сделаю. Я дошел до точки, когда уже не знаю, чего бы я не сделал ради нее. Ради того, чтобы ее увидеть, поговорить с ней. Прикоснуться и попробовать ее на вкус.

О черт, это плохо!

Оливия

После среды наступает четверг. Экран телефона начинает загораться с повышенной частотой. Я держу мобильник под рукой, чтобы не пропустить звонок отца. Но он не звонит. Каждый раз, как я говорю с ним по телефону, он уверяет меня, что с ним все хорошо и, если что-то понадобится, он обязательно позвонит. Но он никогда не звонит.

Может быть, мне просто уехать домой ненадолго? Сделать перерыв в занятиях. Отдохнуть от жизни. От сердечной боли. От Кэша.

Осталось всего несколько дней до приезда Мариссы. И что будет потом? «Нэш» так и останется частью ее жизни? Будет приходить в гости? Поднимать ее на руки? Целовать? Говорил ли он ей, что любит? Планировал ли какое-то будущее с ней?

Эти мысли регулярно отправляют меня в пике. Мне известно, что «Нэш», вероятно, спал с Мариссой. То есть у них были свидания. Конечно, они занимались сексом. Но я думаю, Кэша это не задевало. Кэш всегда был занят мной. Думал обо мне. По крайней мере, в последнее время. И настолько, насколько такой парень может быть занят какой-то одной девушкой. Но все это была ложь.

Все это была одна сплошная ложь.

Разве нет?

36

Кэш

Знакомой дорогой еду к тюрьме. Я на грани. Единственное, что могу сделать, чтобы не идти унижаться перед Оливией, – это поговорить с отцом. Пару дней назад мне стало ясно: я уже сам не знаю, что творю. Надеюсь, отец что-нибудь посоветует, предложит какой-нибудь выход. Мне нужна помощь, любая. И кроме Оливии, на всем белом свете есть только один человек, который понимает, что происходит.

Расписание приемных часов, когда разрешены посещения, я выучил много лет назад. Я приходил к отцу и как Кэш, и под видом Нэша. Никогда не пытался скрывать прошлое своей семьи от верхнего слоя общества Атланты. Просто старался войти в него совершенно другим путем, в образе Нэша.

Как Нэш, я всегда приближался к нему, скажем так, с легальной стороны, показывая, что помогать отцу – мой долг, и поэтому я учусь и стараюсь делать все возможное. Легально.

Как Кэш, я никогда ничего по-настоящему не делал. Я взял единственное, что оставил мне отец, – «Дуал», нечто купленное на сомнительные деньги у сомнительных людей, – и превратил клуб в успешное, респектабельное заведение, с каким может управиться парень без аттестата. Чего еще людям ожидать от такого, как я. Я отлично сыграл роль Кэша.

Но как-то между делом я стал другим. Немного не таким. Что-то вроде гибрида. Меня больше не устраивает роль неудачника Кэша. По крайней мере, я не хочу быть только Кэшем. Мне нравится быть солидным, вызывающим уважение и заслуживающим его. Приятно, когда на тебя смотрят как на человека стоящего, прислушиваются к твоему мнению. Просто здорово,

когда люди признают, что я умен, и мне не приходится убеждать их в этом. И терпеть поражение. Мне нравится быть победителем, как мой брат.

Только я не мой брат. Я сам по себе победитель. Да, его смерть дала мне еще один шанс в этой жизни, но я достиг всего этого сам, своими усилиями.

И знаю об этом один только я. За исключением моего отца.

И Оливии.

Охрана по звонку пропускает меня в ворота. Регистрируюсь, заполняю бланки, подписываюсь, указываю фамилию и номер заключенного, к которому я пришел. С формальностями покончено, и меня ведут в знакомую комнату с длинным столом, рассеченным вдоль стеной из стекла. Через равные промежутки стол разделен на отсеки – маленькие прозрачные кубики. Это сделано, чтобы создать иллюзию уединения. Но никакого уединения тут нет. Стоит ли сомневаться: все, что я говорю в неопишемого вида черный телефон, записывается и где-то сохраняется. К счастью, мой отец невиновен. А все прочее, о чем мы говорим, обрисовываем полунамеками, так что никто не догадается, о чем, собственно, речь.

Как и сегодня, когда охранники привели отца и он со мной поздоровался.

- И кто это пришел навестить меня сегодня? – с улыбкой говорит отец. – Кэш или Нэш? Я могу догадаться по одежде.

Окидываю взглядом свой наскоро составленный костюм. Думаю, по крайней мере, что касается меня, это нечто среднее. Черные джинсы и полосатая футболка для регби. Так могли одеться и Кэш, и Нэш. Или ни один из нас. Не знаю точно. Я даже не помню, когда купил эту футболку.

- Есть разница? – сухо спрашиваю я.

Отец снова улыбается. Он пытливо смотрит мне в лицо, как делает всегда, когда я прихожу, будто ищет признаки изменений, возрастных или еще каких. Или печать заботы. Когда улыбка сходит с его лица, я понимаю: он что-то углядел.

Отец садится прямее, глаза становятся строгими. Понимающими. Внимательными.

- Что случилось? Какие-то проблемы?

- Я встретил девушку.

По лицу отца пробегают тень – многие согласились бы, что это мое лицо в старости, – но потом оно смягчается, и на губах появляется довольная улыбка.

- Что ж, давно пора. Будь я проклят. – Отец откидывается на спинку стула и хлопает ладонью по столу. Он искренне рад за меня. По крайней мере, пока я не рассказал ему остальное. Это может изменить его настроение.

- Я рассказал ей, пап, – говорю без всякого выражения.

Отец смотрит смущенно, пока до него не доходит, какой смысл несет в себе моя бесцветная фраза.

- Давно ты знаком с этой девушкой?

Я качаю головой. Ясно, к чему он клонит. Вечные подозрения.

- Пап, это не имеет значения. Мне нужно было все ей рассказать. Она мне очень нравится. И я ей доверяю. Кроме того, я думал, она сможет помочь.

- Вмешивать ее во все это... Что-то непохоже, что она тебе нравится хоть сколько-нибудь.

- Я все продумал. Ей ничто не угрожает. Она в безопасности.

- Ты подверг ее опасности. Ты - мой сын. Ты повязан с этим, нравится тебе или нет. Я очень сожалею об этом. Сожалею больше, чем ты можешь представить. Но что сделано, то сделано. Пока я жив, ты должен быть осторожен, смотри внимательно, кого подпускаешь к себе. Может быть, когда-нибудь... когда я умру...

- Я не собираюсь дожидаться этого. Не дам тебе умереть здесь и свою жизнь не буду корезить из-за ошибок, совершенных много лет назад. Мы уже достаточно наказаны. Нам пора зажить своей жизнью. Думаю, я нашел способ...

- Нарваться, чтобы тебя убили. Вот что ты сделал. Не лезь не в свое дело, Кэш. Я отдал тебе эти... вещи в качестве страховки. Ничего больше.

- Да, папа. Прости, но я устал оттого, что какие-то люди разрушают мою жизнь. Я не могу так больше. У меня остался только ты. Я не могу стоять в стороне и ничего не делать.

- Сынок, мы уже говорили об этом. Я ценю то, что ты пытаешься делать, но это не самый мудрый...

- Папа, ты можешь просто довериться мне?! Хотя раз можешь ты поверить, что я способен решать сложные задачи, принимать верные решения? Приводить в исполнение хорошо продуманные планы?

Лицо отца смягчается.

- Я тебе доверяю. Просто ты тоже единственное, что у меня осталось. И я принес тебе столько несчастий. Я хочу, чтобы ты жил нормальной, счастливой жизнью. Такой, какую ты вел бы, если бы я тогда тоже сгорел в этом огне.

- Папа, я не смогу быть счастливым, если оставлю тебя томиться здесь.

Он ухмыляется:

- Томиться?

Я улыбаюсь:

- Школа права расширила мой словарный запас.

Он собирается что-то сказать, но замолкает.

- Что? - спрашиваю я.

- Хотел сказать, что гордился тобой и до того, как ты пошел в школу права. Когда ты был еще маленьким, ты всегда был доволен собой. Ты делал, что хотел, не оглядываясь на весь этот проклятый мир. Я всегда гордился, что в тебе есть эта жилка. Меня всегда восхищали такая

уверенность и самодостаточность.

Чувствую, от накала эмоций у меня перехватывает дыхание – горло будто в кулаке сжали. Думаю, никогда нельзя достичь такого возраста, когда не будешь с трепетом ждать отцовского одобрения. По крайней мере, я еще недостаточно стар для этого.

– Кэш, я прошу тебя, не позволяй этой своей упертости принимать решения за тебя. Брось, пусть все идет своим чередом. Если тебе нравится эта девушка, иди к ней и сделай ее счастливой. Обеспечь ей безопасность. Огради ее от всего этого. Начни с чистого листа. Если ты любишь ее хотя бы вполсилы так, как я любил твою мать, у вас будет хорошая жизнь. А я только этого тебе и желаю.

– Ого. Я не говорил, что люблю ее.

Отец улыбается мне:

– Тебе и не нужно было.

37

Оливия

Утром в пятницу встаю под душ. Чувствую себя жалкой и ничтожной: это отвратительно – не мыться всю неделю.

Но сегодня я решила: хватит упиваться жалостью к себе. Достаточно я провалялась на диване. Пора браться за дело. На выходные я еду домой. С дороги позвоню Тэду и спрошу, нельзя ли поработать хотя бы одну смену. После этого подумаю, что делать с остальными... делами... по возвращении.

Одна мысль о возвращении в Атланту, о Кэше и Мариссе, о колледже и... всей избыточности жизни... Я выбрасываю ее из головы в честь выходных, которые проведу в знакомом окружении. В покое. В безопасности.

Безопасность. Никогда не думала, что когда-нибудь мне придется использовать это слово в буквальном смысле.

Кладу в сумку все самое необходимое и, выйдя из дома, запираю за собой дверь. Марисса в отъезде, а Кэш/Нэш скрылся из виду, так что я чувствую себя абсолютно не связанной с этим городом. С жизнью в нем. С этим домом. Сейчас я вообще не чувствую, что это мой дом. Скорее, он представляется мне тюрьмой, где заперты ложь и сердечная мука. Единственное место, которое я ощущаю домом, – это то, куда направляюсь.

По пути звоню отцу и Джинджер. Джин настолько добра, что предлагает мне одну из своих смен, и я с радостью соглашаюсь. Это будет сегодня вечером, – наверное, это хорошо. Я сразу окунусь в дела с головой. А завтра снова поеду искать ягнят, хотя в этом нет необходимости. Просто будет здорово не сидеть дома, а поехать куда-нибудь и заняться делом, которое отвлечет меня от мыслей, переживаний, желаний.

– Привет, Панк, – встречает меня отец, когда я вхожу в дом.

У меня вдруг возникает необъяснимый порыв броситься к нему, обхватить руками за шею и разрыдаться у него на плече, как я делала, когда была маленькой. Вместо этого, чтобы не

пугать родителя до смерти, я спокойно ставлю сумки, подхожу к нему, целую в щеку и спрашиваю, как дела.

Целый день смотрела по телевизору старые серии детективного сериала «Место преступления» и болтала о том о сем. Полностью выкинуть из головы Кэша это не помогло, но все же стало легче. На это я и рассчитывала.

Перед тем как идти на вечернюю смену, принимаю душ и переодеваюсь: привычные черные шорты и футболка дают ощущение комфорта – как телесного, так и душевного. Позаботившись, чтобы отцу было удобно, я выхожу из дома и еду к Тэду.

Все, конечно, в восторге. Рады, что я вернулась. Не раз у меня на глаза наворачиваются слезы, когда завсегдатаи упрашивают меня не уходить и убеждают, что на новом месте ко мне никогда не будут относиться так хорошо, как здесь, у Тэда. В каком-то смысле я им верю. Но в то же время понимаю, что это не совсем так. На моей новой работе – Кэш.

Кэш.

Появляется Джинджер – не для того, чтобы работать, а чтобы оказать мне такую нужную поддержку с противоположной стороны бара. Она медленно потягивает свой напиток и ждет момента, когда все немного успокоится и она сможет задавать вопросы.

- Так, дай мне угадать. Плохой парень оказался худшим из парней?

Я смеюсь. Да, немного горечи в моем смехе есть.

- Ну, думаю, ты вправе так сказать.

- Я этого боялась.

Я перестаю набивать холодильник пивными бутылками и смотрю на нее в упор, с открытым ртом:

- Ты боялась? Ну знаешь ли, могла бы и сказать что-нибудь.

- Я только взглянула на него, сразу поняла – это проблемы. Он не просто горячий. Он еще и умный. А это плохая комбинация для твоего сердца, Лив. Другие, по крайней мере, были достаточно глупы и бесполезны. Но этот? Да, я знала, если он подцепит тебя на крючок, будет беда.

Как мне хочется врезать ей. И сильно.

- Спасибо, что предупредила, Джинджер, – говорю я, стараясь, чтобы это звучало, будто я ее поддразниваю, но получается зло.

- Разве ты послушалась бы, если бы я что-нибудь сказала? Нет. Ты никогда не слушалась. Ты сама знала, что тебе лучше держаться от него подальше. Но сделала все наоборот. Ты действительно считаешь, что я могла сказать тебе нечто такое, отчего ты изменила бы себе?

Не хочется признавать это, но, вероятно, Джинджер права. С первого дня при виде Кэша у меня дыхание перехватывало. И от Нэша тоже. Потому что это был один и тот же парень, только по-разному одетый и занятый разными делами. Думаю, где-то в глубине мое тело знало об этом. В сексуальном плане я на них обоих реагировала одинаково. Они оба меня зажигали.

А такое едва ли могло произойти, если бы это были, предположительно, две совершенно разные личности. Как я этого не разглядела? Можно ли быть настолько слепой?

Я вытаскиваю из ящика последние бутылки и аккуратно ставлю их в холодильник, когда замечаю краем глаза, что кто-то садится на стул рядом с Джинджер. Поднимаю взгляд, и моя рука замирает на полпути.

Это Кэш.

Он не улыбается. И ничего не говорит. Только смотрит на меня. Кажется, что я вижу его сердце в этом взгляде. Или это просто мое воображение? В любом случае я ему не верю.

Молчу. Заканчиваю начатое дело, отношу коробку в кладовку, потом возвращаюсь и наливаю ему чистого виски. Придвигаю к нему по стойке стакан, он дает мне двадцатку. Я выбиваю чек и кладу сдачу в блюдечко для чаевых. Бросаю на него задиристый взгляд, подстегивая сделать комментарий. Но он умен. Не произносит ни слова, просто кивает и заглатывает виски.

Нет нужды спрашивать, что он тут делает. Я прослушала только одно из нескольких дюжин сообщений, которые он мне оставил, и в нем он просил о разговоре со мной. Остальные послания я сохранила. Решила, что послушаю их когда-нибудь. Только не сейчас.

К Джинджер подсаживается парень. Все знают, что он от нее без ума. Парень заводит с Джинджер разговор, а мне остается обслуживать других посетителей. И Кэша.

Я занимаюсь разными пустяками, но это не слишком помогает. Каждый нерв, каждая клеточка моего тела, все мои органы чувств целиком и полностью сосредоточены на Кэше.

Кэш.

Смена заканчивается. К этому моменту я на грани. Он так и не произнес ни слова. Я тоже. Напряжение осязаемо. И это меня убивает.

Когда Тэд дает последний звонок, Кэш смотрит на меня тяжелым, долгим взглядом, потом слезает со стула и уходит. Мне становится еще хуже, я чувствую себя обездоленной, печальной, раздраженной и обиженной. Но больше всего мне хочется кинуться следом за ним. И попросить остаться.

Но я этого не делаю.

Не могу.

Не буду.

Как положено, все, кто работал в баре, остаются и ждут, пока Тэд подсчитает выручку. Но в мыслях я уже бегу далеко. К Кэшу. Всегда к Кэшу.

Достаю из кармана телефон и проверяю, нет ли сообщений. Новых ни одного, что одновременно озадачивает и разочаровывает. Поэтому я выбираю наугад одно из прежних и слушаю. Вот до меня доносится голос, грудь пронзает острая боль, как удар кинжалом: «Слушай, Оливия, я беспокоюсь о тебе. Ты что, не понимаешь? Не чувствуешь? Может, я не всегда поступал правильно, но постарайся посмотреть на ситуацию с моей стороны. Ты знаешь, как трудно мне было сказать тебе все это? Понимая, что ты можешь уйти и больше не вернуться? Я надеялся, что ты этого не сделаешь. Не уйдешь. Но ты ушла. И я знаю, что

должен позволить тебе уйти. Но я не могу. Я просто не могу».

Слышу, как он вздыхает в трубку и потом отключается.

В горле стоит ком.

Что мне делать? Он лжец. Лжец!

Тоненький голосок внутри дудит в трубочку: у него были более чем серьезные основания для лжи, и в конце концов он выложил все начистоту, доверил мне такое, что может в буквальном смысле угрожать его жизни.

И что с того?

Тоненький голосок на это отвечает: а кое-что. Это значит очень много.

Выбираю другое послание и слушаю: «Ладно, если ты собираешь играть в эти игры, отлично! Я сделал все, что мог. Пытался помочь тебе, показать, что ты мне не безразлична, но, очевидно, этого недостаточно. Может быть, ты и права. Может, правильно, что ты ушла. Я больше ничего не понимаю».

Слушаю следующее сообщение, за ним другое, еще, и еще, и еще. Ясно, что Кэш прошел через все стадии ответной реакции. У меня почему-то сжимается сердце. Мне становится совершенно ясно одно: во всех сообщениях сквозит отчаянное желание найти способ расставить все по местам. И особые неудобства доставляю ему я. Мне знакомо это чувство. Я знаю, каково это – любить того, кто доводит тебя до отчаяния.

Но какая мне разница. Меня это не должно волновать.

Но волнует.

И от этого я раздражаюсь еще сильнее.

Наконец Тэд заканчивает подсчеты и готов закрыть бар. Мы выходим все вместе. Приближаюсь к своей машине и вижу Кэша. Он сидит на мотоцикле рядом с местом водителя. Прохожу мимо, отпираю дверцу, залезаю внутрь и завожу мотор. Раздумываю, не опустить ли окно, чтобы поговорить с ним, но решаю воздержаться.

Выезжаю со стоянки и еду к дому. Позади вижу одинокий огонек – это фара мотоцикла Кэша, он неотрывно следует за мной.

Он что, будет провожать меня до самого дома? Что это он задумал? Устроить сцену на глазах отца? У которого сломана нога?

Раздражение усиливается. Вместе с ним растет чувство, распирающее грудь, сердце будто хочет вырваться из грудной клетки. Как Чужой.

В голове прокручиваются сообщения Кэша – его слова, звук его голоса, то, о чем он умолчал, и то, что высказал предельно ясно. Я снова смотрю в зеркало заднего вида, на фару мотоцикла. Он не отстает. Постоянно, неуклонно преследует меня. Как будто все устремления Кэша слились в одно и отразились в этом ярком луче прожектора.

Подъезжаю к знакомой стоянке у дороги, обсаженной деревьями, сворачиваю на нее, торможу с хрустом на гравии. Сердитым рывком перевожу передачу в положение «парковка»,

выключаю фары и вылезая из машины, захлопывая за собой дверцу. Не прошло и нескольких секунд, как на стоянку въезжает Кэш, тормозит рядом со мной и тоже выключает мотор.

Я решительным шагом подхожу к тому месту, где он остановился. Кэш снимает шлем и слезает с мотоцикла.

- Какого черта тебе от меня нужно? - кричу я - ярость внезапно прорывается наружу. Я кидаюсь на него, упираюсь ладонями в его широкую грудь и толкаю что есть силы. Кэш едва шелохнулся. - Чего ты добиваешься, а?

Чувствую, что вот-вот расплачусь, отворачиваюсь и быстро иду к машине. Обхожу ее спереди и вдруг чьи-то крепкие, как стальные щипцы, пальцы хватают меня за предплечья и принуждают остановиться. Кэш разворачивает меня лицом к себе. В серебристом свете луны черты его лица искажены гневом, в глазах сверкает ярость.

- Стой! Просто остановись! - рычит он.

- Зачем? О чем еще нужно говорить? Думаю, ты уже наговорил мне столько лжи, что на всю жизнь хватит.

- Больше ни слова лжи, - сердито обрывает он. - Я даже не хочу больше с тобой разговаривать. Мне только нужно услышать, как ты скажешь, что абсолютно равнодушна ко мне. Что ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое и никогда не показывался. Тогда я уйду. Если это то, чего ты действительно хочешь, то я уйду.

Я понимаю: вот для меня открылась возможность. Нутром чувствую: он сделает так, как сказал, - уйдет из моей жизни навсегда, если я прикажу ему уйти.

Открываю рот, чтобы заговорить, но слова застревают на языке. Слышу, Кэш хватает воздух, как будто собирается с духом, чтобы вынести мой приговор: «Уйди из моей жизни навсегда».

В его лице больше нет ярости. Вместо нее появляется нечто вроде немой мольбы. Потом он шепчет:

- Нет. Пожалуйста, не говори этого.

Я ищу его глаза. Зачем - не знаю.

- Почему?

- Потому что я этого не хочу. Ты нужна мне. Возвращайся. Не для того, чтобы помочь мне или моему отцу. Я с этим покончил. Мне не нужна твоя помощь. Все сводится к тебе. Я просто хочу тебя.

Сердце дико бьется в груди. Я ничего не слышу, ничего не чувствую, ничего не вижу, кроме Кэша. И несмотря на это, едва различаю слова, когда он снова произносит шепотом:

- Я просто хочу тебя.

Не успев ни о чем подумать, ни передумать, ни помучить себя рассуждениями о том, как следует поступить, вместо того чтобы потакать своим желанием, я отвечаю быстро и коротко:

- Ладно.

Вижу, как на лице Кэша загорается одновременно несколько эмоций, но больше не вижу ничего. Потому что оказываюсь в его объятиях.

Он впивается губами в мои губы, и мир исчезает. Я вцепляюсь пальцами в его волосы и тяну его к себе. Его руки блуждают по моей спине и бедрам.

А потом он поднимает меня и сажает на капот машины. Целуя в губы, задирая футболку, прикасаясь к грудям.

Я обвиваю ногами его узкие бедра и вжимаю в V-образный разлет своих. Он ударяется о то место, где я жду его больше всего.

Он расстегивает пуговицу и молнию на моих шортах. Где-то в глубине сознания мелькает мысль: хорошо, что мы скрыты от дороги.

Кэш ладонями отодвигает меня от края капота и стягивает с меня шорты и трусы. Бросает их на капот рядом со мной, кладет мои ноги себе на плечи и зарывается лицом в промежность.

Не могу сдержать стонов от удовольствия, которое доставляет мне его язык. Чувствую, как он описывает маленькие круги около клитора. Потом забирается глубже и проскальзывает внутрь меня так глубоко, как только может. Кэш трется о меня лицом. И потом мир взрывает вокруг него фейерверком оргазма.

Кэш шевелится, и я слышу, как расстегивается молния у него на брюках. Он проникает в меня, и спазмы оргазма продолжают. Кэш берет меня за бедра и придвигает ближе к себе, моя спина прижата к теплomu капоту машины.

Смотрю вверх сквозь полузакрытые веки и вижу, что Кэш не сводит с меня глаз, его взгляд серьезен, полон чувства. Кэш кладет свою руку между нами, и я вздрагиваю, когда он большим пальцем прикасается к клитору. Но он действует нежно, и очень скоро я ощущаю новое напряжение. Закрываю глаза и отдаюсь на волю чувств.

Волны одного оргазма плавно перетекают в следующий. Сжимая своим телом Кэша, чувствую, как он пульсирует внутри меня, распространяется по мне, наполняя меня, кончает где-то в глубине моего тела.

Открываю глаза и вижу Кэша: спина выгнута, голова запрокинута. Страшно заводит это зрелище – как он кончает. Я чувствую, как реагирует на это мое тело, выдаивает его, требует отдать все, что у него есть. Я хочу это все. Все, что он может мне предложить. Хочу, чтобы это излилось в меня.

Пока его тело продолжает наполнять меня горячей жидкостью, Кэш открывает глаза и берет меня за руки, поднимает и притягивает к себе. Мы соединены в одно, как могут быть соединены люди. И не только физически.

Он осыпает мое лицо поцелуями и гладит меня по спине. Ему не нужно ничего говорить вслух. Я знаю, что он думает. Воспринимаю без слов. Чувствую. И сама испытываю то же.

38

Кэш

Открываю глаза. Яркие лучи солнца пробиваются из-под занавесок в комнате Оливии. Не надо

было мне оставаться здесь так долго, но я хотел держать ее в объятиях, пока она спит. Хотел, чтобы она знала: я никуда не уходил. Она в безопасности со мной, в моих руках.

К несчастью, я сам заснул. Три незабываемых соития за короткий срок сделали свое дело.

С улыбкой смотрю на Оливию: она свернулась калачиком и прижалась ко мне, лицо спокойное и расслабленное во сне.

Не стану называть словами, что чувствую по отношению к ней. Просто хочу, чтобы она знала: я никуда не уйду и хочу заботиться о ней, сделать ее счастливой. Надеюсь, этого достаточно. Должно хватить.

Она ворочается рядом со мной, и мое тело отзывается. Я понимаю: если сейчас не встану, то кончится тем, что разбужу ее. Хотя для меня это лучшее начало дня, я знаю, она будет чувствовать себя неважно, если я не дам ей передышки. Кроме того, ее отец скоро проснется, так что надо возвращаться в свою комнату.

Выбравшись из кровати, тихонько натягиваю джинсы, беру остальную одежду и на цыпочках крадусь к двери. Открываю ее чуть-чуть и прислушиваюсь. Кажется, отец Оливии уже ворочается в постели.

Бесшумно пробираюсь в ванную и наскоро принимаю душ. Покончив с этим, спускаюсь. А Оливия пусть спит, сколько захочется.

Даррин, отец Оливии, сидит за кухонным столом и смотрит на меня так, что я не сомневаюсь: он меня дожидается.

Я киваю:

- Доброе утро, сэр.

Он кивает в ответ.

- Ты, значит, тот самый, - загадочно произносит Даррин.

Смотрю ему в глаза - такие же, как у Оливии, только более темные и менее блестящие, - и понимаю, к чему он ведет речь, что хочет знать. Вытягиваясь в полный рост, закладываю руки за спину и снова киваю:

- Да, сэр. Я тот.

Он обмеривает меня взглядом, будто оценивая, как барана для своего стада, а потом останавливается на моих глазах. Тонны смыслов в этом неотрывном взгляде вглубь меня.

- Ты знаешь, что она для меня значит, что я готов сделать для нее. И с любым, кто ее обидит.

подавляю ухмылку, которая прячется в уголках моего рта. Его слова об Оливии совпадают с моими чувствами к ней.

- Да, сэр.

Проходит несколько тягучих, напряженных мгновений, и наконец Даррин кивает:

- Вот и хорошо. Тогда давай приготовим этой девчонке завтрак.

С этого момента и далее я, кажется, никак не могу стереть с лица улыбку.

Через некоторое время Даррин заговаривает с Оливией. Я оборачиваюсь и вижу ее у входа в кухню. Она восхитительно взлохмачена. Мне хочется поднять ее на руки и отнести обратно в спальню.

Замечаю, что задерживаю дыхание, когда она обращает взгляд на меня. Мне немного неловко. А вдруг яркий свет дня высветил во мне какие-нибудь новые черты и это сработает против меня?

Она застенчиво улыбается, я издаю облегченный вздох. А когда ее щеки покрываются легким румянцем, хихикаю. Не знаю, почему это делает меня таким счастливым. Но ведь делает.

- Доброе утро, - говорю я, кладя лопаточку на большую ложку, которая лежит на столе справа от плиты. Знаю, что отец Оливии в курсе, как я к ней отношусь, но если бы даже не знал, все равно я не мог бы удержаться от того, чтобы не подойти к ней.

Останавливаюсь перед Оливией и беру в ладони ее лицо, нежно целую в губы. Она смотрит на меня своими влажными глазами, и что-то у меня внутри тает. Думаю с надеждой: это что-то неважное. То, что мне не понадобится.

Мне немного не по себе от всех этих чувств, поэтому я тихонько улыбаюсь и отправляюсь обратно к плите, надеясь, что Оливия не заметит моего смущения.

Остаток утра проходит гладко. До того момента, когда она объявляет, что после обеда мы возвращаемся в город. Я вскидываю голову, и мы встречаемся взглядами. В ее глазах нет предупреждения, но есть какая-то идея. Без сомнения.

- Почему так скоро, Лив? - спрашивает Даррин.

- Мне нужно сделать кое-какие дела, пап. - Замечаю, как взгляд Оливии сверкает в мою сторону, я сижу напротив, по другую сторону стола. - Скоро вернется Марисса, и мне нужно кое с чем разобраться.

Вот оно что.

Нам нужно кое с чем разобраться. Бесспорно.

39

Оливия

Поездка обратно в город радикально отличается от поездки туда. Единственное, что могло бы сделать ее более драматичной, - это если бы у меня загорелись волосы или если бы я стала мужчиной.

Время от времени смотрю назад, на Кэша, который следует за мной на мотоцикле. На голове у него шлем, так что лица мне не видно, но я представляю себе, как он улыбается всякий раз, как я смотрю в зеркало заднего вида. Я почти ощущаю это. Пару раз он даже кивнул, как будто мог точно определить, что я смотрю на него. Неужели он видит мои глаза в зеркале и замечает, когда я бросаю на него взгляд...

Когда я заруливаю на одно из парковочных мест у таунхауса Мариссы, Кэш останавливается

рядом, глушит мотор и снимает шлем. Я пытаюсь скрыть улыбку, потому что знаю, что он зайдет без приглашения. Мы будто заключили негласный договор. Я принадлежу ему, а он мне. По крайней мере, сейчас. А дальше будь что будет, я об этом думать отказываюсь.

Он заносит в дом сумку и идет с ней в мою комнату. Вместо того чтобы просто бросить ношу, он ставит ее на кровать, а сам садится рядом. Я не успеваю спросить, что он затеял. Кэш откашливается:

- Почему бы тебе не собрать сумку побольше и не переехать ко мне?

В животе все трепещет от мысли, что я буду каждый вечер засыпать в объятиях Кэша и в них же просыпаться каждое утро. Ложиться спать с его вкусом на языке и вставать с его языком у меня во рту. Вот как это может быть. По крайней мере, пока. На несколько дней.

Рай, да и только.

Но потом, как это часто бывает в самые неподходящие моменты, врывается реальность. И я вспоминаю о Мариссе.

- Слушай, Кэш, я понимаю, почему ты сделал то, что сделал, и как это важно, но я теперь не могу притворяться, что Нэш – это не ты. И что когда Нэш спит с Мариссой – это не ты. Потому что это ты. И так было всегда.

Кэш берет меня за руки и притягивает к себе, я стою в пространстве между его широко расставленными ногами. Когда он поднимает взгляд и смотрит на меня, глаза его сверкают. У меня перехватывает дыхание.

- Я порвал с Мариссой в среду.

Игнорирую тот факт, что сердце мое мечется в груди, как воздушный шарик, который кто-то надул и отпустил, не завязав, и он носится по комнате со скоростью света.

- Ты это сделал?

- Сделал.

Я почти боюсь спрашивать. Но спрашиваю:

- Почему?

- Потому что она не та, с кем я хочу быть.

- Но ты работаешь с ее отцом.

- С ним я тоже уже поговорил.

- Поговорил?

Он хохочет:

- Да. Я разобрался со всеми этими... заморочками. Пока не могу сказать всем, что Нэш умер, но продолжать в том же духе не собираюсь. Я бросаю заниматься делом отца. Проехали. Закончу стажировку и потом решу, что делать, буду ли практиковать, где и как. Я больше не позволю прошлому управлять своим будущим.

Я оцениваю то, что он говорит, и во мне возникает какое-то беспокойство.

- Но отец - это вся твоя семья. И он в тюрьме. Если ты можешь его вызволить, если на это вообще есть шанс, разве ты не считаешь, что нужно продолжать пытаться?

Кэш смотрит вниз, на наши соединенные руки, потирает большими пальцами костяшки моих.

- У меня не было настоящего дома долгие годы. - Кэш замолкает и поднимает глаза. Взгляд, устремленный на меня, теплый, нежный, искренний. - Пока я не встретил тебя. Ты - мой дом. И это важнее всего. Ты теперь мой дом. Только ты имеешь значение.

Мне хочется поцеловать его. Обнять. Сказать, что я его люблю.

Люблю ли я его?

Ответ приходит быстро: «Да. Люблю».

Но он не говорил мне этих слов. Поэтому и я их ему не скажу. Но они во мне, я их чувствую.

- Но если ты можешь хоть что-нибудь сделать для отца, я хочу, чтобы ты попытался. Не бросай его ради меня. Я тебе помогу, чем смогу. Я не боюсь. - Произнося это, я понимаю, что страха действительно нет. И это из-за Кэша. Из-за того, что я вижу в его глазах. - Я знаю, ты не поставишь меня под угрозу. По крайней мере, намеренно. - Я забираю у Кэша одну руку и обвожу кончиками пальцев абрис его скулы. - Я верю тебе, Кэш. Я тебе верю.

Он хватает мое запястье и прижимается губами к его внутренней стороне, потом мягко тянет меня к себе, пока я не сгибаюсь в поясе. Наши лица близко-близко.

- Поедем ко мне домой. Пожалуйста. - Чувствую на губах теплое дыхание Кэша. Я придвигаюсь, чтобы пространство между нами сомкнулось, но Кэш отстраняется и тихо повторяет: - Пожалуйста.

Никогда бы не призналась ему, но в тот момент он мог бы попросить меня о чем угодно, и я согласилась бы. На все.

- Ладно. - Только я произнесла это, и губы Кэша коснулись моих.

Он жадно и нетерпеливо хватается за талию, разворачивает и кладет на кровать. Мы раздеваем друг друга, как будто никогда еще не занимались любовью, как будто это первый раз, и мы больше не можем вынести ни секунды, не чувствуя соприкосновения голой кожей.

Когда он входит в меня, мир вокруг растворяется. Он тает и обволакивает нас, как волшебный прозрачный кокон, пока Кэш двигается внутри меня. Когда мы оба получаем разрядку и лежим, тяжело дыша, Кэш упирается лбом в мой лоб и произносит:

- Домой.

Я думаю: «Вот теперь я точно пропала. Отдаюсь Кэшу. Навечно».

40

Кэш

По пути домой ловлю себя на мысли, что, вероятно, никогда не был так позитивно настроен.

Даже перед «происшествием» я не чувствовал такой радости при взгляде в будущее. Такого оптимизма. Такого... восторга.

А что изменилось?

Оливия.

При мысли о ней я улыбаюсь и качаю головой. Она захотела принять душ и прибраться, прежде чем собирать вещи и ехать ко мне. И предложила, чтобы я отправился без нее. Это меня не слишком удивило, не поставило в тупик. Я знаю девушек, им нужно время, чтобы привести себя в порядок, и уединение. Поэтому я поцеловал Оливию и ушел. Странно, но я заставил себя уйти. Я бы предпочел залезть под душ вместе с ней. Не знаю, как отнеслась бы к этому Оливия, но мне, кажется, никак не насытиться. Даже когда я получаю сполна, мне хочется больше.

Звонит телефон. Достаяю его и смотрю на экран. Там написано просто: «Оливия». Улыбка расплывается шире.

- Я рассчитывал, что ты уже будешь здесь. Чего ты там возишься так долго?

Она отвечает не сразу. В голосе слышится смущение.

- Ну, я не знаю... это... какие у тебя планы на сегодняшний вечер? Мне брать рабочую одежду на сегодня и на завтра? Или...

- Ты еще с ним не знакома, но у меня есть один парень, который будет помогать в баре. Его зовут Гэвин, и я уже договорился, чтобы он взял твои смены на эти выходные. Почему бы тебе не провести это время со мной?

Она смеется, и, когда отвечает, по голосу ясно, что говорит с улыбкой:

- Я с удовольствием провела бы с тобой выходные, занимаясь... чем угодно, но я правда больше не могу позволить себе терять время.

Я достаточно умен и проницателен в отношениях с женщинами, чтобы понять: предлагать ей сейчас деньги будет большой ошибкой. Поэтому, чтобы сохранить мир, я делаю то, что нужно.

- Что ж, тогда запланируй работу на завтра. Этого будет достаточно, учитывая, что вчера ты трудилась у Тэда?

- Да, думаю, это меня устроит.

- Вот и отлично. Тащи сюда свою задницу.

- Уже тащу, - чирикает Оливия и отключается.

Сам себе удивляюсь, интересно, я когда-нибудь перестану улыбаться? А если не перестану, какое мне придумать этому объяснение? И вообще, будет ли это меня беспокоить когда-нибудь? Потому что в данный момент мне просто наплевать. Я счастлив. Она счастлива. Только это имеет значение.

41

Оливия

Кэш не сказал, где оставить машину, поэтому я пристраиваюсь на общей стоянке, для безопасности. Может быть, мне придется переставить ее позже, чтобы не афишировать особое к себе отношение: мол, я трахаюсь с боссом, поэтому...

Мне не сдержат довольной ухмылки. Это звучит так пошло, но мне нет дела. Никому и ничему не позволю испортить этот счастливейший момент моей жизни. Счастливые времена бывают нечасто, и я намерена наслаждаться по полной, пока могу.

Взяв с заднего сиденья свой багаж, запираю машину и иду к боковому входу в жилище Кэша. Бабочки в животе счастливо трепещут крылышками, напоминая, что я занималась любовью с Кэшем больше дюжины раз. И все же...

Подхожу ближе. Дверь гаража открыта. Внутренняя тоже. За ней стоит Кэш и улыбается. Он не дает мне войти, останавливает, забирает у меня сумки и ставит их на пол позади себя. Потом с шаловливой улыбкой подхватывает меня на руки, заносит в дом и пяткой прихлопывает дверь.

- Я ведь должен был перенести тебя через порог?

Я смеюсь.

- Если ты сейчас занят этим, должно быть, я проспала что-то важное, - сухо говорю я.

Кэш вскидывает бровь и одаривает меня горделивой улыбкой:

- О, поверь мне, я не дам тебе проспать ничего действительно важного.

Я обвиваю руками его шею, и он наклоняет голову, чтобы поцеловать меня. Наши губы соприкасаются, и вспыхивает огонь. Так бывает всегда. Но сейчас в этом есть нечто особенное. Более глубокое, более сладостное. Более значительное. У меня от этого сердце поет, а от поцелуя пальцы на ногах поджимаются.

Кэш несет меня в спальню и кладет на кровать. Собирается лечь рядом со мной, но я его останавливаю. На этот раз все по-другому. Ощущения другие. Я хочу, чтобы все началось с оглушительного удара - трах-тарарах. Каламбур.

Встаю на колени и подбираюсь к краю кровати. Поднимаю голову, улыбаюсь и смотрю на Кэша, но ничего не говорю. Начинаю вытаскивать его рубашку из брюк. Как в тот раз, когда мы с ним встретились впервые. Несколько секунд замешательства, и до Кэша доходит. Я знаю, в какой момент это произошло. Его губы подергиваются, брови ползут вверх, как в тот вечер, он разводит руки в стороны, тоже очень похоже на то, как делал тогда.

Я хихикаю, встаю на кровати, стаскиваю с него рубашку и отбрасываю ее в сторону.

Не могу придумать лучшего способа начать новую страницу в наших отношениях. Мы будто завершили круг и получили еще один шанс. И я хочу использовать его на все сто.

Падаю на колени и прилепляюсь ртом к его соску, щекочу языком, пока он не затвердевает, втягиваю его в рот. Слышу, как Кэш ахает:

- Уже тогда я знал: от тебя надо ждать многого.

Смотрю вверх, а сама спускаюсь по его животу. Пальцы уже работают над расстегиванием

молнии.

- Малышка, ты даже не представляешь.

По улыбке Кэша видно, что он счастлив. А все остальное не важно.

* * *

Примерно через час Кэш лежит на мне, перенеся часть веса на предплечья. Мы находимся в таком положении уже несколько минут, просто наслаждаясь ощущением, как он смягчается внутри меня. Наши тела соприкасаются, а вокруг тихо-тихо.

Когда Кэш поднимает голову и я заглядываю ему в глаза, в глубине их такое богатство эмоций, что слезы накатывают. Вспоминаю о том, что он говорил мне, и улыбаюсь. Беру в ладони его прекрасное лицо и шепчу, касаясь губами его губ:

- Добро пожаловать домой.

Кэш целует меня, и я понимаю: мы оба дома.

Эпилог

Даффи

Вскрыть замок было проще простого. Даффи думает: смешно, что богатые люди считают себя неуязвимыми, защищенными от любого вторжения, если обзавелись системой безопасности. Он хихикает, но говорит себе: «Ш-ш-ш».

Если бы они только знали...

Пробираясь впотымах по комнатам, Даффи находит то, что ищет, - ее спальню.

В полночь Даффи позвонит владельцу дома и пожалуется, что слишком громко работает телевизор. В этой квартире. Он потребует, чтобы съемщика нашли и заставили убавить звук. Она придет, чтобы разобраться, в чем дело, а Даффи ее поджидает. И грузовик стоит под окном.

Даффи - само терпение. Он доведет дело до победного конца. Ведь все спланировано так тщательно. Нужно только держать ее у себя подольше, чтобы заполучить книги. А потом Даффи избавится от обоих. Это проще простого.

Даффи прячется за дверь ее спальни и звонит хозяину дома. Фальшивый донос сделан, он отключает телефон и набирает номер своего босса.

- Да, я привезу ее сегодня вечером. К восходу книги будут у тебя. Потом я избавлюсь от обоих.

Захлопнув крышку допотопного мобильного и сунув его в карман, Даффи устраивается ждать.

Оливию Таунсенд.

Продолжение следует...

Заключительное слово

Несколько раз в жизни я испытывала такую любовь и благодарность, что сказать спасибо казалось банальностью, как будто этого недостаточно. В такой же ситуации я нахожусь и сейчас, когда речь идет о вас, мои читатели. Вы – единственная причина, по которой моя мечта стать писательницей обрела реальные очертания. Я предполагала, что это будет восхитительно – наконец посвятить себя делу, которое я так люблю. Но я не могла себе представить, насколько затмит и перевесит удовольствие от писательства то неописуемое блаженство, которое я испытываю, когда слышу, что вам нравятся мои книги, что они не оставляют вас равнодушными или что ваша жизнь стала немного лучше после их прочтения. Поэтому признание, что я просто не знаю, как вас благодарить, чтобы этого хватило, идет из самой глубины моей души, из самого сердца. Эти слова я добавляла ко всем своим книгам со ссылкой на сообщение в блоге, надеясь, что вы найдете минутку их прочитать. Это честное и искреннее выражение моей признательности. Я люблю всех вас вместе и каждого в отдельности, и вы никогда не узнаете, как много значат для меня ваши письма и комментарии со словами поддержки.

<http://mleightonbooks.blogspot.com/2011/06/when-thanks-is-not-enough.html>